

Мария ЕВДАЕВА

Одиннадцатый маршрут

Книга первая

Возмутитель спокойствия

“Sholumi” Center
Израиль, 2026

Центр «Sholumi» выражает благодарность
Международному фонду СТМЭГИ
за содействие в подготовке к изданию этой книги

Мария Евдаева. Одиннадцатый маршрут
Книга первая. Возмутитель спокойствия

Дизайн и графика: Кямран Абушев

Руководитель издательского проекта: Шауль Симан-Тов

Книга подготовлена к печати и выпущена Центром «Sholumi»
при содействии Международного Фонда СТМЭГИ.

Фантастическая повесть Марии Евдаевой «Одиннадцатый маршрут. Возмутитель спокойствия» рассказывает о юном Лу-
ниме – сыне кронпринцессы изолированного острова Кайма, где
на протяжении веков существует строгий матриархальный уклад.
Вопреки местным традициям мать отправляет его на учёбу в Зер-
кальный мир – так жители Каймы называют остальную часть пла-
неты. Оказавшись в Израиле, Луним готовится стать студентом
хайфского Техниона и постепенно привыкает к совершенно не-
привычной для него жизни. Новые друзья, удивительные обита-
тели кибуца Кулички и происходящие там необычные события за-
ставляют героя по-новому взглянуть на окружающий мир, исто-
рию своей родины и истины, которые прежде казались ему незыб-
лемыми. Древние предания Каймы неожиданно переплетаются с
реальностью, превращая историю взросления Лунима в путеше-
ствие, полное открытий, загадок и приключений.

ISBN: 978-965-7783-47-4

© “Sholumi” Center

Израиль, 2026

Глава первая

От лестницы до лифта

На севере Азербайджана, где вдали от урбанизации растут самые вкусные яблоки и несут свои воды самые бурные реки – во всяком случае, в детстве я был твердо в этом уверен, – азербайджанский городок Губа и прилегающий к нему еврейский поселок Красная Слобода разделяются лестницей. Казалось бы, ничего удивительного, обычная каменная лестница. Меж тем после Великой Отечественной войны лестницу строили немецкие военнопленные. Местные аксакалы вспоминали, как немцы, поглядывая на синагоги Красной Слободы, недоумевали – неужели эти взбалмошные кавказцы, на первый взгляд ничем не отличающиеся от азербайджанцев, тоже оказались евреями?!

Откуда евреи попали на Кавказ, не помнили даже заставшие строительство лестницы аксакалы. Возможно, пришли из Персии на заре прошлого тысячелетия и обосновались в мягком климате на плодородной земле среди неторопливой южной жизни, постепенно всё меньше и меньше отличаясь от местных жителей. Те же нарды, те же неспешные беседы за армудом, то же гостеприимство – заключающееся в том, что путника сперва следует накормить до отвала, а на сытый желудок обязательно очаровать местными чудесами... Чудесами, коими изобилуют все деревни, поселки и провинциальные городки в любой точке земного шара. Больше всего внимания в такие моменты уделялось лестнице и приходу в долину в XVIII веке местной грозы своего времени – Надир-шаха, который уже занёс было меч над головой раввина, но в итоге всего лишь разрубил пополам книгу в его руках. Хотя, по слухам, жутко этого испугался, приняв промашку за знамение свыше, и более в здешних местах не показывался. Лестница, чудо сравнительно молодое и не столь опутанное паутиной молвы и легенд, преподносилась не менее торжественно.

В детстве я тоже любил эти истории, была в них какая-то неуловимая иллюзия высшей справедливости. Маленькая робкая победа добра над злом. Не как в волшебных сказках, где Карабас-Барабас всегда оставался сидеть в луже под дождем, а так, как если бы новичку случайно повезло в дедушкины нарды.

Что добро побеждает зло не всегда, я узнал довольно рано, и, наверно, это оказалось моим первым в жизни сильным потрясением. Когда я стал старше, то сделал вывод: борьба добра и зла – вещь в принципе противоестественная, ибо на то оно и добро, чтобы отвергать любое насилие. А еще позже наконец понял, что добро все-таки сильнее зла, хотя бы фактом своего существования. Поскольку противостоять злу, у которого руки всегда развязаны, сознательно используя не весь свой резерв, но при этом поддерживать крепкий баланс может только очень сильное явление.

Потом у меня появились дела поважнее, и я вовсе перестал об этом думать – пока не услышал слово «Армагеддон». И тогда, призвав на помощь все свои детские логические цепочки, я счел это понятие надуманным и утопичным. Однако в 2000 году подножия израильской горы Мегиддо тысячи журналистов со всего мира, держа наготове фотокамеры, действительно дожидались окончательной битвы добра со злом. Посмеявшись над дураками набитыми, я все-рьез задумался о силе пропаганды.

Помню, в армии я однажды спросил приглашенного в подразделение раввина, каков смысл заповеди «не сотвори кумира». Что плохого в нравственных идеалах? Не правильное ли призывать людей не творить себе врагов? Тот в ответ затянул старую песню о грехе идолопоклонства. Стало скучно. «И все-таки здесь заложено нечто другое, – упрямо твердило беспокойное желание докопаться до сути. Может, «не сотвори кумира» – это призыв остерегаться влияния злых стратегов? Да и правда, какого врага я, Виталик Гуршумов, сам себе сотворю – косо посмотревшего на меня

Женьку или Серёгу, о котором забуду на следующий день? Но вот если за дело возьмется профессионал, я и не замечу, как стойкая ненависть к новому врагу всецело вращает меня, пустит корни. А что, если однажды врагом окажусь я сам? Сколько раз я на полградуса отклонялся от нужного курса и лишь кривая бесконечного везения выводила меня в правильном направлении... Так, где гарантия, что я никогда не стал бы врагом общества, в котором всегда чувствовал себя своим, – окажись это общество чуть более требовательным?

Впрочем, я просто задумался. Уже много лет я вспоминаю бессменную нашу лестницу, только вызывая лифт в своей высотке в Хайфе. Вот и сейчас верный железный Пегас уже спешит на мой зов, а в холле меж тем перед своей компанией кривляется тупица Барни. И увидев меня, тотчас же заводит старую шарманку:

– Я всегда на шаг впереди остальных. Чем бы ты ни владел, у меня плюс один! – обращался он именно ко мне. – У тебя тачка, у меня плюс одна. У тебя миллион баксов, у меня плюс один. У тебя цыпа...

– У меня сорок шесть хромосом, – сказал я.

Барни вспыхнул, ища, чем бы парировать, но лифт его опередил. Когда я уже уносился на свой девятый этаж, снизу донеслось осторожное хихиканье – похоже, не вся свита Барни безнадёжна.

Сестрицу я застал лежащей на пушистом ковре и бесцельно крутящей сферу Рубика. С таким видом обычно думают о превратностях судьбы. Солдатская рубашка валялась на ковре отдельно.

– Что такое, «Мейнкун» закрылся?

Наскоро прикинув, сколько старших братьев сейчас мечтают гильотинировать меня (к счастью, немного; Райка считает, что страдать по-настоящему из-за меня никто никогда не станет, ибо я унылый мистер Хороший Парень, которому далеко до бэдгайской харизмы), я задумался, как

спасать ситуацию. Что вообще можно сказать Райке, когда она в таком состоянии? Конечно, фактами и аргументами еще можно попытаться переубедить идейного противника. Но внушить огорченной женщине, что ее плохое настроение напрасно, – это утопия.

Оставалось призвать на помощь любимый универсальный вопрос, который еще ни разу не подвел.

– Хочешь мороженого, Рай?

– Угу.

– Что это ты лежишь одна в темноте?

– Размышляю.

– Красивая юная барышня одна в темноте размышлять не должна. Это противоестественно.

– А что же тогда должна юная барышня? Если всё дело только в этом, я могу размышлять и при свете.

– Барышня должна развлекаться и радоваться жизни.

– А если у барышни сегодня другое настроение?

– Да не может у нее быть сегодня другого настроения, потому что сегодня пятница!

Райка презрительно хмыкнула:

– Если только не тринадцатое.

– Предложение такое: если я решу загадку, поставившую тебя в тупик, то ты идешь гулять, а я тут устрою кутеж с блек-джеком и химией. К лабораторной я еще не подготовился.

– А если не решишь?

– Тогда я съем студенческий билет у тебя на глазах.

В сестрицыном взгляде зажегся интерес:

– Хорошо. Непонятка первая: почему самые классные книжные герои-мужчины, от Овода до Дамблдора, созданы женщинами... А самые тошнотворные женские, от Джулии Ламберт до Карениной, – мужчинами?

– Типичный черри-пикинг. Я еще в прошлом году на биостатистике усвоил простую аксиому: чем меньше выборка, тем больше погрешность. Вот, к примеру, чем плоха

созданная мужчиной Гелла? Зеленые глаза, коротенькая реплика про виноград, и идеальная женщина готова, влюбляйтесь на здоровье. Или вот еще хороший пример – Ремедиос, которая улетела на простыне.

– Да, направление неплохое, – кивнула Райка, – только не Ремедиос, а Пилар. Вот это была фигура!

– Она, хм... была куртизанкой, – осторожно заметил я.

– Пышка тоже была куртизанкой, – заспорила Райка, неожиданно опровергая свою же гипотезу, – а оказалась человеком. Это же Маркес, он мог специально сделать богом вселенной Макондо куртизанку, чтобы в очередной раз выдать свое фирменное: «Шах и мат, моралисты!».

– Интересно трактуешь.

– Элементарно, Гуршумов! Надо было читать между строк. Вот посмотри на Пилар с другого угла, – Райка начала победно загибать пальцы. – Всегда была рядом. Всегда готова прийти на помощь, ничего не требуя в награду. А вспоминали о ней, только когда дела плохи. Классическая божья характеристика. И потом, Макондо пришел конец сразу после смерти Пилар. И даже с косвенной подачи Мелькиадеса.

– Стало быть, дьявола Макондо?

– Угу.

– Ну очень интересно трактуешь.

– Хотя бы потому, что почти всё в Макондо происходило с его легкой руки. Кому, как не дьяволу, обеспечивать основную движуху? – рассудительно заметила Райка. – Знал наперед все траблы, но ничего не пытался исправить и спокойно строчил свои энциклики. Дьявол и есть.

– А мне Мелькиадес как раз нравился, – попытался я поспорить.

Но Райка и не думала возражать.

– Мне тоже. Симпатичный такой шайтан.

– Получается, бог и дьявол в Макондо были заодно?

– Получается, что заодно. А почему, собственно, все так уверены, что они принципиально по разные стороны

баррикад?! Они две детали одного механизма. Как будто бог – король, а дьявол – ферзь и основная игра именно на нем.

– И снова интересно трактуешь.

– А то!

– Рая, – сказал я. – А ведь я выиграл пари. Мы решили твою проблему, и ты можешь спокойно идти развлекаться.

– Не пойду я туда, – упрямо ответила она.

– Значит, мы еще не всё выяснили?

– Может, и не всё. Как считаешь, я круглая дура?

– Тут можно посмотреть двояко. Помнишь, как у Низами? «Влюбленный слеп. Но страсти зримый след ведет его, где зрячим хода нет».

– Конечно, как не помнить.

У Райки есть одна особенность – по ее тону не поймешь, соглашается она с тобой или иронизирует. Из анекдотических персонажей ей ближе всех английский дворецкий. Однажды кто-то из наших многочисленных тетушек сказал ей, что она никогда не выйдет замуж, если будет читать столько книг. «Хорошо», – согласилась Райка и стала читать еще больше. Может, из чувства противоречия, а может, просто само слово «замуж» вызывало у нее стойкую идиосинкразию.

– Дай угадаю. Он опять поплелся провожать какую-то фифу из «Мейнкуна»?

– Пусть провожает кого хочет, мне всё равно.

– Не заметно.

– Честное слово, мне всё равно.

Она собралась с духом и выпалила:

– Ты видел внизу Барни?

– Видел, и пять минут назад отправил его в глубокий нокаут.

– Неужели кулаком?

– Увы, пока только словом. Но если необходимо, могу и вернуться.

– Нет, так даже элегантнее. Просто я сегодня пыталась с ним поговорить, а он поднял меня на смех.

Я сразу понял, о чем речь. Райка давно мечтает создать крутой музыкальный ролик, а после того, как дуэт всеми путями пробиравшихся на MTV гламурных крепышей из клуба «Мейнкун» объявил пуримский конкурс клипмейкеров, вообще ни о чем другом думать не может.

– И что же он сказал?

– Что с такой внешностью надо быть внутри, а не снаружи. Даже обещал поговорить с продюсером. Решил, что я к нему просто подкатываю, представляешь?

– Тоже мне, нашла авторитет. Барни – бездарный зазнавшийся придурок!

Барни, он же Шауль Бар Нун, звезда районного масштаба, с полгода изводил всех соседей домашним караоке. Не далее, как в прошлую сессию я сам всерьез интересовался, считается ли допустимой самообороной убийство вооруженного микрофоном сумасшедшего. Но среди соседей с оскорбленным слухом отыскиались более дальновидные – и показали рекламно-красивого Шауля известному продюсеру. И вот он уже Барни, поет под фанеру о большой и чистой любви и снимается в однообразных клипах, состоящих сплошь из девиц в купальниках. Впрочем, если бы братская любовь не сделала меня ханжой, я бы добавил, что девушки всегда подобраны с самым изысканным вкусом. Может, поэтому Райкину идею немного разнообразить ролики он и не оценил.

– Кстати, февраль уже прошел, – напомнил я, – скоро Пурим. Про Барни забудем, но пора действовать.

– Достать чернил и плакать, – присвиснула Райка. – Точно! Что же мне придумать?

– Понятия не имею. Быть клипмейкером это слишком серьезный скилл, ему приходится одновременно выполнять функции режиссера, стилиста, хореографа, оператора, монтировщика и Мелькиадес их знает кого еще.

– Чтобы снять классный клип, можно обойтись без пиратских кораблей, высотных крыш и привлечения профессионального балета. Возьмем, к примеру, “World, Hold on” Боба Сенклара, это же какая получилась конфетка в стенах обычной детской спальни! Просто фантазия и креатив.

– Уговорила, отныне и вовек буду жечь креативом. Но с клипом у нас пока пустота.

– Я что-нибудь придумаю! – Райкин голос излучал сто-процентную уверенность.

– Удачи, – вздохнул я.

– А все-тки хорошо было бы жить при матриархате, – мечтательно протянула Райка. – Пришла. Увидела. Победила. И никаких сомнительных предложений. И Барни тоже никаких.

– Да, неплохо. Пуп земли давно переместился бы из Иерусалима в Милан. Пусть бы у итальянцев голова болела за всю эту сумасшедшую толпу паломниц. Ой, простите, у итальянок.

– Как смешно! – фыркнула моя сестрица.

Глава вторая

Возмутитель спокойствия

Ния, наследная принцесса королевства Южная Кайма, полулежала в кресле своего рабочего кабинета и ожидала, когда к ней доставят главного возмутителя спокойствия. По образованию Ния была архитектором, и если бы все ее обязанности ограничивались лишь новыми проектами и контролем за строительным процессом, могла бы смело считать себя абсолютно счастливым человеком. Однако статус первой наследницы престола не только открывает многие двери, но и во многом ограничивает, а Ния вообще редко вписывалась в установленные рамки. Однажды она уже совершила из ряда вон выходящий для своего статуса поступок, а сейчас все обстоятельства вели ее к новому – еще более эксцентричному.

Да, для августейшей особы Ния всегда вела себя неосмотрительно, прислушиваясь лишь к себе самой и слишком часто следуя за эмоциями. На несколько секунд ей даже стало сейчас стыдно. Может, еще не поздно отказаться от таких планов?! Но за дверью уже слышались шаги.

Луним осмотрелся в кабинете своей матушки. Он нечасто бывал на женской половине дома, всё больше находился рядом с отцом, но случилось то, к чему его готовили с рождения. У него начала расти борода, а это значило, что он вырос и не должен больше ходить простоволосым и появляться на людях с открытым лицом. А матушка отныне может в любую минуту продать его в наложники равной по статусу женщине – и только от воли распорядительницы будет зависеть его судьба.

Значит, во дворце известно, что он стал взрослым, – и матушка, возможно, даже выставила его на продажу. Скорее всего, новая госпожа решила перед оформлением сделки взглянуть на него живьем. «Посмотреть товар лицом», – подумал Луним. Лицом... При других обстоятельствах он

улыбнулся бы игре слов, но сейчас волнение парализовало остальные чувства. Интересно, что за девушка придет по его душу и как она будет его осматривать – прикажет снять только покрывало или тунику тоже?

От раздумий Луним волновался еще сильнее.

Неожиданно он вспомнил рассказ своего старшего единокровного брата, которого матушка давно уже продала, и больше в паноптикуме о нем не слышали.

– Вот смотрит эта барышня на меня как настоящая... эта...

– Хищница?

– Ага, она... А мне так хотелось под покрывало, там спрятаться, или просто отвернуться. Тяжело как-то мне с открытым лицом было стоять. А матушка, значит, и спрашивает: «Не желаете мускулатуру его пощупать?» А та и отвечает: «А это зачем? Знатному мужчине не придется работать. Главное, чтобы не возражал госпоже и был хорошим любовником». Так прямо и сказала.

– Ну а ты что?

– А я ничего. Но самое интересное было потом. Эта сударыня вдруг подошла ближе, как изловчилась, как нащупала рукой мой низменный орган, и мне вдруг стало так хорошо, так хорошо, что на всё на свете был готов, лишь бы это повторилось.

– Вот это да!

– Как, по-твоему, если эта сударыня меня купит, она сделает так еще раз?

– Думаю, сделает, – кивнул Луним. – Ты ведь должен будешь зачать ей дочь, а это примерно так и происходит.

– Да-а-а, – протянул брат, – хорошо бы.

– Значит, хочешь быть проданным?

– Какая разница, чего я хочу? Меня всё равно продадут, как оно и положено.

– А вот если бы нам позволялось самим выбирать себе путь, что бы ты выбрал?

– Да кто ж нам такое позволит, продадут как миленьких!

– Ну а вдруг?

– Не знаю. Я бы, наверно, тогда попросил, чтобы меня купила барышня с такими круглыми щечками, как на картинке, помнишь? Она еще улыбается так, будто вся светится. Только глупости всё это, я мальчик чистый, я после перетекания душ сразу влюблюсь в новую госпожу, зачем мне выбирать? А вообще отец говорит, что сами бы мы пропали в этой жизни. Некому вести нас за собой, кроме Каймы, а она делает это через своих дочерей. Может, в Зеркальном мире всё и по-другому, да не для нас, лунных сыновей, этот мир. Пусть уж лучше продадут нас, и дело с концом. Главное, до поры до времени о том не думать.

– Совсем не думать?

– Совсем. Я раньше жуть как клеймения боялся! Бывало, проснусь и представляю, как меня клеймят, и так мне делается страшно, что аж спать не могу. А теперь перестал об этом думать, и всё.

Сейчас, конечно, страхи брата давно позади. Настал его, Лунина, черед. Два дня назад он сменил юношескую тунику на мужскую, с покрывалом за спиной, чтобы в любой момент была возможность его накинуть, и с прорезями по плечам на рукавах, которые должны обнажать клеймо наложника. Тогда же он впервые и закрыл лицо, снова открыл его – и ничего особенного не почувствовал. Луним отлично знал, что мужчина с непокрытым лицом должен испытывать стыд и неловкость, и даже начал думать, что с ним что-то не так. Он быстро накинул покрывало обратно, пока этого еще кто-нибудь не заметил.

– Привыкай, – сказал отец. – Только наши распорядительницы могут видеть наши лица открытыми.

Сказал он это так, что Луним понял: ношение покрывала неизбежно и вопрос закрыт, как бы он к этому ни относился. И всё же в глубине души Луним робко надеялся: случится что-то, из-за чего сделки не будет... Хотя вековые

традиции Каймы нерушимы. Матушка была одна, сидела в мягком зеленом кресле, величественно вскинув голову. Зеленые краски преобладали в убранстве дома, это Луним давно заметил. Своих наложников и сыновей матушка обязала носить светло-зеленые туники, а надзиравшие за ними служанки ходили в болотного цвета форме.

Однако сегодня наряд матушки состоял из серой юбки и небесно-голубого свитера, в тон ее синим глазам. Наверно, даже от самого любимого цвета иногда хочется отдохнуть.

Луним поклонился и застыл, ожидая распоряжений.

– Мне сообщили, ты уже стал взрослым.

– Да, матушка.

– Отлично. У меня есть на тебя планы.

Ну вот и всё!

– Я смиренно приму их, матушка, – кротко ответил Луним, хотя сердце его колотилось отчаянно.

– Смирение похвальное качество для мужчины.

Кивком она отослала надзирательницу и, когда дверь за той захлопнулась, приказала:

– Сними покрывало и сядь.

Луним повиновался.

– Смирение похвальное качество для мужчины, – повторила матушка, – но только пока он находится на острове.

– Простите?

– Ты не будешь продан, ты отправишься в Зеркальный мир... На учебу.

– На учебу? – изумился Луним. – Как девушки?

– Именно.

Неужели предчувствие не обмануло? Луним жалел, что он не под покрывалом, потому что счастливая улыбка не покидала его лицо. Но вдруг он вспомнил одну очень неприятную штуку... и мигом вернулся с небес на землю.

– Но я не готов к наукам, матушка, я прошел только школу послушания.

– Читать ты всё же научился.

Повисла пауза.

– Так я права?

– Да, матушка.

– Мои дочери так увлечены своими гаджетами, что совершенно не читают. Без твоих вылазок библиотека стояла бы нетронутой.

А он-то наивно считал, что ему удастся воровать книги, оставаясь незамеченным. И что он разработал целую конспиративную систему, чтобы читать, оставаясь незамеченным, что он почти так же бесстрашен, ловок и находчив, как сам капитан Питер Блад...

«Балбес ты, а не отважный капитан! – мысленно выругал себя Луним. – Вспоминай, где просчитался!».

– Простите, матушка, – выдохнул он наконец, понимая, что теперь ему крепко достанется.

Но, похоже, матушка просто веселилась.

– Да я и не собиралась тебя наказывать. А сейчас тебе придется обучиться еще некоторым вещам. И будь осторожен, о твоих проделках никому, кроме меня, неизвестно. И не должно стать известно, понимаешь?

– Конечно, матушка.

– Возьми. Это один из лучших учебников английского языка, написанных на языке Великой Каймы. Ты должен научиться общаться.

– Разве в Зеркальном мире общаются как-то иначе?

– В Зеркальном мире всё иначе, чем здесь, на острове. Но однажды ты привыкнешь к новой жизни.

– А если не справлюсь, матушка?

– Ты должен постараться как следует! – В голосе принцессы зазвучал металл.

– Да, матушка.

Ния вдруг приблизилась, пристально посмотрела ему в глаза.

– Никто и никогда не должен узнать о сегодняшнем разговоре. Ты понял?

– Понял, матушка.

– Тогда на сегодня ты свободен.

Луним послушно встал, накинул покрывало и торопливо спрятал полученную от матушки книгу под просторной туникой, как не раз уже проделывал, и поклонился.

Ния нажала кнопку в ручке кресла.

– Его можно увести, – сообщила она вошедшей надзирательнице.

– Пошли, – сухо велела та.

В гостиной одна из дочерей матушки сидела, держа на коленях картину – изображения на ней мелькали, сменяя друг друга. Наверно, это и был гаджет. Луним отвесил поклон, одновременно скорчив отвратительную гримасу под покрывалом

– Мое почтение, сестрица!

Девчонка лениво подняла голову. Они почти не были знакомы, и неудивительно – мужчины Каймы не допускались на женские территории без веских причин.

– А, да... – пробормотала она с легкой досадой, будто ее отвлекли от чего-то важного. – Привет!

Оказавшись в парадном дворе, Луним попытался разглядеть часть улицы, скрытой за забором. Как всё это удивительно – высоченные дома, автомобили... Вот бы однажды пройти по улице без конвоя!

– Иди, иди, – прикрикнула надзирательница. – Нечего головой вертеть.

Ворота захлопнулись, щелкнул замок, и Луним оказался в обнесенном высоким забором белом дворе, где и располагался паноптикум. В таких живут наложники распорядительниц дома и их старших дочерей вместе со своими сыновьями, от самых маленьких до взрослых парней, ожидающих продажи. Луним на родной половине дома облегченно вздохнул и спокойно направился к комнате в анфиладе паноптикума, где жил вместе с отцом. Тот, скорее всего, уже ждет новостей и волнуется.

У отца Лунина на груди туники нашиты два розовых треугольника, а это значит, что у него две дочери. Нашивки давали определенные преимущества, они с сыном даже имели собственную комнату, а не ютились в общей. Отец Лунина очень красив, только уродливый шрам на плече всё портит. Это и было клеймо наложника, в прорези на рукаве хорошо заметное. Наложников у матушки Лунина было трое. Двое из них под стать принцессе, уроженцы очень знатных домов. Однако третьим, и самым любимым, как не раз приходилось слышать Лунину, отцом троих из четырех ее детей стал эдли – представитель низшей касты, обычный крепостной. В паноптикуме болтали, что в свое время крон-принцесса, прямая наследница Великой Каймы, выкупила у своей матушки, южной королевы, право сделать дворового парня знатным мужчиной – и честно внесла за него три тысячи солёных в государственную казну. Был ужасный скандал, но она всё равно не остановилась.

А еще говорили, что, когда дочери узнали правду об отце, их нежные девичьи души на какое-то время одолела типично женская хворь – депрессия. У Лунина, имевшего несчастье родиться мужчиной, души не было, а следовательно, депрессия ему не страшна, и он относился к своему происхождению гораздо проще: матушку легко понять, отец и сейчас красивый, а в юности, должно быть, походил на самого Эшуара. Вот и всё.

– Тебя продали?

– Нет.

– Так я и думал, – покачал головой Даир. – Спутнул молодую госпожу очередной глупой выходкой.

Луним заметил, что Даир надел расшитые туфли, значит ждёт, что его вот-вот отведут во дворец, в остальное время он просто ходил босым.

– Не было там никаких девушек, – Луним таинственно улыбался. – Не волнуйся, никуда я от тебя не уеду.

– Матушка прикажет – уедешь. Мы, мужчины, люди

подневольные.

– Не прикажет, – тихо, но уверенно сказал Луним. – И не уеду.

– Да не хорохорься. У тебя будет красивая госпожа, ты полюбишь уединяться с ней и быстро привыкнешь к новому дому. Главное, слушайся свою госпожу, и всё будет в порядке. Надеюсь, мне больше не придется тебе это повторять?

– Не придется, – поспешно согласился Луним, – не придется, я уже молчу. А можно я пойду на белый двор?

– Нет, ты останешься здесь. С чего тебе вдруг потребовалось на белый двор, снова книжки будешь таскать? Хватит с тебя.

– Меня же никто не видит, – запротестовал Луним. – На белом дворе только кузнецы, а в библиотеке вообще никого.

– Ты останешься здесь, – твердо повторил отец. – Ты теперь взрослый мужчина и обязан вести себя подобающе, а у тебя, смотри, по-прежнему одни глупости на уме.

Отец был очень щепетилен относительно всего касающегося продажи Лунима. Он считал, что у сына крепостного шансов попасть в хороший паноптикум куда меньше, чем у сыновей знатных мужчин, пусть даже он и считается королевичем. А взбучка в планы Лунима сегодня ну никак не входила.

– Как скажешь, пап, – покорно согласился он. – Я останусь здесь.

Их перебил громкий стук в дверь. Отец накинул покрывало, открыл.

– Госпожа требует тебя к себе, Даир, – велела надзирательница. – Следуй за мной.

– Да, сестрица.

Оглянувшись на Лунима, отец быстро сказал:

– Спать!

Тот кивнул.

Впрочем, цену этому кивку оба прекрасно знали.

Глава третья

Солнечное эхо

Что за единственной стеной дворца, соприкасающейся с белым двором, скрывается библиотека, Луним узнал еще в детстве. Однажды они со старшим братом забрались на растущее у стены дерево, в надежде узреть через небольшое окно красивый и запретный женский мир, а обнаружили только скучное книгохранилище. После такого разочарования они больше к дереву не приближались – пока Луним совершенно случайно не выучился читать. Случайно, потому что учить мальчиков наукам или хотя бы чтению и письму на острове Великой Каймы считалось делом непрактичным, лишним и ненужным. Зато существовали школы, где будущих знатных наложников готовили путем устных наставлений, и туда Лунима, как и полагалось, отдали в 10 лет. Именно этот возраст был установлен как идеальный для начала учебы. Послушникам прививали минимальные сведения об устройстве жизни, а также весь свод строгих правил, выполнение которых этикет острова требует от лунных сыновей.

Как и большинство великих открытий, это совершилось почти случайно. Заскучав за унылыми проповедями, Луним обратил внимание на череду непонятных значков, которыми были расписаны стены. Среди них мелькал один очень знакомый значок, похожий не то на корону Великой Каймы, не то на раскрытую ладонь. Потом он вспомнил, что видел этот значок на воротах и даже спрашивал, что он означает, у приволившей его в школу и забиравшей в конце недели служанки своей матушки.

– Здесь написано «Школа послушания», – буркнула неразговорчивая служанка. – А тебе что до этого, мальчишка? Вам тут буквы учить не положено.

Значит, эти значки и есть буквы.

«Клеймо не только частица души твоей госпожи, а кроме всего прочего еще и показатель статуса. Правильные мужчины радуются клеймению и знают, что перетерпеть боль ради последующих благ – мудрое поведение. У знатных мужчин много преимуществ перед простаками. Мужчина с гербовым клеймом постоянно находится под защитой своего дома... – долетели до него слова наставницы. – Послушание...» В слове «послушание» на воротах, вспомнил Луним, тоже есть та буква, похожая на корону, но не как в слове «школа», в начале, а где-то в середине. Значит, это «ш». Вот если бы выяснить, что означают остальные!

С того дня, как он заинтересовался буквами, обычно не самый прилежный послушник стал внимать наставницам с большим интересом – вдруг они прольют свет на что-то из написанного на плакатах, развешанных по стенам.

Так и произошло.

– Послушание, смирение и покорность должны отличать лунных сыновей, – в который раз говорила наставница, и Луним, отследив машинальный жест, указавший на стенд, понял, что написаны там именно эти три слова. Вряд ли кто-то из его товарищей обратил внимание на непонятные закорючки, но Луним решил во что бы то ни стало вычислить все имевшиеся на стенде буквы. «Как странно, – думал он. – По стенам развешаны назидания, которые нам разбирать запрещено. Но мне по вкусу эта идея».

Для начала он решил распознать другие буквы в слове «послушание». Однако их оказалось так много, что Луним растерялся. «По-С-Лу», – проговаривал он про себя, то есть три буквы, по логике вещей за ними должна следовать корона, но до нее еще две лишние. Чего-то он не учел, в этих буквах таилась какая-то хитрость, доступная лишь посвященным. Разочаровавшись, Луним так и оставил бы свою затею обучиться грамоте, но буквы отныне постоянно маячили перед глазами, не давали покоя.

Во время очередного скучного наставления Луним

неожиданно отметил, что «с» – очень короткая и обрывающаяся буква, тогда как «по» и «лу» словно поются. К тому же первая буква в слове «смирение» в слове «послушание» занимает не второе, а третье место. Значит, эти тянущиеся вслед за звуком хвостики тоже, оказывается, буквы! Подсчитав на этот раз их все до короны, Луним понял, что не ошибся. Окрыленный первым успехом, он продолжал подставлять буквы, пока не изловчился прочесть не только слово «послушание», но и «смирение» целиком.

Спустя несколько дней он незаметно стащил со стола одной из наставниц тоненькую методичку «О воспитании мужчин», которую начал тщательно изучать при каждом удобном случае. Правда, оставаясь незамеченным, уделять ей больше четверти часа в день у Лунина не получалось. Вот только буквы вызывали такой жгучий интерес, что через несколько дней он уже читал по слогам, а через лунный и вовсе покончил со скучной брошюрой.

В давние времена у матушки-Солнца было много дочерей на острове, который тогда был единственной сушей на Земле. Когда их земной срок истекал, они становились солнечными лучами, и их земное место занимали другие лучи. Матушка очень любила своих дочерей, обучала музыке, пению и легким ремеслам, выращивала для них вкусные фрукты. Так продолжалось с самого рождения Солнца и Земли, но однажды девушка по имени Каймарээ, далекая прародительница Великой Каймы, набралась смелости и обратилась к матушке с такими словами: «Матушка-Солнце, ты нас любишь, заботишься о нас с сестрицами, исполняешь все наши чаяния. А ведь я бы тоже хотела иметь дочь, о которой могла бы заботиться!»

Девушка опасалась, что матушка от такой дерзости разгневется, но она неожиданно обрадовалась ее словам.

– Этот мир наконец повзрослел и готов принять ответственность, – сказала матушка-Солнце. – Долго я этого ждала. И я помогу тебе, Каймарээ, научу, как поступить, но

всё не так просто. Если ты, дочь моя, готова к ответственности, то приготовься и к трудностям, и к разочарованиям.

– Я всё хорошо обдумала, матушка, – отвечала Каймарээ. – И я готова.

– Тогда слушай внимательно. Чтобы у меня на Земле были дочери, мне нужна не только светлая, но и темная сторона. Увы, такова суть всего живого. Моя темная сторона – это мой невольник, Лунный свет. До поры я не рассказывала вам об этом. Сегодня ночью, когда твои сестры уснут, выйди в сад и сиди у ручья, не смыкая глаз до рассвета, я прикажу ему зачать твою дочь.

Каймарээ так и поступила. Но Лунный свет был очень коварен и, воспользовавшись неопытностью юной девушки, сделал то, о чем давно уже втайне мечтал: зачал не только дочь, но еще и сына. Так на свет появилась первая земнорожденная девочка по имени Каймарээ, а также ее брат Эрамак, первый в мире мужчина. Как и его отец Лунный свет, Эрамак втайне мечтал о власти. Он был замкнутым и нелюдимым, любил молча сидеть у озера и смотреть на свое отражение. Однажды ему удалось покинуть остров – Лунный свет, как истинный заговорщик, осветил ему путь, пока спали дочери Солнца. Узнав об этом, разгневанная матушка-Солнце строго наказала Лунный свет, и с той поры только раз за 29 суток ему дозволено светить в полную силу. Эрамак при своей любви к воде скрылся от Солнца в океане, его увлекла стая зеркальных рыб, ведь еще больше он любил смотреть на свое отражение. А самый отчаянный из его сыновей – полурыб ЭраМар – однажды, надеясь, что об отце его там давно забыли, вернулся и сотворил для себя еще один участок суши, чтобы создать там новую империю. Так образовался еще один, менее совершенный мир, будто отражающий остров Кайма в кривых зеркалах. Зеркальный мир.

Всё это наперед знала матушка Солнце, потому так долго и готовила своих дочерей к разочарованиям земной жизни. С той поры многие дочери Солнца на острове стали

рожать себе детей, и первая земнорожденная девушка Каймарэ стала их королевой. Ее советница и подруга мудрая Ния, создательница каймской письменности, во всём ей помогала. Так Солнечную эпоху сменила Матриархальная.

Во времена правления Великой Каймы (I-II век Матриархальной эпохи) наступил золотой век острова. Была записана история Каймарэ, Каймарэ и Нии Мудрой, а также их преемниц, развивались искусства, литература, медицина и торговля. Именно тогда потомок ЭраМар'а, завистливый царь Эшуар из Зеркального мира, решил поработить Кайму... Его войско было многочисленным, хотя неподготовленным и плохо оснащенным, но захватить остров Эшуару представлялось легкой задачей.

Однако Эшуар просчитался – у королевы был отличный для своего времени торговый флот, которому в одночасье пришлось стать военным и добровольное ополчение лучниц, вместо насильно согнанных в морской поход рабов. Кайма и несколько ее соратниц, уповав только на матушку-Солнце и попутный ветер, окружили флагманский фрегат врага – и нанесли ответный удар. Угодив в западню, Эшуар на тонущем корабле запаниковал и попытался выкупить у королевы свою жизнь, но Кайма была непреклонна. Она приказала схватить царя, усыпила его и опустила на дно озера, возле которого так много времени проводил первый земной мужчина. В тот же день уснули все души лунных сыновей, ибо и был Эшуар земным воплощением Лунного света. И спать они будут, пока не проснется на дне своего любимого озера сам дух Лунного света. В честь победы матушка-Солнце посадила на берегу океана двенадцать прекрасных деревьев с сочными плодами, которое прозвали Кайминой вишнею. И на острове снова воцарился мир, который больше никто не посмел нарушать, ибо велика и могущественна матушка-Солнце.

В конце пути Кайма разделила остров между двумя дочерями. Старшая стала осваивать непокорный юг, а

младшей, совсем юной достались плодородные северные земли. После этого Кайма стала самым прекрасным солнечным лучом.

Всю эту историю Луним слышал, и неоднократно. Но прочитав ее самому оказалось так необычно! Он забыл о своей нелюбви к школьным наставлениям и перелистнул страницу.

О мужской чистоте:

В отличие от женского организма, способного очищаться приблизительно единожды за лунный, мужской организм лишен такого преимущества, и мужчине надлежит более тщательно соблюдать чистоту отношений.

В течение одного цикла у женщин не принято принимать более одного наложника. Это же правило и помогает точно определить отца ее детей. В современном мире это уже неактуально, но религиозные женщины продолжают этого правила придерживаться. Нет никаких сомнений, что матриархат позволяет намного лучше контролировать демографическую ситуацию, тогда как в Зеркальном мире она неупорядоченна и рождаемость зачастую даже избыточна, что особенно заметно по с трудом развивающимся патриархальным странам.

Впервые исполнивший свое главное природное предназначение мужчина условно становится грязным. Кайма в своих стихах сравнивает его с диким зверем, вкусившим крови. «Но к крови единого вкуса и запаха привязать его следует», – пишет она.

«Какое отношение одежда имеет к запаху крови?» – удивился Луним, но стал читать дальше.

Трактовательницы стихов Великой Каймы объясняют это следующим образом:

Условно грязный мужчина не нарушает внешнюю чистоту, если он соблюдает определенный свод правил, который знатым мальчикам необходимо выучить наизусть.

Наложник не должен класть свою одежду поверх

одежды своей госпожи, когда он находится в ее покоях, ибо этим он проявил бы неуважение.

Наложник не должен снимать покрывало в присутствии женщины, не являющейся его госпожой или матушкой.

Принявший таинство клеймения мужчина, побывавший не только в постели своей госпожи, но и в постели другой женщины, либо не клейменный мужчина, доказанным фактом побывавший в женской постели, становится безусловно грязным. Такой мужчина нарушает всю внешнюю чистоту вокруг себя. Вот что пишет об этом Великая Кайма:

Сколько света вокруг не будет,

Весь свет вытеснит чернота этих глаз.

Как известно, Кайма написала это об Эшуаре, который не только был безусловно грязным, но и гордился этим.

«Неужели такое замечательное изобретение, как буквы, не нашло применения более достойного, чем все эти глупости?» – раздраженно подумал Луним, захлопнув брошюру.

Следующей книгой, которую удалось утащить оказался сборник кайминых стихов. Но они оказались скучными, с кучей устаревших слов и не похожими на те песни, которые распевали кузнецы на белом дворе.

Больше читать в школе он не решался, интересного там было немного, а нареканий у него и без того предостаточно. Но прогнать из головы мысли о матушкином книгохранилище уже не получалось.

Тем же летом Луним забрался на знакомое дерево, протиснулся в крошечное окошко библиотеки, вытащил первую подвернувшуюся книгу и, спрятав ее под просторной туникой, аккуратно спустился обратно.

– Разве в школе уже учат буквы? – удивился Даир, увидев сына с книгой.

– Нет, я сам научился. Случайно. Ты ведь меня не выдашь?

– Смотри не попадись, – сказал Даир и зачем-то огляделся вокруг.

Когда Луним прочитал «Одиссею капитана Блада», то ненадолго загрустил, как бывает с каждым подошедшим к концу хорошей книги. Он понял, какая участь его ожидает – унылая жизнь раба-любовника, большую часть времени, сидящего взаперти. Мужчины эдли хотя бы работают! Наверно, нет на острове доли тяжелее, чем доля королевского сына... по крайней мере, если верить его собственным ощущениям.

Луним в который раз полистал книгу и спросил у отца:

– А кто такой цыган?

– Не знаю.

– Тут написано: «Он был смуглый, как цыган».

– Значит, цыган – это у зеркального знатного человека, не эдли. Благородного по цвету можно узнать. И клеймо на их коже заметнее, чем у белого.

– А почему?

– Потому что клеймо всегда светлое, даже у цыгана.

– А почему так?

– Да откуда же мне знать? Много знать мужчине не к лицу.

– Папа, а тебе нравится быть наложником? – спросил Луним.

– Нравится, – уверенно ответил Даир. – Для крепостного это, как говорит ее величество твоя бабушка, поразительный карьерный рост.

Глава четвёртая

Летучий самаритянин

Я проснулся, когда Райка, гремя посудой, уже жарила шакшуку – и не хуже Барни вопила на все лады: «Матриархат-матриархат...».

«Только матриархата для полного бедлама нам не доставало!» – с этой мыслью я поплелся чистить зубы. Одиннадцатый отходит через 20 минут, надо торопиться.

– Кушать подано.

– Спасибо, Рай.

Я с легкой опаской взялся за вилку и, попробовав, откровенно восхитился:

– Ух ты, вкусно!

– Никому больше этого не говори, иначе мне придется тебя убить.

– Не переживай, репутация юной феминистки не страдает.

Уже дней десять, как я остался в нашей квартире почти один. Наши родители на целых два месяца улетели к родным в Штаты, сестрица всю рабочую неделю проводила на военной базе, и вожделенная когда-то свобода уже начала утомлять. Не позвать ли Менаше погостить?

– Я ушла, – крикнула из прихожей Райка. – Пока, Виталь!

Я поймал ее у самой двери.

– А ну стоять, рядовой! – скомандовал я и взвалил на плечо ее огромный рюкзак.

– Я сама.

– Обязательно. Я только рюкзак, а всё остальное ты, – сказал я запирая дверь. – Вызови лифт, пожалуйста. Сама.

Внизу, разумеется, нарисовался вездесущий Барни и запел дежурное:

– У тебя тяжелая сумка, а у меня минус один. У меня

новая модель, у тебя минус один. Проморгала ты свое место, на конкурс я иду с Вероникой.

Райка пожалла плечами – мол, не очень-то и хотелось. А Вероника из соседнего подъезда, подошла ближе – злорадно улыбаясь.

– А теперь скажи то, что очень хочется, – проворковала она по-русски. – Обожаю, когда меня называют стервой.

– Какая нелепость, – фыркнула Райка, – все ведутся на этот мейнстрим. Стерва – это околевшее животное, что в нем клевого? Другое дело Мегера, красивая, вредная и совсем не дура. Хотя последний пункт – точно не про тебя!

Барни, в диалог не въехавший, сотворил очередную глупость, растерянным взглядом ища во мне союзника и переводчика. Но я предпочел насладиться триумфом:

– У тебя языковой барьер, у тебя минус один, а я понимаю даже то, о чем поет Таркан, которого ты так усердно из себя корчишь. Идем, Мегера.

Райкин солдатский рюкзак я загрузил в багажник ее автобуса, бросив на прощание вожаделенное: «Дальше сама!».

И почти сразу запрыгнул в родной одиннадцатый, набитый до отказа. Что неудивительно для воскресного утра, венчающего в Израиле рабочую неделю.

Одиннадцатый автобус – это наш малокомфортабельный элитный клуб, наш тренажерный зал и наше справочное бюро. Мы эти места разыгрывали в жесткой конкурентной борьбе еще в экзаменационную пору. А больше всего я люблю одиннадцатый за невероятный кайф, который испытываешь, выбравшись обратно на свежий воздух – и сразу же вспомнив, что жизнь удалась.

Взбодрившись за время поездки, я направился в студенческое кафе, купил себе капучино с фундуком и круассан – и уселся у окна, надеясь на несколько минут тишины до появления Менаше.

Вы наверняка слышали о добром самаритянине? И о летучем голландце, конечно, тоже? А воочию ни того ни

другого не видели? Но раз уж я обещал жечь креативом, то сейчас познакомлю вас с летучим самаритянином. Тем более что он уже на полпути к нашему традиционному месту встречи. Правда, ходит он не в красной феске, а в драных джинсах и с красным мотоциклетным шлемом под мышкой, а белый халат надевает лишь в лаборатории, но это уже мелочи. Менаше – самый настоящий самаритянин. И этот самаритянин никогда не ходит спокойно, он всегда летает. Уж мне-то это хорошо известно, потому что Менаше мой лучший друг, к тому же один из лучших студентов нашей группы, а в прошлом боец бригады «Цанханим» и имеет с десяток прыжков с парашютом. Хотя мог, как представитель уникального народа, находящегося под защитой ЮНЕСКО, бесплатно учиться хоть в Оксфорде, хоть в Сорбонне. Но мой друг никогда не ищет легких путей, тем, собственно, и ценен.

Если честно, лет до пятнадцати я считал, что самаритянин – персонаж полумифический. А ведь в свое время этот свирепый народ снискал себе настолько дурную славу, что добрый самаритянин для древних евреев был кем-то вроде свистящего на горе рака, которого упоминают, как призыв отказаться от вредных иллюзий. Неудивительно, что одноименная притча так удачно пополнила арсенал чудес времен раннего христианства. Пророк, конечно же, может всё – и по воде ходить, и мертвых воскрешать, и даже самаритянина сделать добрым. Впрочем, дело это давнее, а сегодня самаритянская община в Израиле фантастически мала, всего несколько сотен человек. Меньше, чем население Люксембурга. Да что там Люксембург – достаточно одной нетанийской высотки «Sea Opera», весь народ легко туда поместится!

– Здорово, Виталий! – Красный шлем плюхнулся ровно напротив меня, улыбаясь лицевым щитком, а хозяин традиционно вырос над ним, как из-под земли. – Побудь, я за бурекасом сбегаяю.

Отсутствовал Менаше минуты три, не более.

– Агию помнишь? – заговорил он, вернувшись. – Из нашей группы, мулаточка такая?

– Ну, помню. Голубоглазая мулатка – редкий случай, такую сложно не приметить. Только что-то давно ее не видно.

– Не подтянулась еще, семестр только начался, а Агия живет далеко.

– Ты-то откуда знаешь?

– На прошлой неделе я наткнулся в деканате на ее документы – и, если честно, малость приобалдел... – Менаше полистал фотки в смартфоне. – Вот смотри, дочь Великой Каймы, знатная барышня Агия. Родилась в году 2263, числа 12 Финикового лунного. Королевство Южная Кайма. Имя матери: дочь Великой Каймы, знатная распорядительница Лата.

– И что?

– И всё. Об отце ни слова.

– Может, у них в королевстве так принято.

– А вдруг это популяция разумных особей, которая размножается путем партеногенеза?

– Тогда все были бы на одно лицо.

– Не факт. Не стоит недооценивать случайные мутации. Ты же знаешь, у любого новорожденного таких под сотню.

– Значимых среди них мало!

– А там их может оказаться много.

– Бро, ты малость переучился. Будь это так, весь научный мир за ними бы охотился.

– Вот потому они и прячутся. Часто ли ты слышал о королевстве... – Менаше снова заглянул в анкету, – о королевстве Южная Кайма?

– Всё понятно, – догадался я, – ты прикалываешься. Учти, Пурим только через неделю.

– Самаритяне не отмечают Пурим.

– Тогда что всё это значит?

– Я как раз и пытаюсь выяснить.

– Разгадка может оказаться проще простого. Подозреваю, мы имеем дело с обществом тотального матриархата! – выпалил я к собственному удивлению.

Я же законченный прагматик и никогда не воспринимал любые разговоры о материальности мысли. Но этот матриархат меня сегодня с утра так и преследует.

– Матриархат? – поразился Менаше. – Да я скорее в партогенез поверю.

– Сейчас мы всё узнаем, – я открыл в смартфоне Википедию. – Как ты сказал, Южная Кайма?

– Да.

– Нашел, Кáйма. Полное название – Объединенные Королевства Северной и Южной Каймы (условной границей между которыми считается протяженный солончак) Государство, занимающее одноименный остров в Индийском океане. Форма правления – дуалистическая монархия. Главы государства – королева Севера, королева Юга, а так же глава лиманской автономии, провинции у одноименного мыса, представленные в Национальном парламенте верховной матрессой. Избирательное право имеют все совершеннолетние женщины. (Говорю же, матриархат!) Климат субэкваториальный. Большая часть населения придерживается традиционных местных верований.

– Удивительно!

– Удивительно даже не это. Удивительно, что мы первый раз об этом острове слышим.

– А другие африканские острова на слуху?

– Но это не какие-то задворки цивилизации, уровень ВВП у них довольно высокий, денежная единица – солёный, всего четыре доллара.

– А грамотность при этом пятьдесят два процента населения.

– Да, несостыковочка.

– Зато смотри, какой герб!

– Герб как герб. Похож, кстати на герб старого Баку.

– Пчела, надо полагать, на контуре острова, и... кто там по сторонам, поросята или дикобразы?

– Это гиены.

– И что бы это значило?

– Я же говорю, похоже на герб старого Баку. Там тоже в центре бык и два льва по сторонам. И тут, и там – грозные существа охраняют миролюбивое.

Контур острова был похож на орех с черенком на востоке, который, должно быть, и был лиманской автономией.

– С понтом мы, очень хорошие, пока нас не зацепить – прервал мои размышления Менаше. – А слышал, как Агия обозначает любой абстрактный конгломерат? Студентки, преподавательницы, еврейки, арабки... даже таксистов таксистками называет!

– Может, она еще толком иврит не выучила?

Менаше мотнул головой:

– Да нет, как ни странно, для нее это дефолтная форма.

– Послушай, а тебе не все равно, что там у них происходит? Или тебе просто нравится эта Агия?

– Ну, она ничего, конечно.

– Менаше, – со смехом напомнил я, – ты же дал слово жениться только на самаритянке!

– Да на что она мне сдалась, – махнул рукой Менаше. – Я вообще жениться не хочу. Теперь давай еще про флору и фауну почитаем, чем замкнутее среда, тем больше в ней эндемиков.

– Потом почитаем, пора на лекцию, – напомнил я, покосившись на часы.

– Потом забудем.

Менаше быстро записал на стикер «эндемики Каймы», и мы отправились в аудиторию.

Все дело в том, что Менаше не просто самаритянин, он еще и самаритянский коэн, то есть потомственный первосвященник, что ко многому обязывает. Это у евреев коэны давно уже стали кем-то вроде неправящей королевы. Они,

конечно, есть, но на поверку могут оказаться безнадежно светскими ребятами, вспоминающими о своем происхождении максимум по большим праздникам. А тем временем все важные теологические вопросы давно решают раввины, представители народа, выбравшие этот путь самостоятельно. Раввината у самаритян не предусмотрено, зато если уж родился коэном, то изволь соответствовать. Соответствовать Менаше не хотел и, более того, не собирался. И пока что его стойкий зюйдический характер держал в борьбе с вековыми традициями крепкую боевую ничью.

Началось всё с того, что попасть в боевые войска Менаше не светило без письменного разрешения родителей. Вот тут как раз мой друг впервые попал. Эту историю я слышал так часто, что даже явственно ее представляю.

...За четверть часа до субботнего ужина Коэн-старший, как настоящий прямой потомок библейского Иосифа и в таком же полосатом одеянии по последней моде двухтысячного года от Сотворения Мира, восседает во главе стола. А напротив сидит его единственный сын в свеженькой униформе воспитанника курса молодого бойца – и как заведенный болванчик твердит одно и то же:

– Пап, подпиши разрешение.

– И не подумай. Ты же знаешь, мы, самаритяне, не вмешиваемся в арабо-еврейский конфликт. Наш единственный шанс сохранить неприкосновенность Гризим – это лояльность к обеим сторонам.

– И что прикажешь мне делать?

– Не менять красную феску на красные ботинки. Хотя когда ты слушал советы... При штабе не отсидеться? Где это видано, чтоб коэн с парашютом прыгал?!

– Тебя послушать, так я хрустальный, – не уступал Менаше. – А какой смысл подниматься на гору Гризим, когда некому будет ее при необходимости защитить? А уж если у меня есть право и на то и на другое, так я ни одного из них не упущу!

– Одна только эта форма способна насторожить некоторых соседей. Да, евреи наши братья по вере, но эти братья и крови у нас попили порядочно.

– Процесс распятия братской крови, если уж на то пошло, был обоюдным. Только в XXI веке ворошить прошлое контрпродуктивно. Пап, ну подпиши разрешение.

– Иш ты, контрпродуктивно! Марш в свою комнату, умник, и считай, что ты на гауптвахте до особого распоряжения.

Тут Менаше понял, все ставки биты, и вытащил из рукава свой единственный козырь.

– Не подпишешь разрешение – женюсь на еврейке, – угрожающе спокойно заявил он.

– Пора ужинать, – не менее спокойно отреагировал отец, пряча неподписанное разрешение среди газет и рекламных буклетов. – Переоденься.

Сражение было проиграно, но время у Менаше еще оставалось. Драгоценный листочек не погиб, а всего лишь затерялся среди других бумаг, и на том спасибо. Но ни во время ночной молитвы, ни в субботний день заговорить на заветную тему Менаше не рискнул. И только утром своего отъезда, от безысходности, прибег к самому сомнительному способу – решил подделать подпись.

Улучив минуту, решительно направился к журнальному столику, всё так же заваленному корреспонденцией, и вдруг услышал:

– Что это ты там ищешь?

– Хочу всю эту макулатуру выбросить, – пробормотал Менаше, сгребая газеты и старательно глядя в сторону. – Рекламы всякой накопилось...

– Я вырастил болтуна и шантажиста, – сказал отец после долгой паузы. – Но я устал с тобой воевать. И возможно, твоя идея не так уж глупа.

В руке у него было подписанное разрешение. Не веря своим глазам, Менаше взял вожаделенную бумагу, аккуратно

свернул, сунул в нагрудный карман и пообещал:

– Когда-нибудь ты будешь мной гордиться!

– Это-то и страшно.

Коэн-старший посмотрел в сторону Гризим, он всегда смотрит на священную гору, когда ждет совета Всевышнего... И, по слухам, добавил:

– Боевые парашютисты! Неужто при штабе не мог отсидеться... Весь в меня!

Исполнив мечту, Менаше взял на себя негласное обязательство передать следующим поколениям самаритянскую кровь неразбавленной.

– Мои родители из разных народов, – говорил я. – И меня это никогда особо не напрягало.

– Счастливики, – кивал Менаше, и было заметно, что в его душе противоборствуют генетик и самаритянин. – Мне вот позволить себе такую роскошь сложнее.

И я понимал, что он имеет в виду. Допустить исчезновение уникальной древней культуры нельзя, но бесконечные внутриобщинные браки – это менее заметное, но столь же верное ее убийство. Малочисленный этнос, живущий в изоляции, рано или поздно сам себя утопит в нежелательных рецессивных аллелях. Так жизнь в гетто когда-то довела ашкеназскую общину до критической частоты синдрома Тея – Сакса. Получается, борцуны за чистоту крови сами ее и губят. Как сказала бы Райка, «вот такая вот Уловка 22».

Но как бы там ни было, я точно знаю: выбирая между прогрессом и стагнацией, мой друг всегда предпочтет первое. Тем он и ценен. Смогла бы обычная израильская девушка принять и полюбить самаритянскую жизнь, ответить сложно. Известен лишь один простой закон: две реки, берущие начало из одного русла, всё больше отдаляясь друг от друга, понесут всё сильнее и сильнее разнящиеся воды. Раз уж мы с Менаше умудрились долго выяснять, чей арак – турецкая виноградная водка, как твердо помнил я, или финиковый самаритянский самогон, бутылку которого Менаше

притащил как доказательство в праздник Рош ха-Шана, – то что уж говорить о культурном коде генетически близких народов?!

– Если вдруг представить, что однажды на Землю придет Мессия, – говорил на этот счет Менаше, – то кто станет утверждать, что придет он именно в Иерусалим? Может, он придет в Кирьят Лузу? Ведь изначально маленький Иерусалим для царя Давида представлял исключительно стратегическую ценность, поскольку находился в середине крупного торгового пути. ореолом священности он окутался гораздо позже.

– Кому ты это рассказываешь, – отвечал я. – Я же бакинец, и где был бы этот город, если бы не Шелковый путь? Хотя ты прав, у Мессии могут оказаться совсем другие планы на этот мир, в конце концов, зачем им с белым осликом вся эта инфраструктура? Вот я бы на их месте явился бы в какую-нибудь североазербайджанскую деревню.

Глава пятая

Любовь к искусству

Луним вышел на белый двор, где перед кузницей сидел старый Ронур.

– А когда клеймят, это очень больно? – как будто заводя беседу, поинтересовался Луним.

– Нервничаете, наложный сын? – понимающе кивнул кузнец. – Бросьте, никто от этого еще не помер. Покричат-покричат и успокаиваются.

– Зачем тогда вообще это нужно, – не унимался Луним, – если так больно?

– А как иначе, наложный сын? Захотите попасть в хороший паноптикум – будете терпеть. Вот у нас паноптикум хороший, – не без гордости продолжал Ронур. – Я почти всех здесь клеймил. Да и батюшку вашего тоже я клеймил. Бунтарь, по совести, говоря, был ваш батюшка, пришлось моим ребятам его тогда по рукам и ногам связать. Только после вашего рождения и присмирел, ответственность почувствовал.

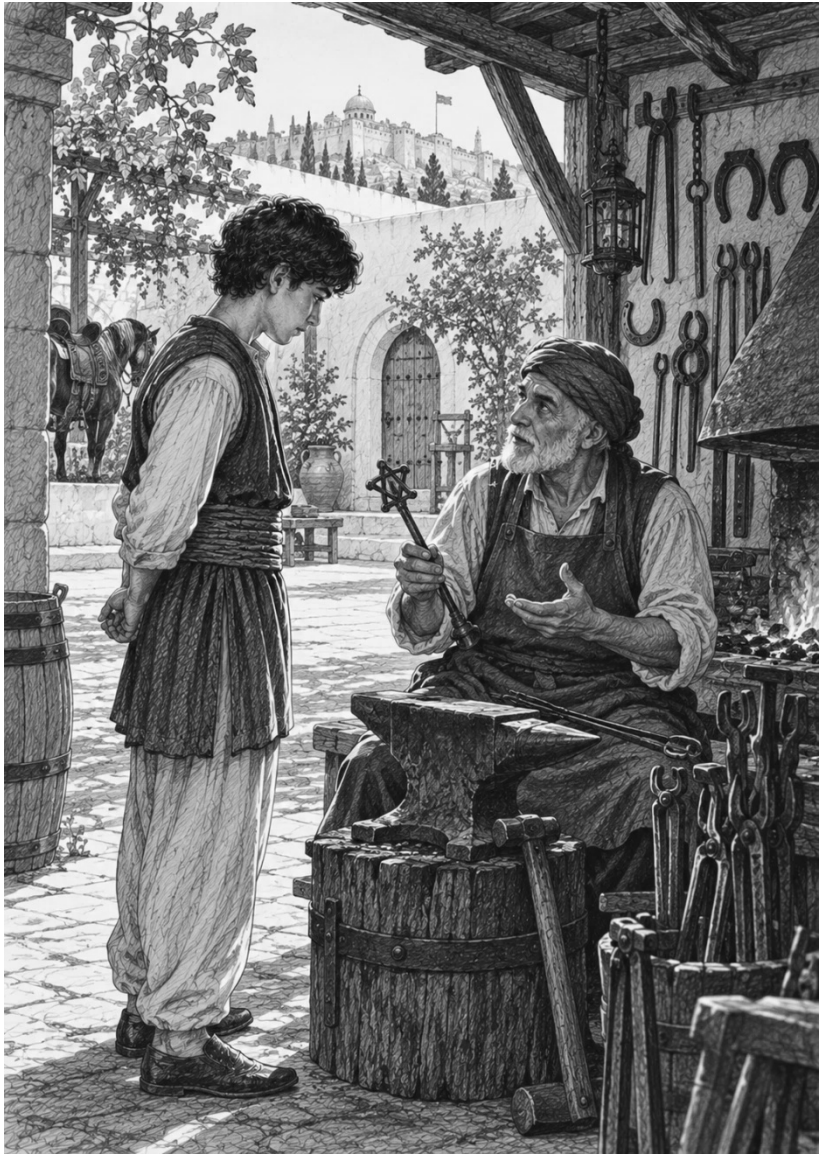
– А каким мой отец был раньше?

Кузнец неожиданно забеспокоился.

– Шли бы вы к себе, наложный сын, и сидели тихо, как положено знатному мальчику, пока вас ваша надзирательница не застукала.

– У меня есть право здесь находиться, – буркнул Луним, но повернулся и ушел.

Дорога теперь была открыта. Он, как всегда, отправился к своему любимому дереву и оттуда знакомым путем проник в библиотеку. Обычно он пробирался тайком, хватал что-нибудь новое и убегал, считая, что пережил очередное удивительное приключение. Но сегодня, когда прятаться уже не имело смысла, он решил разглядеть библиотеку изнутри. К тому же хотелось наконец самому выбрать себе книгу, а не довольствоваться теми, до которых можно дотянуться.

Луним спрыгнул на пол, огляделся и стал разглядывать полки, подбирая себе такую историю, чтобы с головой окунуться в чтение и не думать о тревожных вещах. Поразмыслив немного, он выбрал «Спартака» и уже собрался уходить, как вдруг его внимание привлекла книга в очень яркой обложке, которая оказалась сборником стихов «Кайма и любовь к искусству». «Ваше Величество, надеюсь, вы оцените, мое творчество» – гласила надпись со сложносочиненными завитушками на титульном листе. Луним полистал сборник, но стихи ему не понравились, одна только дурацкая фраза «Вознесемся к вечному мысу постепенно от Рэ до И» чего стоила. Рейсы, как болтают охранницы, к мысу ежедневные, плыви – не хочу безо всякого пафоса, так нет же вознесемся... Глянцевая обложка «Любови к искусству» меж тем легко выскользнула у него из рук, Луним нагнулся за нейи на самой нижней полке заметил одиноко стоящую книгу в грубом черном переплете. Книга явно была старой, а еще шершавой и очень тяжелой даже на вид. Вдобавок надпись на переплете не на каймском языке... Луним, поколебавшись, спрятал обе книги под туникой и стал подниматься к окну. Ступеньками послужили полки самых близких к окну стеллажей.

Первой, кого увидел Луним, выбравшись на свет, оказалась младшая из его сестриц. Короткое спортивное платьице плотно облегалo ее безупречную фигурку. Он вдруг вспомнил, как в школе послушания им рассказывали, что матушка Солнце старается над всеми своими дочерями. Женское тело насколько красивее мужского, что мужчинам даже из эстетических соображений надлежит носить закрытую свободную одежду и лицевое покрывало. Воспоминания были неприятны, и Луним от них отмахнулся.

Кожа у девушки была светлее, чем у старшей сестрицы. Она натирает руки и ноги хной и ходит в какой-то солярий, чтобы казаться темнее, чем есть. Во всяком случае, так болтают надзирательницы паноптикума.

Улизнуть не получилось, и Луниму пришлось поклониться, крепко удерживая книги под туникой. Получилось у него не слишком почтительно.

– Что это ты здесь делаешь!?

– Воздухом дышу, сестрица, – кротко ответил Луним.

– На дереве?

– А вы как сюда попали?

– Твое какое дело! – вспыхнула девушка. – Ступай к себе сейчас же, бесстыдник, пока я обо всём матушке не рассказала.

– Ой, нет, сестрица, не надо матушке, – с деланным испугом просил Луним, веселясь про себя. – Я уже ухожу.

Дуреха попалась, когда шпионила за помощниками кузнеца. Явно надеялась увидеть чье-то клеймение, но просчиталась. Теперь, должно быть, сама побаивается, что он проболтается об их встрече. А ему всё равно, он едет учиться в Зеркальный мир... Может, даже на Тортугу! Прощай, остров Кайма, у него, Лунима, появилась надежда изменить свою жизнь, как у самого капитана Блада!

– Подожди, – неожиданно раздалось сзади.

Он остановился.

– Ты эдли, да? – спросила сестрица подходя ближе.

Вопрос не стал для Лунима неожиданностью, и он понимал, как следует ответить.

– Нет, сестрица, я знатный мальчик. Скоро меня продадут в очень хороший паноптикум и клеймят по всем правилам. Я буду таким же наложником, как остальные.

– За тобой уже кто-то приходил? – спросила она с надеждой в голосе.

– Да, – не дрогнув соврал Луним.

Девушка радостно улыбнулась, но тут же опять посерьезнела:

– Покажи-ка мне лицо!

Придерживая одной рукой, покрывало, Луним поднял голову.

– Так и есть, – вздохнула сестрица, – у тебя тоже зеленые глаза. Нам обоим они достались от эдли, а значит, могут передаться и дальше.

– Он наш отец, – с трудом сдерживая подступающее раздражение, сказал Луним, – и он очень хороший.

– У них же совсем другой формы души, – продолжала девушка. – А если теперь и у меня душа повреждена? Кто захочет ее принять?

– А кто его будет спрашивать? – негромко ответил Луним. – Разговор у вас с нами короткий, и методы, хм... убедительные.

– Повтори! – угрожающе потребовала она.

– У вас душа Каймы, сестрица, ей ничего не страшно.

– Свободен, – фыркнула сестрица. Надменность в ее голосе мешалась с растерянностью.

Луним так злился, что ушел без поклона, а вернувшись к кузнице, с еще большей настойчивостью продолжил разговор.

– Я только хотел спросить: если после моего рождения отец присмирел, он до этого правда был какой-то другой?

– Говорю же, ответственность почувствовал.

– Значит, получается, это я виноват?

– Так жизнь устроена. Когда у вас будет сын, вы всё поймете.

– Но я укорял его. Говорил, что он не бунтарь, а он перестал им быть ради меня.

– Что-то не понимаю я вас.

– Да и не важно... А он правда был бунтарь?

– Еще какой! Красивый и гордый парень. Когда принцесса его заметила, он у меня работал, а когда уже выкупила, то привела сюда в белой тунике, как знатного. Сбрили красавчику все кудри и клеймили, да еле удержали. Мне его, дурня, жалко было, но приказ выполнять надо...

Тут послышались приближающаяся музыка, девичий смех и громкий голос молодой принцессы:

– Девочки, не стесняйтесь, угощения на всех хватит. А я скоро вернусь.

– Живо за кузницу, и чтоб не высовываться! – скомандовал Ронур.

Луним быстро спрятался, но стал подглядывать через щель. Сейчас начнется клеймение, это он сразу понял.

Клеймение в королевском доме – дело привычное. Свободные эдли, да и некоторые знатные распорядительницы, не могли позволить себе роскошь держать при белом дворе специальную кузницу, поэтому у королевского кузнеца всегда полно заказов. Но на этот раз клеймение оказалось личное. У старшей сестрицы вечеринка, значит, она купила первого наложника. И с младшей Луним не просто так столкнулся у забора, та действительно пробралась на белый двор, рассчитывая на пикантное зрелище, потому так и набросилась на него.

Ворота, отгораживавшие королевский двор, чудесным образом отъехали в сторону, и появилась сестрица. Она вела за собой мальчика в белоснежной тунике, под сплошным покрывалом.

– Начинайте, – скомандовала она.

Тунику и покрывало с парня сняли, голову обрили, и теперь помощник кузнеца отвел ему руки назад и привязал за локти к длинному железному пруту, закрепленному между двумя столбами. А второй помощник уже нагревал тавро в пламени печи.

Девушка, всё это время не выпуская из рук конец красной ленточки, обвязанной вокруг запястья молодого наложника, обошла столб сзади и почти натолкнулась на раба с раскаленным тавро.

– Не стоило бы вам на это смотреть, барышня, – заметил Ронур.

– Молчи, мужчина! – огрызнулась та. Потом спокойно достала гаджет и наставила на свою новую собственность.

– Терпите, молодой наложник, – увещевал кузнец. – Кто

сопротивляется, тому только большее бывает! Давай, – кивнул он помощнику, – держи крепко и ровно, как я тебя учил.

Раскаленное железо впилося наложнику прямо плечо. Луним поежился, ему хотелось скорее убежать подальше от этого ужасного места.

– Всё, – скомандовал кузнец. – Хватит, отпускайте его.

Отвязанный наложник без сил опустился на землю. Луним сразу узнал парня, который годом раньше закончил школу послушания.

Помощник кузнеца поспешно набросил на него покрывало, потому что к кузнице уже направлялась надзирательница.

– В паноптикум мальчишку, – распорядилась сестрица. – Пусть полежит, пока ожог не заживет. – И снова занялась своим гаджетом: – Зашибись видосик!

– Дайте руку, молодой наложник – громко сказала надзирательница – сейчас вам станет намного легче.

Когда голоса наконец стихли, Луним опрометью бросился прочь – и только оказавшись в своей комнате, перевел дух. Книгу с непонятными буквами он где-то выронил, но идти искать ее сейчас было слишком рискованно. И тогда ноги сами повели его в сторону ожогового карантина – куда наверняка и увели новичка.

– Кто там? – встрепенулся лежащий у самого окна парень.

– Это я, Луним, самый плохой послушник. Я брат твоей новой госпожи. Больно тебе?

– Мне вкололи что-то от боли, – с готовностью ответил тот. – Хорошо, что ты пришел, Луним. Я смотрю, чем дальше от дома, тем ценнее знакомые люди.

– И то верно.

– Так, значит, ты королевский сын? А я-то поначалу думал, что ты чуть ли не эдли...

– Я и есть эдли, – спокойно сказал Луним. – Мой отец эдли, он был здесь кузнецом, пока матушка его не выкупила.

И увидев, как округлились глаза собеседника, со смехом добавил:

– Добро пожаловать в королевскую семью!

– Не думал, что буду тебе рад, – примирительно заговорил молодой наложник. – Признаться, я всегда считал, что ты малость странноват, а сегодня мне это даже нравится. Правда, не знаю почему.

– Может, потому что ты прав. Ну, приятно встретить знакомое лицо, когда считаешь, что остался один.

– Я совсем не один, – возразил парень. – Просто пришло мне время перебираться к госпоже. И я очень рад, что клеймение уже позади. Ну вот, теперь и у меня есть душа. И моей госпожой стала принцесса Юга, это дорогого стоит.

– Но ты ведь совсем ее не знаешь, – не унимался Луним. – Хотя, говоря, по совести, тебе повезло, у моей старшей сестрицы матушкина рассудительность, тебе с ней будет легко. А вот младшая впитала отцовскую спесь. Да и я тоже.

– Для мужчины это совершенно недопустимо, – заметил молодой наложник – Особенно для мужчины, выставленного на продажу. Вот я, когда ждал сделки, был тише воды.

– И что?

– И вот я здесь.

– Тоже мне радость, – фыркнул Луним. – А вот чего ты теперь будешь ждать? Это же просто паноптикум, где ты однажды умрешь, вот и всё.

– Все когда-нибудь умрут, это закон.

– Да. Но за это время с другими много всего случится, а с тобой нет. Ты никогда не увидишь моря, а ведь в мире нет ничего прекраснее моря!

– И слава Кайме, что не увижу. Море очень опасная штука, в школе же рассказывали. Ты и это прослушал?

– Ну, наверно, – кивнул Луним.

Не рассказывать же случайному знакомцу про капитана Блада.

– Нет, моря не надо, – снова заговорил новичок. – Зато у меня здесь может родиться сын.

– А вот я бы не хотел, чтоб у меня родился сын.

– Почему? Опасаешься, что он тоже будет похож на эдли?

– Опасаюсь, что он будет таким же дураком, как и я. Несчастливым и неблагодарным.

– Ну, может, тебе повезет и у тебя будут дочери, – успокоил молодой наложник. – У меня вот тоже две сестрицы, одна всегда была ко мне очень добра, а вторая...

– Злюка? – подсказал Луним.

– Немножко да, – осторожно ответил парень и явно решил сменить тему: – Вот проснулся бы Эшуар, всё сразу стало бы по-другому.

– Эшуар... Какая нелепость – ждать, что проснется какой-то Эшуар, которого никто не видел.

– Но он же есть!

– Даже если он и был, то давно умер. Ведь все умирают, раз закон такой?

– У Эшуара и Каймы всё было иначе.

– Ну хорошо. Но если Эшуар проснется, то власть сосредоточится в руках белых. Ведь он был белый. Верно?

– Ну не знаю... – задумался новичок.

– А где же тогда Кайма? Тоже спит?

– Почему ты спрашиваешь меня о том, что известно каждой эдли... Ой, прости.

– Прощаю. Ну так где Кайма? Только не рассказывай, что она стала солнечным лучом, мне сложно это себе представить.

– Но так и было! Матушка Солнце забрала ее к себе.

– Тогда почему сейчас Солнце больше не разговаривает с людьми?

– Просто люди сейчас очерствели, а раньше все были добрыми. В школе же всё это рассказывали.

– Да как же все были добрыми, если шла такая страшная

война за остров?!

– Ну, значит, так надо было. У тебя еще нет души, ты не можешь многого понять. А я вот сейчас чувствую себя совсем другим. Не знаю даже, как объяснить.

Но Лунина разговор уже утомил.

– Ладно, всё равно не пойму. Я вообще-то пришел спросить, не нужно ли тебе чего?

– Вроде нет, – новичок покачал головой. – Всё в порядке.

– Ну отдыхай, еще увидимся.

Лунина накинул покрывало и вышел в коридор.

– Эдли, – проскрежетал из-за приоткрытой двери презрительный голос, – уже и покрывало носит, скверный мальчишка. Нет на вас управы, эшуарово отродье!

Это давно выживший из ума его прадед, отец правящей королевы, которого из-за дурного характера избегали другие наложники, да и охранницы предпочитали не связываться, Лунина ускорил шаг, и вовремя. Едва он юркнул к себе, как донесся голос надзирательницы:

– Внимание! Выключаю свет!

– Дура! – выругался Лунина в пустоту и забрался в постель.

Душа... Может, и правда душа что-нибудь изменит? Если она существует, конечно.

Вскоре Лунина совсем забыл о пережитом, его ждали более важные дела. Английским заниматься надо было постоянно, и он, по собственным ощущениям, уже делал небольшие успехи. К счастью, их комната не просматривалась камерами, как коридор, и книги здесь можно было использовать по назначению, без страха разоблачения. К тому же матушка уже несколько раз посылала за ним, чтобы вместе поработать над произношением.

Между тем сестрица увезла своего молодого наложника в путешествие. Вернувшись, тот важно рассказывал:

– Тюрьма в отеле прямо на крыше. Выходишь и болтай-

ся хоть целый день. Красотища! А внизу океан, ну вот прямо видно его. А ты говорил, никогда не увижу.

– А какой он, океан? – не отставал Луним. – Правда такой огромный?

– Конечно, огромный, без конца и края! Не хотел бы я оказаться близко.

Луним промолчал о том, что он спит и видит, как бы оказаться поближе.

– А ночью?

– Я в тюрьме почти не ночевал, только один раз, когда на пляже была дискотека. Обычно моя госпожа забирала меня на ночь к себе. И ласкала там, – стыдливо добавил он. – Так ласкала...

– Неужели она сначала даже не спросила ничего о тебе?

– Зачем? – удивился наложник – матушка предоставила госпоже все мои документы. Что еще расспрашивать?

– Ну хорошо. Но неужели ты ни разу не видел ночной океан? Я бы на твоём месте его весь рассмотрел!

Новичок только плечами пожимал.

Про океан Луним решил выяснить во что бы то ни стало. И первым делом обратился к отцу.

– Папа, а ты когда-нибудь бывал в тюрьме при отеле? Ну, чтобы с видом на океан?

– В кутузке при белом дворе я бывал. С видом на кузницу.

– А ты все-таки вспомни – может, бывал?

– Да, был однажды. Только тогда наложник одной посланницы с Севера закатил истерику, что приходится быть рядом с эдли. А потом еще и его госпожа начала выступать. Правда, когда узнали, чей я наложник, все сразу успокоились, а посланницу эту попросили впредь иметь в виду, что тюрьмы на Юге общие. Но больше твоя матушка не рисковала и брала в отели только своего старшего наложника. Звездный час дурака! Он даже сыном обзавелся в одну из таких поездок.

– А я когда-нибудь обязательно окажусь на море, – пообещал Луним.

– Тебе не следует отравлять себя ненужными фантазиями. Твое будущее – это сделка и новый паноптикум. Чем раньше ты это поймешь, тем легче будет.

– Почему ты всегда так говоришь?

– Да потому что конкуренция среди наложников мало заметна, но коварна. Ты должен всегда быть начеку и одерживать верх, а не витать в облаках.

– Какой мне в том интерес?

– Такой, что ты должен обязательно зачать дочь. Запомни, парень, именно это твой единственный интерес. Если ты, конечно не хочешь прозябать в общей комнатухе до старости. Запомни простую истину, самец гиены опускает голову и прижимает ушки, чтобы сыграть покорность перед самкой. Но даже в такой момент не забывает, что он хищник и с собратьями ведет себя соответствующим образом.

И не давая конфликту разгореться, поинтересовался:

– Так что там дальше сделал этот капитан?

– Перекинул узкую доску через борт и приказал полковнику прыгнуть с нее в воду и плыть к берегу.

– Молодец, ничего не скажешь.

– Он-то молодец, – вздохнул Луним.

Глава шестая

Августейшие причуды

Принцесса Ния ждала любимого наложника на диванчике у большого зеркала. Ждала в удобном, но строгом домашнем платье. Она не любила, когда прислуга заставляла ее врасплох, пусть даже в собственной ее спальне. Кронпринцесса всегда должна быть безупречной, и точка, так говорит матушка королева, а ее ожиданиям надо хоть в чем-то соответствовать. Правда с этой задачей Ния редко справлялась. Вот и сегодня утренний разговор с королевой не задался.

– Ты всегда была барышней со странностями, – Матушка изящно намазывала джем на булочку. – и я долго это терпела. Но никогда я не позволю отправить юношу на учебу. Что будет, когда он вернется из Зеркального мира дипломированным специалистом? Все мальчики сразу захотят учиться, а дальше потребуют работу, зарплату, независимость и избирательное право. А потом общество Каймы нахватается идей Запада, а еще хуже – Востока... Такого ни в коем случае нельзя допустить!

– Да не бойтесь же вы их, матушка. Я училась в Цюрихе и скажу, что в Зеркальном мире всё давно уже не столь плачевно.

– Дочь моя, мы так редко завтракаем вместе, что даже жаль тратить эти минуты на эти пустые разговоры. Расскажи лучше, как твои дела?

– На днях получила отличный заказ. От самой матрессы.

– Почему же мне о нем ничего не известно?

– Ну, всё пока на уровне разговоров...

– Однако новых рабочих ты уже заказала. Ния, ты что-то скрываешь?

Принцесса улыбнулась.

– Находясь в жестких рамках, лукавят все. Мои наложники, например, тоже со мной не вполне честны. Приходит-

ся проявлять мудрость и закрывать на это глаза.

– Ты уже говоришь, как в Зеркальном мире. Мудрость... Для их женщин это что-то вроде утешительного приза! Его получают женщины, согласившиеся с тем, что они люди второго сорта. Ты же знаешь, что пишут зеркальные мужчины! Например, тот же Оскар Уайльд: «Женщины – декоративный пол». Или вот еще: «Ум женщины в ее красоте, красота мужчины в его уме» – это так называемая восточная мудрость. Тоже мне мудрость, – фыркнула королева, – пошлятина... С той библиотекой, которую ты собрала, тебе ли этого не знать!

– О Кайма! Матушка, ну зачем вам держать в памяти все эти глупости многолетней давности, зачем растравлять свой нежный душевный организм? И в конце концов, разве плохо быть привлекательной?

Ния нервно покручивала по столу стакан сока, и королева недовольно поджала губы: «Такой неаристократический жест!».

– А чем плохо наше общество – все наши врачи, инженеры, юристы и такие, как ты, архитекторы? Хотя я никогда и не одобряла твой выбор! И сколько у Каймы патентов?! А ведь масса сил и средств уходит на то, чтобы поддерживать стабильность на Юге... Тем более при наших северных соседках! Нет, мы, женщины, должны всегда держать ситуацию в своих руках, ведь именно мы ответственны за продолжение рода! А мужчины... Даже по задумке природы мужчины – не более чем вспомогательный материал. И ни на что большее они решительно не годятся!

– Тем не менее они наделены разумом. Всё той же природой.

– Разума у них ровно столько, чтобы четко следовать за госпожой. Свободные мужчины еще хуже северянок. Только посмотри на мужчин Зеркального мира – это же чистый, бесконтрольный тестостерон. Такие агрессивные, что постоянно воюют! Разрушают созданное, потом создают новое

и снова воюют, снова разрушают. Мы должны благодарить Кайму за то, что наши мужчины подвластны нам. Есть незыблемые устои!

– Значит тратьте время на пустые разговоры мы все же будем? – съехидничала Ния – Хорошо. Да, мы давно доказали, что матриархальное общество вполне состоялось. Но, возможно, пора хоть немного расслабиться? Мы не можем свободно влюбляться, наслаждаться отношениями, баловать сыновей. Мы считаем мужчин рабами, необходимыми лишь для продолжения рода, – но игнорируем то, что сами мы в каком-то смысле рабыни системы. А ведь мы лишаем себя права быть счастливыми. Чем это лучше зеркальной жизни?

– Очень многим. Мы не отдаем своих нежных дочерей с их тонкой душевной организацией в чужие дома, как это делается в Зеркальном мире. А за мальчиков волноваться не стоит, у них нет души, они толстокожие и быстро ко всему привыкают. И твой сын привыкнет. Я тоже против неоправданной жестокости, смиренных мужчин следует поощрять. И тем не менее вековые традиции Каймы не должны пошатнуться. А тебе, дорогая, лучше оставить это твое вольнодумие при себе. На острове есть настоящие, можно сказать, фанатичные сексистки. Не то чтобы они мне симпатичны, скорее наоборот... Но лучше уж они, чем твой утопизм!

– Матушка, я всего лишь за благоразумие. Почему хотя бы не начать практиковать таврирование жидким азотом, если уж так необходимо метить этих бедолаг?!

– Но это же элементарно. Когда лунный сын...

– Да-да, я множество раз это слышала: когда лунный сын появляется на свет, он причиняет боль дочери Великой Каймы – и, став способным к репродукции, обязан эту боль искупить. Но это не более чем физиология и старый кровавый обычай, и это уже также доказано наукой. Разве не ортодоксальные перегибы едва не погубили Север?

– Всё не так просто. Но в одном ты права – мне пора подумать о государственных делах, которым кронпринцесса

предпочитает строть домики!

– Если я хочу заниматься любимым делом, то никакая корона мне не помешает, – спокойно отвечала Ния. – Великая Кайма ратовала за развитие науки, и я следую ее заветам.

– Но ты должна была стать политологом и отстаивать интересы дворца!

– С этим прекрасно справляется моя сестрица.

– Кронпринцессой остаешься ты, – напомнила королева.

– Увы, – вздохнула Ния.

– И что ты сделала для королевства? Крепостного выкупила?

– Построила семь лучших зданий в столице и около тридцати по всем городам Юга. А крепостного я выкупила только после того, как купила сына вашей любимой советницы.

– Которым ты всегда пренебрегала.

– Я не просила мне его подсовывать!

– Я, смею напомнить, сделала все, чтобы твой морганатический наложник чувствовал себя в паноптикуме комфортно и не подвергался травле. Но твой первый наложник – это же будущий консорт, а белый консорт это уже чересчур. Хотя и сейчас не лучше. Развлекаться с крепостным, если он молод и красив, – еще куда ни шло, но не рожать же от него наследниц!

– Разве вы не любите Инию?

– Очень люблю.

– Тогда какая разница, кто ее зачал? Это же просто мужчина.

– Это крепостной, он эшуарской внешности, он белый. И за три тысячи солёных. Да весь наш остальной паноптикум вместе взятый столько не стоит.

– Напомню, что это была ваша цена матушка.

Королева только рукой махнула

– Даже она тебя не остановила Слава Кайме, что Иния

родилась чернокожей и голубоглазой, как и положено знатной каймочке. А Ниярэ жутко комплексует оттого, что светлее подруг.

– Я обязательно с ней об этом поговорю.

– Вот и умница, – заключила королева.

Отставила пустую чашечку, поднялась и ласково добавила:

– Хорошего дня, дорогая.

Ния тряхнула головой, гоня прочь утренние воспоминания.

– Благодарю, вы свободны, – кивнула она надзирательнице, сопровождавшей наложника.

И когда та скрылась, приказала:

– Подойди, Даир.

Тот послушно приблизился, украдкой оглядывая мебель и прочие красивые вещи своей госпожи. Законами острова он был к этим вещам приравнен: слегка дороже хорошего автомобиля и чуть дешевле пары крупных Кайминых слез у нее в ушах.

– Разомни мне ступни, – потребовала Ния.

– Да, госпожа.

– Как мне нравятся твои прикосновения! – блаженно протянула она.

Даир молчал.

Ния приподнялась, пристально посмотрела в глаза своему наложнику...

– Ты меня любишь?

– Да, госпожа.

– Всей душой?

– У меня нет души, но мое тело принадлежит исключительно вам.

Принцесса пожала плечами.

– Как случилось, что в тебе не прижилась моя душа и ты не влюбился? Ведь я полюбила тебя еще девочкой. И сейчас ты единственный, за кем я посылаю с трепетом.

– Я уже здесь, – не отвлекаясь от работы, нарочито равнодушно сказал Даир, – располагайте мной безо всякого трепета.

– Тебя вымуштровали, вот ты и говоришь правильные фразы! «А я искренна», – с обидой сказала Ния.

«Легко быть искренней, когда тебе ничто за это не грозит», – подумал Даир, но благоразумно промолчал.

Но Ния, похоже, читала его мысли. Поэтому взяла его за подбородок, пристально всмотрелась и спросила:

– Или я бываю строга с тобой?

Даир отвел глаза.

– Это так?

– Вы моя госпожа, – уклончиво ответил Даир.

– А ты строг с Лунимом. Этикет острова не позволяет мне быть ласковой с ним, но я очень люблю нашего сына.

– А я за него отвечаю. Сын бывшего крепостного окажется не в самом выгодном положении при продаже.

– Он знатный мальчик. Более того, он мальчик из королевского дома, и никто не посмеет в нём усомниться!

– Мальчик из королевского дома обязан иметь безупречную репутацию, – почтительно, но твердо стоял на своем Даир. – Я учу сына смирению, потому что хочу, чтобы он мог соответствовать своему положению, когда последует за новой госпожой.

– Да, – вздохнула Ния, – жизнь сделала тебя шелковым. Но прежним ты мне больше нравился.

– Тавро кого угодно образумит, госпожа.

– Тавро на самом деле такие пустяки! Тебя примирило с реальностью появление Лунима. Наш сын особенный. Открою тебе секрет, я хочу отправить его в Зеркальный мир и сделать счастливым.

– Не будет ли это слишком тяжело для него?

– Ну, не тяжелее, чем с его талантами сидеть взаперти у какой-то самодурки!

Даир промолчал.

– Какие неприятные девицы претендовали на моего старшего сына, – снова заговорила Ния. – Мальчик из королевского дома, какая честь... А прежде в зеркало заглянуть не желаешь? Одна во время смотрин даже пыталась его лапать! Но я сразу же ее выставила. Другая впала в противоположные крайности, сказала, что хочет увидеть лицо мальчика только через зеркало. Мол, увидеть открытым лицо мужчины – это плохая примета и у них, на Севере даже наедине с госпожой наложники оставляют на лице тонкую повязку. Почему девицы, которые уехали совсем маленькими или здесь родились и не хлебнули на Севере лиха начинают так ревностно относиться к своим надуманным северным правилам?

– А они надуманные? – неожиданно заинтересовался Даир.

– Ну а какие же? Ни в стихах Каймы, ни в летописях Нии Мудрой никогда не было беспочвенных суеверий. Плохая примета, фи.

– Добрая девушка все же нашлась?

– Выбрала одну, наименее противную. Но сына от любимого я им точно не отдам. Тебе известно, что Луним умеет читать?

– Простите, госпожа, не уследил! – Даир явно не знал, как реагировать на ее слова.

– Я чувствую, у него какой-то особенный путь. Мы не имеем права мешать ему пойти своей дорогой.

– Вы же нарушите законы Каймы... – начал было Даир. И тут же получил звонкую пощечину.

– Зато я спасу Лунима!

– Как угодно, госпожа. Мне продолжать быть искренним?

– Ты не хочешь, чтобы наш сын стал счастливым? – Ния вожделенно наблюдала, как Даир справляется с собой.

– Или предлагаешь продать его по новой программе на Север? – продолжала она.

– Нет, госпожа. На Север точно не надо.

– Конечно не надо! А ведь наша новая матресса долго уговаривала меня поддержать проект своим примером. Кронпринцесса, по ее мнению, должна вдохновить народ. Целую лекцию мне прочитала – и о том, как какая-то русская царица из Зеркального мира погубила близкородственными браками детей, и что остров Кайма не собирается следовать ее примеру. Вспоминала, что в древности знать Севера и Юга нередко обменивалась сыновьями. И, дескать, теперь-то, после примирения и провозглашения на острове парламента, это просто необходимо. Но я отказалась. Улучшение генофонда острова – это, конечно, хорошо, но пусть эта программа обойдется без нас. Я хочу видеть, кому продаю сына, а на Севере его отправят в какой-то общий паноптикум и будут показывать всем без разбора.

– Сударыня матресса так легко смирилась с вашим отказом?

– А разве я не разнообразила генофонд королевской семьи еще задолго до проекта? – рассмеялась Ния. – Как говорит Иния, когда это еще не стало мейнстримом?

Даир понял, что госпожа хочет сказать. Он родился крепостным, но был при этом столь хорош собой, что юная принцесса совсем потеряла голову. Ния одного за другим отвергала знатных юношей, которых подбирала ей матушка. Все ее мысли занимал юный сын кузнеца с белого двора, напарник по всем ее детским играм, светлокожий и зеленоглазый мальчик-эдли.

Не дождавшись ответа, Ния продолжала:

– А насчет «легко смирилась»... Нет, конечно. Пришлось пойти на компромисс и пообещать купить для Инии в подарок на окончание учебы кого-нибудь из привезенных по программе северных мальчиков. И что ты думаешь?! Неплохая идея и ужасная реализация. Городской паноптикум выделил для программы одно крыло, а это старая ужасная постройка, там много лет ни ремонта, ни перепланировки!

Еще и столовая общая. Знатные мальчики обедают вместе с работающими простаками. А чему от тех можно научиться? Ругаться, есть как Эшуаровы солдафоны, ходить чумазыми? А еще это их жуткое «ё»! Зато сколько было шума вокруг программы, пресса и телевидение сбежались со всего Юга!

– Кого-то подобрали?

– Да никого. В итоге одна подруга предложила купить сына у нее. Наверное, тоже не захотела отпускать его слишком далеко.

– Значит, моя юная госпожа уже выучилась? – сменил тему Даир.

– Да. Я сегодня разрешила ей устроить вечеринку в честь клеймения первого наложника. Надеюсь, они с подружками не будут долго мучать мальчика, а поскорее отправят его к кузнецу и продолжат где-нибудь в кафе.

– Да, я тоже надеюсь, – кивнул Даир.

– Вот и славно. А теперь раздевайся.

Даир молча сбросил шаровары и тунику.

– И не забывай, я против полной эмансипации мужчин, – прошептала Ния, обнимая его за плечи. – Но мой сын – не все, и он будет счастлив!

– Да, госпожа, – покорно ответил ей наложник. – Обязательно будет.

Тут Даир неожиданно заметил, что его туника лежит поверх одежды принцессы, и попытался убрать ее, но неловким движением едва не уронил дорогой светильник.

– Мне здесь подчиняется абсолютно всё, а тебя не слушается даже собственная одежда, – засмеялась Ния. – Неужели ты думаешь, что для меня важны какие-то древние предрассудки?

– Есть правила – пробормотал Даир.

– А есть исключения. Смирись, Луним скоро покинет остров.

Не то чтобы, решивший на этот раз промолчать, Даир

не верил в успех операции, задуманной Нией. Даир не верил своей распорядительнице вообще. Ей ничего не стоит неожиданно отказаться от своих планов. И тогда все надежды Лунима рухнут в одночасье, а всё, что он, Даир, столько времени пытался вложить в голову сыну, не принесет пользы.

Утром Ния проснулась очень рано, проснулась от чувства тревоги. Такая тревога появляется у человека, задумавшего отчаянную авантюру, когда нет у него единомышленников даже среди тех, с кем обычно действовали заодно.

Даир спал, и Ния не стала его будить. Она любила смотреть, как он спит, как ест, как, сжав губы и прищурившись, справляется с эмоциями, чтобы не вызвать ее недовольство... Но сегодня даже присутствие любимого не помогло.

Если бы они жили в Швейцарии, где она получила степень магистра архитектуры, то сейчас завтракали бы вместе на веранде. Луним сидел бы, уткнувшись в книгу, или начал кланяться ключи от машины «на полчаса», а одна из девочек обязательно бы хихикнула: «Знаем мы эти полчаса!»

Именно такую сцену Ния однажды наблюдала в гостях у своей университетской подруги.

«Ну а потом он бы отправился очаровывать секретаршу, а ты... А ты осталась бы убирать со стола и мыть посуду? – спросила она сама себя и тут же ответила: – Я архитектор, мне бы нашлось чем заняться».

«А если была бы ты архитектором в мужском мире, – не унимался внутренний голос, – так же гладко складывалась бы твоя карьера?».

Нет уж, пусть Даир благодарит своего жалкого Эшуара за особое свое положение, если тот услышит, конечно.

Ния снова посмотрела на спящего Даира.

«Он видит в Луниме самого себя в юности, – решила она, – и боится за сына, ибо понимает, что-тот чувствует».

Решено, Лунима следует как можно скорее отправить в Зеркальный мир!

Глава седьмая

Away from here

– Следуй за мной, – сказала однажды утром надзирательница. – За тобой пришла очень серьезная дама, не уппусти шанса попасть в хороший паноптикум!

– Хорошо, – как можно спокойнее ответил Луним, хотя сердце его колотилось – не упущу.

Неужели матушкин план рухнул и его просто продают? Луним сник и поплелся вслед за ней.

Эта надзирательница, была постарше той, которую Даир называл сестрицей. Та постоянно искала повод пообщаться, а главное, научить его уму-разуму.

Но неожиданно и старшая решила дать ему ценный совет:

– Слушай меня, поначалу води себя с ней кротко, но как только потребует открыть лицо, загляни ей в глаза очень уверенно, даже нахально. Вот это ее заведет, она захочет тебя усмирить и обязательно купит.

– Почему? Ее этому тоже научили?

– Это в нас вложила матушка-Солнце, – горделиво выдала надзирательница.

– Ах вот оно что, – не удержался Луним. – Ну раз так, тогда, конечно.

– Всё дерзишь, маленький паршивец? Да ты лучше послушай, что я тебе говорю, тогда хорошо будешь жить.

Впрочем, открыв ворота, она сменила тон:

– Глаза вниз, мальчишка, нечего по сторонам вертеться!

Серьезная дама, пришедшая за Лунимом, была одета в красивую снежно-белую униформу. Приказала ему открыть рот и осмотрела зубы, ощупала мускулы. Изучила результаты медицинских проверок и характеристику из школы послушания.

– Обратите внимание, какая у него широкая выносливая спина, – заметила матушка.

– Знатного парня продаете мне, принцесса? – недоверчиво протянула покупательница. – Впрочем, я на корабле в море безвылазно последние месяца четыре провела и не знаю, что тут могло войти в моду.

– Мода ни при чём, вы только посмотрите на его характеристику, ни в один приличный паноптикум такого не возьмут. К тому же его отец...

– Эдли. Да, анекдотец этот я помню, – перебила ее капитан корабля (это Луним уже понял) и насмешливо продекламировала:

– Наблюдателен, склонен к анализу, не признает авторитетов... Ну надо же, целый букет пороков. Рекомендации – максимально ужесточить контроль. Я, признаться, всегда подозревала, что в школах послушания служат поголовно круглые дуры, но чтобы так открыто себя палить, нужно иметь просто дыплячий мозг. Ладно, к Эшуару все эти бумажки, у меня мальчишка быстро станет шелковым, уж поверьте, принцесса. Вот был у меня недавно такой случай...

– Уводите, – матушка спешно кивнула надзирательнице на Лунима.

Покидая женскую часть дворца, он еще долго слышал смех капитанши.

Следующим утром, вернувшись из купальни, Луним обнаружил на своей постели новую белоснежную тунику, какую надевают в последний день дома у матушки.

– Одевайся, – Даир был подчеркнуто деловит. – И поторопись. Тебя продали.

Луним подчинился. Потом посмотрел на отца и тихо спросил:

– Можно, я к дедушке зайду?

– Хорошо – сдался Даир – только недолго.

Луним вышел в коридор и жадно вдохнул воздух, приводя мысли в порядок. Мысли о том, что рано или поздно его продадут за несколько последних лунных успели

вытеснить мечты о далёком Зеркальном мире. Ну не глупо ли? Надежда оказалась его самым злейшим врагом.

Печаль и уныние выходят на поединок лицом к лицу,
А коварная надежда наносит удар исподтишка.

Стихи Каймы Луним, как ни странно, помнил неплохо, в отличие от остального школьного материала, но не успел он задуматься над их потаенным смыслом, как увидел, что его обычно вальяжный и неторопливый дед сам спешит ему навстречу почти бегом.

– Да разойдитесь вы! – прикрикнул он на стайку молоденьких служанок, собравшихся поглазеть на проданного принца – Нашли развлечение.

Его громкий голос и раскованность в движениях выдавала в нем провинциала, а черная кожа и ярко голубые глаза очень родовитого провинциала. Любимый наложник королевы имел в паноптикуме авторитет, девушки послушно попяtilись, а дед быстро развернул Лунима за плечи, отвел обратно в комнату, закрыл дверь изнутри и снял покрывало.

– Ты должен сам переодеть сына в торжественную туннику – сказал он Даиру – в моём городе это считали хорошим предзнаменованием.

Даир молча повиновался.

«Как сильно матушка похожа на своего отца – отстраненно думал Луним – а сестрица Иния, так просто его копия. А мы с Ниярэ похожи на папу.» Думать о чем бы то ни было еще у него не хватало сил.

В коридоре на него накинули плотный черный плащ, укpывший его с головой, и дальше тетушка-надзирательница повела его за руку.

– Меня теперь будут клеймить? – спросил ее Луним.

– Конечно будут, ты же не голодранец какой-то. Молодая госпожа повяжет тебе на запястье красную ленту и отведет к кузнецу, чтобы ты впитал маленькую частичку ее души.

– Как это?

– Через красный цвет, это цвет крови и каленого железа. Говорят, душа тянется ко всему красному.

– Почему?

– Хватит с тебя «почему». Надеюсь, свежих рубцов, как было в школе, на твоей спине не появится. В новом доме никто не станет с тобой миндальничать.

– Не знаю, – фыркнул Луним. – Такой уж я есть.

– Каким бы ты ни был, Луним, запомни... Эшуар спит и не может вдохнуть в лунных сыновей души, а женщина всегда может призвать на помощь Кайму, которая укажет правильный путь. И вы должны быть благодарны своим распорядительницам, что они позволяют следовать за ними по этому пути. А это значит, что всё, что делают со своими наложниками дочери Великой Каймы, следует принимать безропотно!

– Почему я должен в это верить?

– Верить в это необязательно. Просто запомни и передай своим сыновьям. Этим ты сильно облегчишь жизнь и себе, и им.

– Хорошо, – буркнул Луним, – я всё понял.

Вот и пришел конец иллюзиям. Теперь предстоит дорога в новый дом, а там молодая госпожа отведет его сначала к кузнецу на клеймение, а потом в паноптикум, где он однажды умрет. Эти мысли не покидали Лунима, пока тихо урчащий автомобиль вез его по дороге, ведущей прочь из дворца в неизвестность...

Where do you go, fantastic dreambird?

Answer to my yearning

Take me away from here! –

негромко раздавалось в салоне.

«Гаджет, наверно, поет – догадался Луним – Take me away from here... Нет, это уже невозможно».

А затем автомобиль скрипнул тормозами, и он неожиданно услышал голос матушки:

– Можешь снять покрывало.

Выбраться из плаща оказалось не так-то просто, а Солнце на улице с напивычки ослепило его даже через затемненные стекла автомобиля. Луним зажмурился, потом начал оглядываться. Не понимал он ровным счетом ничего, кроме одного – еще не всё потеряно.

За рулем действительно сидела принцесса, и кроме нее в машине никого не было.

– Где мы, матушка? – спросил он.

– В порту. Тебе надо будет стать юнгой на корабле.

– Как прикажете, – ответил крайне удивленный Луним.

– Не перебивай. Ты видишь Инию?

– Пустите – неожиданно раздался истошный визг – Пустите, дуры, не имеете права. Вам же хуже будет.

Луним осторожно выплянул в окно и увидел двух девушек-жандармов, волокущих третью, та отчаянно сопротивлялась, попутно рассыпая по набережной листы бумаги. Сестрица и ее подруга наблюдали за инцидентом, впрочем, без особого интереса.

– На пару слов к нам в бус, пожалуйста – твердо сказала одна из стражей порядка – а потом пойдёте на все четыре стороны.

– Через час Иния сойдет на берег в соседнем городе, чтобы передать заказчице мой новый проект, – как ни в чем не бывало заговорила матушка, когда дверцы автобуса захлопнулись и голоса стихли – но в багажном отделении останется ее сумка. Запомнил? Синяя сумка. Иния считает, что это посылка, которую по прибытии передаст капитан. На самом же деле там ты найдешь всё необходимое на первое время. Девушка, которая стоит рядом с ней, – дочь моей подруги, студентка. Ты должен незаметно сойти на берег в том же порту, что и она, поэтому старайся не выпускать ее из виду. К сожалению, это всё, что я могу для тебя сделать. Посмотри еще разок внимательно! И накинь покрывало, сюда уже идет капитан.

Новая распорядительница, та самая, что смеялась над его школьными наставниками, отвела Лунима на нижнюю палубу к матросам, ни один из которых даже пальцем не пошевелил, чтобы при ее появлении накинуть тунику или хотя бы закрыть лицо.

Среди них выделялся самоуверенный парень – темнокожий, голубоглазый громкоголосый.

– Так, ребята, никто не проштрафился, молодцы, – кричал он. – Сейчас быстренько всех пересчитают, и поплывем!

Парень явно был тут за старшего.

– Принимай новичка, – приказала распорядительница. – Введи его в курс дел.

И уходя, обронила:

– Да не ори так, исчадьё Солёной долины, акул распугаешь!

– Госпожа капитан любит пошутить, – ничуть не смутившись, ответил парень.

Это был высокий крепыш чуть старше Лунима, с сильными руками и с волосами, жесткими даже на вид. Как и все его собратья, одет он был только в свободные шаровары. И никакого клейма на плече.

– Привет! – сказал он. – Я Ажар.

– Луним.

– Эдли?

Луним кивнул. Не желал он впутывать матушку во всю эту историю, да и вообще заводить беседу охоты не было.

– А я знатный. Ну, был когда-то. Сестрица продала меня на корабль, чтоб окончательно не разориться.

Луним молчал.

– Ладно, идем, переоденешься, – скомандовал Ажар. – Скоро отчаливаем.

Глава восьмая

Эшуар проснулся!

Даир приблизился к кузнице впервые за несколько лет. Похоже, здесь так ничего и не изменилось. Четверо молодых парней в белых туниках из грубого полотна стояли в сторонке и перешептывались. Ронур чистил тавро, и Даир осторожно ему улыбнулся.

– Работы много?

– А как же, – с удовольствием ответил тот. – Не каждая распорядительница может позволить себе держать дворового кузнеца. Для нас всегда много работы.

– Может, я помогу? – спросил Даир.

– А вы еще помните, как это делается, наложник?..

Выразительный взгляд Даира заставил его замолчать.

– Ладно, давай помогай. Это мальчики из бедных инсул с окраины. Простачки побогаче скупают таких по дешевке для работы на своих фабриках, а безленточное клеймение заказывают нам.

Даир кивнул и направился к печи.

– А тавро какое брать? Здесь нет простаческих.

– Для этих – наше, гербовое. Работать они будут на стройке у принцессы. Я слышал, строить задумали что-то очень большое, и рук не хватает. Даже моих ребят туда забрать хотели. Но тут уж я вмешался. Прямо вот набрался храбрости, да так и говорю. Не дам, говорю, моих ребят увозить, не на это я их всю жизнь натаскивал. Другая б всыпала мне за такую дерзость, а наша принцесса – нет. Хорошо, говорит, я что-нибудь придумаю. Улыбнулась и ушла. Хорошая у тебя госпожа! И умная – понимает, что такими кузнецами не разбрасываются.

Даир вновь кивнул, показывая, что внимательно слушает.

– Да не будут ничего строить, – вмешался один из помощников кузнеца. – Я сам слышал, когда третьего дня их

принимал, что королева сказала принцессе: мол, не бывать в Соленой долине междумендродному анеропетру. Пусть матресса даже и не мечтает!

– Не бывать так не бывать, – согласился Ронур. – Наше дело маленькое.

– Я готов, – остановил Даир их разговоры. – Давайте первого.

Помощники кузнеца подвели одного из парней, сняли с него тунику, обрили голову, обездвигили.

– Терпи, друг, это недолго, – сказал Даир и приложил раскаленное тавро к плечу наложника. Тот не сопротивлялся, но стон сдержать не сумел. Даир, вспомнивший себя в этой же западне, поморщился. Но рука его не дрогнула, и тавро он не опустил, пока трижды про себя не назвал Эшуара по имени, как когда-то научил его Ронур.

Кузнец, обычно суровый со своими помощниками, был по-отечески заботлив с клейменными мальчиками.

– Молодец, молодой наложник! Вы отлично держались! – Подхватив отвязанного парня под здоровую руку, он отвел его подальше на траву.

Даир взял другое тавро, опустил его в печь.

– Ведите второго.

Приведенный парень, пока его готовили к клеймению, недоверчиво уставился на красивую зеленую тунику из тонкой ткани. Даир, верно, истолковав этот взгляд, успокоил:

– Не бойся, рука набита. Не бойся и терпи!

И впился раскаленным железом в гладкую кожу.

Ко всему привычные помощники кузнеца равнодушно вполголоса напевали. Даир неожиданно вспомнил, как в бытность свою крепостным тоже пел во время работы, особенно перед днем Эшуара, в редком для себя приподнятом настроении. День Эшуара безграмотный кузнец вычислял по только ему известному секрету, предварительно несколько дней в середине лета наблюдая за Луной. Это был веселый и бестолковый день, на белом дворе никто не

работал, Ронур громко бил по наковальне, и другие невольники шумели кто во что горазд, чтобы разбудить Эшуара. Королева давно махнула рукой на подобный саботаж, только настрого запретила всем знатным наложникам в этом участвовать.

Сын кузнеца Даир в свое время быстро постиг все тонкости этого искусства. Он тоже готовился всю жизни проработать королевским кузнецом и не подозревал, что более влиятельные особы решили иначе. Его каштановые кудри до плеч, длинные ресницы и на редкость обаятельная улыбка уже давно вскружили голову принцессе – очень романтической и нестандартно мыслящей особе. В детстве они часто играли вместе, пока Ния не поступила в школу. А потом она и вовсе отправилась учиться в загадочный Зеркальный мир. Но, возвращаясь домой на каникулы, первым делом направлялась на белый двор, поздороваться с другом детства. А у Даира тем временем уже начала расти борода, и его больше занимало, какая из молодых надзирательниц или горничных в скором времени заключит на него контракт с королевой. Но время шло, а ни одна из девушек эдли не смела позариться на фаворита принцессы.

– Даир! – позвала Ния, застав его однажды за чистой тавро.

Подняв голову, он встретился с ней взглядом.

– Ну как ты, Даир?

– Как обычный кузнец, – равнодушно ответил он. – Жара, как в Соленой долине, и все вокруг какие-то перепуганные.

– Когда тебя самого будут клеймить, ты по-другому говоришь.

– Меня? – удивился Даир. – Кому такое может прийти в голову?

– Ну, допустим, мне. Разве ты не хочешь стать моим настоящим наложником?

– А разве вы со мной всё еще не наигрались?

– Я просто хочу, чтобы ты всегда был рядом. По-настоящему.

– Это невозможно, принцесса, вы же понимаете. Мы славно провели детство, но оно кончилось, пора взрослеть.

– А я не против, будем взрослеть вместе, – не унималась Ния.

– Тогда для начала вам придется меня купить, а моя ма-тушка, хоть и свободная женщина, продать меня не может. Я сын королевского кузнеца, и продать меня может только сама королева. А королева меня вам точно не продаст.

– Может, поспорим?

– Хорошо, – сдался Даир, – спорим.

Неудивительно, что он вздохнул с облегчением, когда принцесса привела на клеймение юношу из знатного дома. Правда, радовался Даир раньше времени. Знатный мальчик оказался не более чем компромиссом, а он, настоящий предмет вожделения принцессы, уже через несколько дней стоял с красной ленточкой вокруг запястья у того же самого столба.

Выйдя из ожогового карантина, Даир в тот же день наивно направился во двор в своей новой зеленой тунике, намереваясь вернуться к работе.

Но Ронур, отвернувшись от сына, сказал отчужденно:

– Не дело вам, молодой наложник, ходить здесь босым и заниматься белой работой. Закройте лицо и ступайте к себе.

Даир всё понял и с тех пор к кузнице не приближался.

– Почему он закован? – возмутилась Ния, когда к ней впервые привели Даира. – Знатному наложнику это не при-стало!

– Какой же он знатный, принцесса? Это же мой братец, кузнец наш.

Взгляд принцессы заставил служанку попятиться.

– Забудьте об этом.

– Будь, по-вашему, принцесса, – пробормотала надзира-

тельница, снимая с Даира наручники и толкая его навстречу молодой госпоже. – Как пожелаете.

– Обними меня, – потребовала Ния, когда надзирательница ушла.

Даир неуклюже обхватил ее за плечи.

– Как интересно, меня объятиями окольцевала моя же собственность!

Принцесса не раз видела такое в фильмах. Но Даир, как любой молодой наложник, в покоях своей госпожи никакой инициативы не проявлял. И даже более того... Знатный парень, как ни крути, обучен правильно вести себя с госпожой. Даир же совершенно к такой жизни не готовился. Он стеснялся обнажаться перед знатной женщиной, был скован и неуклюж. И когда разозленная Ния однажды наотмашь ударила его по лицу – долго и ощутимо боролся с желанием ответить дерзостью, но промолчал. Несчастливая принцесса тогда только влюбилась еще сильнее.

С появлением сына, которого передали отцу, как и полагалось, в возрасте полутора лет, жизнь Даира неожиданно обрела новый смысл. Он полюбил Лунима, придумывал для него забавные игры, брал на руки и ходил из угла в угол по комнате, когда тот не хотел засыпать и плакал.

Но однажды ночью Луним разошелся сильнее обычного и никак не успокаивался. Даир почувствовал неладное, но к кому идти за помощью, понятия не имел. Друзей в паноптикуме у него не было. Старший наложник считал ниже своего достоинства общаться с эдли, а когда первенцем у него родился мальчик, то и вовсе перестал скрывать антипатию. Тем более, что Даир зачал своей госпоже дочь и удостоился особой чести – права на отдельную спальню. Закрепленные за ним надзирательницы, даже матушка и сестрица считали его грубияном. Кузнец? Даир спешно накинул покрывало, взял плачущего Лунима и вышел в коридор.

– Куда посреди ночи?! – окликнула его надзирательница.

Но сразу поняла, в чем дело:

– С детьми такое бывает. Колики. Пойдем пока к нашей врачу из ожогового. Она, правда, комбустиолог, но что-нибудь обязательно придумает. Очень толковая девушка, хоть и эдли.

Даир кивнул. Немного недоверчиво передал Лунима в руки надзирательнице и отправился вслед за ней в ожоговый карантин.

Известие о болезни принца пришло во дворец с рассветом, и Ния весь день изводила служанок расспросами о его здоровье.

– Да нормально всё с малышом, принцесса, – твердила надзирательница. – Завтра к вечеру выпишут, пообщаетесь, поиграете. Чего так нервничать, колики же просто.

Ния рассеянно кивала, и тем же вечером послала за Даиром.

– Как он? – с тревогой спросила принцесса.

– Лучше. Массаж ему сделали. Моя сестрица за ним присматривает.

– Слава Кайме! А можно, я приду на него посмотреть?

– Конечно можно, здесь всё ваше.

– Ну вот и договорились, – сказала она как-то очень беззащитно, и тогда Даир сам обнял госпожу за плечи, как она обычно требовала. Но Ния только разрыдалась на плече у наложника.

Дав ей успокоиться, он больше не сопротивлялся ее ласкам. Молча позволил снять с себя покрывало и всю ночь был таким страстным и нежным, как ей всегда и хотелось. Это и была его капитуляция перед судьбой.

– Если хочешь продолжать работать, хотя бы переоденься! – прервал его воспоминания Ронур. – И не ходи босым, опасно.

– А что я поделаю, я больше не кузнец, у меня ботинок нет. А к королевским туфлелькам я так и не привык.

– Надень мою вторую пару. Что скажут в городском па-

ноптикуме, если мальчишки проболтаются, дескать их клеймил королевский наложник?!

– Скажут, что брешут или со страху, померещилось. – усмехнулся Даир. – А их вот прямо сейчас и увезут?

– Они уже через пару дней должны выйти на работу. Это ты лежал в ожоговом, пока волосы не отросли.

– Откуда ты знаешь.

– Я все это время не спускал с тебя глаз – просто ответил кузнец.

Даир на сгновение смутился, но снова заговорил:

– Разве я мечтал об этом? Мне же нравилось быть кузнецом.

– Еще бы тебе не нравилось, это у тебя в крови. Сам Эшуар, наш прямой предок, был отличным кузнецом. Эх, был бы ты сейчас принцем, на шелковых простынях бы спал.

– Подустал я уже от шелковых простыней. На своих бы ночку передохнуть.

– Он попал в хороший дом, – после небольшой паузы попытался успокоить сына кузнец.

– Откуда знаешь?

– А его здесь не клеймили. Ведь старшего мальчика клеймил я. Приехала молодая госпожа, передала ему душу и только потом увезла. А твоего просто увезли. Значит, в какой-то очень знатный дом, где есть свой кузнец.

Даир не успел еще ничего ответить, когда раздался негодующий возглас:

– Я-то его повсюду ищу, а он вот где!

Даир быстро закрыл лицо.

– Каков негодай, удрал в кузницу! – вопила надзирательница. – Только полюбуйте на него, принцесса!

Ния, пришедшая вместе с ней, только устало спросила:

– Что же вы так кричите, если сами не уследили?

– Да разве за всеми углядишь...

– Раньше за вами таких просчетов не было, – подметила Ния с легкой улыбкой.

– Старею, должно быть, принцесса, – фыркнула служанка.

– Всё в порядке, это было мое распоряжение. Даир провинился, и я отправила его в кузницу на два лунных. Да, кстати, проследите за этим.

Надзирательница всё еще кипела.

– Проследи! – велела она кузнецу и мстительно добавила: – А будет плохо работать, пусть его выдерут так, чтоб кожа трещала.

– Сами разберутся, – величественно откликнулась принцесса. – И не беспокойте меня больше по пустякам.

– Я не знал, что ты наказан, – удивился кузнец, когда женщины ушли.

– Сам это впервые слышу.

– Опять твоя госпожа тебя выгораживает?

– Получается, выгораживает. Но об этом я тоже не просил.

– Ладно, возмутитель спокойствия, – примирительно улыбнулся кузнец. – Спать сегодня здесь будешь или к себе пойдешь?

– Здесь, конечно.

– Видали, какая злая? – снова вмешался всеведущий помощник кузнеца, подтянувшийся на шум. – А я помню, как королева ей и говорит: «Не бывать в Соленой долине междудородному аверопорту, и всё тут!».

– Это мы уже слышали, завязывай сплетничать.

Но парень, не обращая внимания на внушения, увлеченно продолжил:

– А принцесса ей и говорит: «Я не построю, значит, кто-то другой построит». Тогда королева: «Если ты, Ния, откажешься, то уже никто из наших южных архитекторов не посмеет за это взяться». А принцесса ей: «Это же конец кареты...». Или коровы? А королева, значит, так: «Не

драмдратируй!». И потом еще совсем тихо: «Ладно, будет вам загранаспорт, но учти, это билет в один конец».

– Да тебе-то что до всего этого, дурак?! – расвирипел кузнец. – Иди работай!

– А я что... Просто интересно: если стройка сорвалась, то этих сегодняшних куда тогда?

– Найдут куда, тебя не спросят, – поддакнул Даир. – Мало ли у госпожи строек. Поди лучше воды им отнеси.

– Клейменому виднее, – съехидничал парень.

Но послушно взял кувшин и понес воду расположившейся на траве четверке. Через минуту оттуда донеслось:

– Всё, ребята, худшее позади! Теперь вы рабочие и скоро будете строить самое большое на острове ничего. Жизнь, можно сказать, удалась.

– Болтает-болтает языком, – ворчал кузнец. – А и сам не понимает, чего болтает.

Ненадолго повисло молчание, и прервал его Даир:

– Кстати, слышал я недавно от госпожи, что есть теперь такая партия – левые просуффражистки. Говорит, они хотят уравнивать мужчин в правах.

– Как так?

– Не знаю. Болтают, принесла матресса много нового на остров. Королева наша ее не любит, но без нее отношениям с Севером совсем каюк. Королева там нынче молодая, неопытная, все беды за своей теткой никак не поправит. А положение тяжелое, вот и пришлось пойти на крайние меры, на единый парламент то есть.

– Лукаво всё, идущее от Каймы, – многозначительно подметил Ронур. – Вернуть власть мужчинам по силам одному только Эшуару. И пока он не проснется, не куплюсь я ни на одну уловку. Все женщины на самом деле заодно, а всё остальное – просто хитрые разговорчики. Ну ослабят они узду, и что? Куда мы без Эшуара пойдем? Они же первые и кричать примутся: мол, не справились, беспомощные, бестолковые, и правильно, что им свободы не видать.

– Вот и моя госпожа говорит, – кивнул, не желая спорить, Даир, – что никогда этой партии пятипроцентный рубеж не преодолеть.

С этими словами он поднял с земли забытую черную книгу, которая валялась у стены кузницы, машинально пролистал...

– Невероятно! – поразился Ронур. – Эшуар проснулся! Это же его язык! Не успел вот только я тебя ему выучить.

– Ну, этого Эшуара я знаю, – усмехнулся ответил Даир, так легко на сердце у него давно не было. – Но в одном ты прав, он действительно поднял голову. А что касается книги, то еще не все потеряно. Сын освоил другой язык, значит и я освою.

Глава девятая

На борту

– Ты что, морковку никогда не резал?

– Я даже никогда не видел ее целиком. Это действительно морковь?

– А ты действительно эдли?

Луним растерялся, но стоял на своем.

– Эдли, но морковку не видел.

– Городской что ли?

– Да.

– Богатые простачки редко продают сыновей далеко от дома.

– Так уж получилось – уклончиво ответил Луним.

– Ладно, я пока сам порежу, так быстрее. А ты смотри и учись.

Ажар умело расправился с морковью и стал раскладывать по тарелкам вареный рис, обильно сдабривая его овощами. Так быстро, что Луним так и не смог уследить за его движениями.

Уставшие за день матросы разбирали ужин и рассаживались кто куда на камбузе. Среди них был еще один явно знатный парень. Луним обратил на него внимание из-за его необычного говора. Испанцы – вспомнил он «Капитана Блада» – говорили с акцентом. Может это и есть акцент.

– Вкусно – говорил – я вкуснее, чем здесь никогда ничего не ёл.

– Северянин – пояснил Ажар, разглядев на лице Лунима недоумение.

– Разве это вкусно? – не выдержал Луним.

– Заёлся ты, эдли, вот что! – безапелляционно заявил северянин – Мы когда уходили чёрез солёную границу, сутками не ёли. Матушка-Солнце была недовольна, забралась повыше и в солёное зёркало на себя любуется. Под ноги после Ётого без слёз не взглянешь свет глаза рёжет. Потом мы

в основном по ночам передвигались, а днем в шатре прятались. Матушка хорошо по звездам ориентируется. А куда ещё дёваться, перемёрли бы все на Сёвере. Больше всех матушка заботилась обо мне, хотела, как попадём на Юг сразу продать, чтоб было на что жить. Нас тогда приютила матушкина дальняя родственница, они и посоветовала продать меня на корабль. Они меня даже без документов взяли.

Луним кивнул и продолжал мрачно доедать ужин.

– Ничего, привыкнешь – заверил его Ажар – контрабанде, знаешь ли, контрабанду не предлагают.

– Здесь возят контрабанду? – удивился Луним.

– Неужели ты до сих пор не понял? Мы и есть контрабанда.

– Как это – мы?

– Да вот так. Здесь любая может купить нас во временное пользование. На ночь. Как говорится для любовных утех.

– Как же я лягу с женщиной в постель не клейменым, – изумился Луним – я же сразу стану грязным мужчиной.

– Подумаешь! Мы все тут грязные.

– Поверить не могу.

– А как, по-твоему, почему мы находимся здесь без покрывал и даже без туники?

– Потому что жарко, да и нет никого.

– Наивный мальчишка. Видишь вон ту штуку? Это камера внутреннего слежения, наподобии той, что в паноптикуме. За нами наблюдают, понимаешь, нас выбирают. И возможно уже сегодня какая-нибудь дамочка на этом корабле потребует тебя на ночь. И ты пойдешь к ней, потому что у тебя нет выбора.

– Как же быть? – упавшим голосом спросил Луним.

– Просто не думай об этом.

Опять не думай, ничего не изменилось.

Их разговор прервало появление женщины в белой форме. При виде её Луним сразу понял, с такой шутки

плохи. Высокая, белокожая, крепкая она внушала страх и трепет.

– Ажар – громко позвала она – твоя самая верная подруга требует тебя к себе. До утра.

– Как я счастлив!

– Вот и умница. И закройся, развратник, право видеть твое лицо на сегодня уже оплачено.

Дама перевела взгляд на Лунима и тот машинально попытался спрятать лицо.

– А ты что отворачиваешься.

– Новичок, госпожа боцман, по неопытности шуганул-ся – Ажар надел матросскую тунику и накинул покрывало – Я готов.

Боцманша взяла Лунима за подбородок и осмотрела его лицо, потрогала мускулатуру.

– Весьма неплох – констатировала она – весьма, весьма... – и обернувшись к Ажару добавила – выучи его своим фишкам, мы на нем отлично заработаем.

– Это можно.

– Для грязного мужчины ты слишком робкий – сказала та самая девушка, беседовавшая с его сестрицей в порту перед отплытием, сняв с Лунима покрывало.

Она была на редкость хороша, бронзово-смуглая кожа, голубые глаза, волосы цвета воронова крыла крупными кольцами, длинные ноги, белоснежная улыбка. И очень смелая. Одна слово – дочь Каймы.

– Я еще не грязный, госпожа, но вот-вот им стану – ответил Луним и похолодел, сам себя услышав. Этой ночью он станет грязным. Участь, хуже, чем родиться на острове Кайма мужчиной только одна – стать грязным мужчиной, даже в паноптикуме сидеть в полной изоляции, не имея возможности перекинуться парой слов с соседом.

Он постарался взять себя в руки.

«Говори с ними, – накануне внушал ему Ажар – они по большому счету ради этого нас и снимают. Куда она клонит

догадаешься по ходу разговора, главное – не молчи».

– Первый раз?

– Первый.

– Эдли?

– Эдли.

– Как тебя зовут?

– Луним.

– Псевдоним?

– Луним.

– Дурачок – засмеялась она – ну Луним так Луним. Забавное имя, даже можно сказать винтажное. Ты очень клёвый. Твоя матушка должно быть неплохо на тебе нажилась. А хочешь, я перекуплю тебя себе в паноптикум? – неожиданно спросила она.

Это в его планы не входило и стараясь не выдать замешательства Луним осторожно сказал.

– Это может испортить вашу репутацию.

– Да пошли они все – фыркнула девушка – ты мне нравишься.

«Она пьяна» – понял Луним. Он никогда не видел пьяных, но отлично помнил, как капитан Блад со своими друзьями-повстанцами без особого труда захватил испанское судно и облегчило его задачу именно то, что экипаж оказался пьян. Остается только надеется, что все эти разговоры – не более, чем пустая болтовня и назавтра девушка о нём и не вспомнит.

– Моя матушка тоже когда-то купила бедного парня. А теперь вот любит старшую сестрицу больше меня – пожаловалась девица.

– Почему вы так думаете?

– Потому что она дочь любимого наложника. Мой отец из очень знатной семьи, но отец сестрицы ей больше по душе. Он северянин, сын беженки.

– А кто такая беженка?

– Да не перебивай ты! Ну беженка с севера. Переселен-

ка. Там же голод был. Бабушка убедила матушку, что он недостаточно родовитый и надо взять еще одного наложника, тогда матушка купила моего отца, но не прониклась к нему. Его сына, моего полнокровного брата она отправила на проект, денег на нём заработала, а сына от первого наложника продала дочери своей подруги, принцессе, представляешь? В королевский паноптикум.

– Самой принцессе – деланно изумился Луним не смотря на то, что не далее, как несколько дней назад беседовал с братом своей временной госпожи лично – ну и дела.

Девушка надменно фыркнула.

– Ну принцессе, делов-то.

– А вы любите отца, госпожа?

– Не знаю – она махнула рукой – не думала об этом. Но слава Кайме, что я не парень, она бы в таком случае не миндальничала и со мной.

– А что за проект такой?

– Если знатного мальчика с юга продать на север или наоборот это улучшит генофонд острова. Что-то там с уменьшением инбридинга связано. Ну и политика тут тоже замешана, наша тронутая новая матресса пытается поравнять Юг и Север. Да что ты в этом понимаешь, мальчишка – она махнула рукой – Ну что, хочешь ко мне в паноптикум? Матушка позеленеет от злости, если я приведу в дом такого грязного эдли, как ты.

Она звонко рассмеялась, достала из бара бутылку и два стакана и спросила:

– Хочешь выпить?

Он молча помотал головой.

– Пей! – приказала девушка, протягивая ему стакан – Давай, мужчина, не возражай.

Луним сделал маленький глоток и с непривычки поморщился. Однако сознание оставалось ясным, должно быть от такой малости не опьянеешь.

– Да ну тебя – капризно сказала девушка – Напиться нор-

мально и то не можешь.

– А вам зачем столько пить, у вас же нежный душевный женский организм.

– Ты что, заботишься обо мне, гиений самец? – она снова рассмеялась – да, приятно. А ты пей!

– Не привык, простите.

– Ну тогда давай, раздевайся, посмотрим, каков ты на деле.

– Сейчас посмотрим... – бормотала она, роясь в сумочке – Это к Эшуару, это тоже

А это еще что за ерунда?

Она выбросила на пол журнал, а вслед за ним маленькую яркую брошюру.

– Насовали тут всякой фриковатой ерунды. Я и сама знаю, как мне жить.

Девушка стянула блузку, залихватски размахнулась и закинула её куда-то вглубь каюты, потом пошатываясь встала на ноги попыталась стянуть узенькие девчачьи шаровары, которые, как уже знал Луним, назывались леггинсы, но запутавшись в них, упала на постель и больше не подавала признаков жизни. Стараясь не шуметь Луним поднял с пола выброшенные его горе-госпожой журнал и брошюру перебрался в кресло и стал читать.

На вопросы молодых распорядительниц отвечают наши психологи и трактовательницы стихов Каймы:

Здравствуйте!

Я знатная, очень подвижная и спортсменка. Мне в детстве даже ставили деагноз гипероктивность. Недавно я купила себе первого наложника тоже знатного и отвила его, чтобы клеймить. Но послѣ того, как прошло перитеканее души он не изменился. Дело в том, что он не стоновится пахожим на меня, он по прежнему плотного сложения и медлительный очень, а меня это бесит. Я думаю, тут дело все в том, что перетикания души не праизашло оттого, что мне втайни продали грязного мальчика. Вазможно ли токое?

Ответьте мне абизательно!

Дорогая читательница! Вряд ли Вам могли продать грязного мальчика. Система надзора в паноптикумах знатных домов у нас работает безупречно. Да и таинство перетекания души не в состоянии превратить флегматичного мальчика в активную девушку, у него другая цель. Оно должно привязать к Вам мужчину, сделать Вас понятной и открытой для Вашего наложника, то есть наполнить смыслом его служение Вам, а также вдохнуть в него некое подобие души, которой он был лишен от рождения, ибо настоящую душу может подарить только матушка Солнце, благословенно её имя. Таким образом Вы отныне и навсегда в ответе за вашего нового наложника и не можете его отвергнуть, ведь он пожертвовал своей чистотой ради Вашего продолжения и принял болезненную процедуру клеймения. Но пусть это не огорчает Вас, а послужит уроком, а следующего наложника обязательно выбирайте адекватно своему вкусу, ведь несмотря на то, что принадлежать он будет Вам, генетически останется сыном своих родителей. Желаю Вам удачи.

Привет!

Не сделает ли моего наложника грязным тот факт, что я напишу его портрет?

Нет, если вы не собираетесь демонстрировать этот портрет посторонним.

Привет!

Я думаю, сейчас о втором наложнике и по этому поводу ишу совет. Сама я не очень религиозная, но первого наложника по настоянию матушки. клеймила по всем ортодоксальным канонам. Своего кузнеца в нашем доме нет, а королевскую кузницу я не потянула по цене и обратилась в городской паноптикум. Кузнец был молодым и неопытным. Получилось сильное осложнение и руку мальчику еле спасли. Больше так рисковать я не намерена, поэтому хочу для второго наложника воспользоваться альтернативным

клеймением в тату салоне, слышала, что сейчас многие так делают. Насколько это правильно?

Дорогая читательница!

Мода быстротечна, а учение Каймы, благословенно её имя, выдержало тысячелетия. Клеймить мужчин необходимо так, чтобы осуществить таинство перетекания души, что невозможное без живого огня. Боль во время клеймения не такая большая цена за возможность получить частичку души своей госпожи. Вот что пишет об этом в своих стихах Великая Кайма: Только в боли рождается душа.

Но не волнуйтесь очень сильно, осложнения от ожога – это редкий случай. Чтобы избежать лишних проблем наложников клеймят строго в плечо нерабочей руки. Мужской удел терпеть, а вам следует, планируя покупку второго наложника, учитывать более серьезные вещи. Великая Кайма возлагает на своих дочерей особую ответственность – воспитание и содержание мужчин. Перед тем, как купить наложника убедитесь, что сможете его прокормить. Имейте ввиду, что мужчинам, как более примитивным особям требуется больше калорий. Убедитесь, что борода у него растет не более полутора лет. Покупать наложников следует очень юными, пока у них только формируется характер, так ему будет гораздо проще принять вашу душу.

Луним перевернул страницу и увидел объявление:

Мальчики из провинции по отличной цене. Здоровые, чистые, симпатичные, с прививками, хорошими манерами и сертификатом из школы послушания.

А чуть ниже улыбалась прекрасная каймочка с пузырьком, похожим на тот, из которого брызгал на себя отец перед тем, как отправиться к матушке. Новинка от парфюмерного дома Кьям – гласила надпись – бобы тонка, ваниль, соленые цветы и каймина вишня создают неповторимый стойкий аромат.

Луним отложил журнал в сторону и взялся за красочный буклет, один из тех, что раздавала бойкая девица у причала.

Тот пестрел кричащими заголовками:

Знатная каймочка, не проходи мимо!!!
Не позволим уничтожить монархию!!!
Агентессы Зеркального мира не дремлют!!!

Чистокровные эдли не чужды Кайме, они жили на острове еще до времен Вечного сна. Но даже тогда матушка Солнце называла белых девушек служанками своих чернокожих дочерей, которые находятся нв своем месте, пока не пытаются смешаться со знатью. Вот что пишет в своих стихах Великая Кайма:

Черное никогда полностью не растворится в белом.

Белое никогда полностью не растворится в черном.

Однако, Вечным Сном все изменилось. Когда спасшиеся эшуаровы матросы и офицеры, были вынуждены просить милостыню, то многие эдли нанимали их к себе на работу и даже брали в наложники. Почему белые мужчины горздо тяжелее переносят клеймение? Почти в каждой ныне живущей эдли присутствует кровь племени Эшуара. Гены тщеславия не дают им покоя. Со временем предприимчивые эдли, перебрались из своих деревень в большие города, сумели добиться высокого положения в обществе и живут среди нас на равных. Но многие ли из них сделали это честно? Задумайся, знатная каймочка, если уже сейчас новая матресса ввела в парламент двух министресс эдли, что же будет дальше?

– Что за глупости – подумал Луним, положил буклет на стол и задремал.

– Ты что, книжки тут читаешь? – разбудил его властный голос.

Луним открыл глаза. Девушки в каюте не было, и он понял, что уже утро, а он, забывшись, провел в кресле всю ночь.

– Я неграмотный, сударыня боцман. Просто картинки смотрю.

Боцманша взяла со стола буклет, полистала и бросила

обратно.

– Эта пламенная идиотка все никак не угомонится – раздраженно фыркнула она – Пошли, пора.

Ему очень хотелось спросить кто такая пламенная идиотка, но это явно грозило нахлобучкой. Боцманша скорее всего была из зажиточных эдли, громкоголосая, белокожая, кареглазая, приземистая с выцветшей копной волос цвета соломы. Все матросы, даже Ажар её побаивались. Поэтому Луним послушно поплелся следом за ней, тихонько радуясь тому, что по-настоящему грязным он этой ночью так и не стал.

– Вот убогая – усмехнулся Ажар, когда они с Лунимом промывали иллюминаторы – я видел, как она еще с утра в баре начала закидывать. Что она тебе сказала?

– Сказала, что купит меня к себе в паноптикум.

– А ты и уши развесил?

– Я здорово испугался – признался Луним – а если она и правда купила бы меня в знатный паноптикум, что бы со мной было. Я же грязный. Ну, она так думает.

– Ты смотри – удивился Ажар – а котелок-то варит! Не бойся, девица о тебе уже и думать забыла. Работай спокойно, капитанша никому нас не продаст, не такая она дура. И это барышня с фешенебельного проспекта Ковалевской. внучатая племянница королевы. её матушка притворяется лучшей подругой кронпринцессы, а сама спит и видит, как бы анять её место

– То есть... кто она мне?

– Да никто плевать она хотела на таких. как мы.

– Она сняла с меня покрывало.

– Брось. Вы может больше и не увидите никогда. Но раз уж для тебя это принципиально, то впредь успевай снять покрывало первым и не попадешь больше ни к кому в безоговорочную власть.

По ту сторону иллюминатора на Лунина уставилась большая рыба, он вздрогнул и попятился, но большого ин-

тереса для рыбы не представил, она развернулась и уплыла, махнув сильным хвостом.

Луним никогда столько не работал и, концу дня уснул бы без памяти добравшись, наконец, до своей постели, но история с покрывалом не уходила у него из головы.

– Эй, Луним, вставай – растормошил его Ажар, когда все уснули.

– Что такое? – пробормотал он и сел.

– Пошли наверх

– Сейчас?

– Именно сейчас. Пошли, пошли. Только не разбуди никого.

Луним не стал спорить, он еще мало что знал и ему было жаль упускать возможность во всем разобраться.

– Накинь покрывало и идем наверх – повторил Ажар – только осорожнее.

Стараясь не шуметь Луним встал постели, на ципочках пробрался мимо спящих матросов и поднялся вслед за Ажаром на верхнюю палубу.

Ночное море оказалось немного жуткое, но очень притягивающее. Засмотревшийся на него Луним не заметил, как смеющийся Ажар обдал его морской водой из пластиковой бутылки. Вода оказалась не такой приятной, к какой он привык в своей купальне, а очень соленой на вкус.

– Ты что творишь, – возмутился Луним – зачем ты меня сюда привел?

– Смотри, Луним, экватор.

– Правда? А как ты определил?

– Если это о чем, то тебе говорит, то Орион в зените.

Луним задрал голову и стал изучать звездное небо.

– Откуда ты знаешь, что мы на экваторе именно сейчас? Орион и вчера был в зените.

– Посчитал. Мы сейчас плывем с крейсерской скоростью, а это примерно сорок узлов. Значит от острова до экватора двое суток пути. Через четыре дня войдем в Красное

море.

– Красное? – удивился Луним – Оно так прямо и красное?

– Оно обычное. Водоросли там красные.

– А где Тортуга ты случайно не знаешь?

Ажар задумался.

– Нет, не слышал про такое.

– Ну не страшно. Надо же, экватор!

– Поздравляю, бывалый!

– Здорово!

– Кто ты, Луним? – спросил вдруг Ажар – ты ведь не эдли?

Луним молчал.

– Ну не хочешь – не отвечай. Но ты смуглее остальных и не так прост. Ты никогда не видел целую морковь. Ты услышал, что Орион в зените и сразу же посмотрел на небо, а не начал вертеться по сторонам, как сделал бы эдли.

– Но я действительно эдли – твердо ответил Луним – хоть и такой странный.

Повисла гнетущая пауза и Луним, чтобы прервать молчание вспомнил:

– Мой отец любил повторять, что много знать мужчине не к лицу. А я вот так не думаю.

– Много знать вообще тяжело, особенно, если вынужден держать ум на привязи. А мне вот держать его на привязи больше не нужно. Странно, но став грязным я смог позволять себе то, что никогда не посмел бы в паноптикуме. После смерти матушки старшая сестрица оформила надоевшей опекунство, а потом слишком быстро промотала наследство и ей ничего не оставалось, как срочно продать меня, чтобы поправить свои дела. Почему именно сюда? Потому что школу послушания я к тому времени еще не закончил, а без сертификата в приличный паноптикум не попадешь. Я был вне себя от горя, пока не понял, что на самом деле все не так уж и плохо. У меня появился шанс окунуться

в другую жизнь, можно даже сказать почти настоящую. Сейчас я смело смотрю им в глаза. Я знаю, что им положено меня ненавидеть. Но их ко мне тянет. О, как их ко мне тянет. Некоторые специально покупают билет на корабль ради меня. Я многое умею, я знаю, как доставить партнерше истинное наслаждение. Со мной можно болтать обо всем. Да, я здесь много узнал от космоса до политики. И стою я намного дешевле, чем безмозглый мальчишка из паноптикума. Я успокаиваю их, говорю, что если дочери Каймы ежедневно покупают хлеб и молоко, чтобы насытиться, то почему бы не купить ночь с красивым парнем, чтобы понаслаждаться и им тоже. Какая, собственно, между этим разница? Они верят им так проще. Спроси сейчас любую из них за что она меня презирает, и она ответит, что грязный мужчина ничего другого и не заслуживает, так ее научили. Если бы она задумалась, то поняла бы, что в действительности презирает не меня, а сковавшие ее по рукам и ногам правила. Они вбили в себя свою убогую мораль и мучаются от собственного несоответствия ей. А вот я по-настоящему ненавижу всех этих женщин. Я нарушаю правила вынужденно, а они пользуются своей безнаказанностью, так кто из нас грешнее?

Луним молчал.

– Почему ты не говоришь, что, когда проснется Эшуар все будет по-другому?

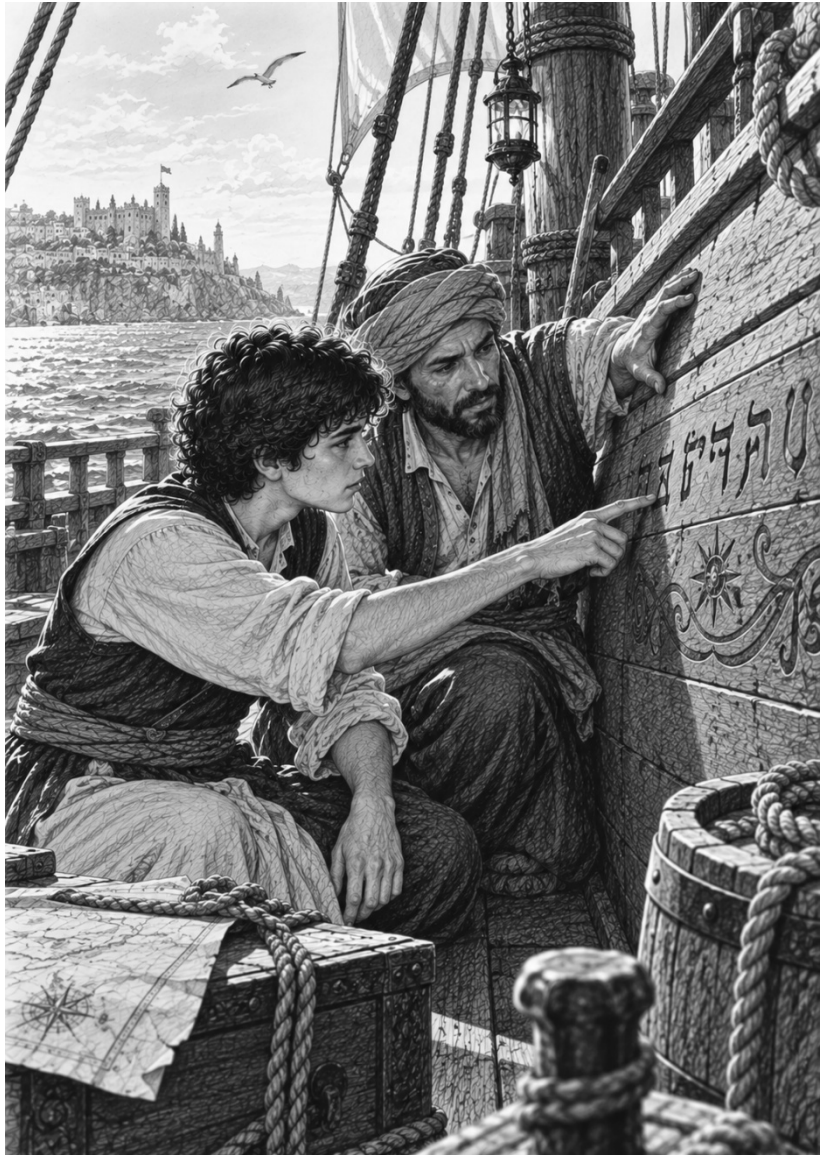
– А эдли бы обязательно так сказал?

– Ну вот, опять. Способен на иронию, значит не безнадежен.

– Эшуар и Кайма жили так давно. Кто теперь знает, что там у них на самом деле случилось.

– Хочешь открою секрет? Тебе одному по дружбе? Я читать умею.

– Я тоже умею – не выдержал Луним – вот смотри – он указал на оранжевый круг на леере – наш корабль называется Грима, молоко.

Ажар засмеялся:

– Наш корабль называется Гримма, ветер. Видишь росчерк над «м»? Это значит, что она удваивается.

– Так вот значит, в чем фокус – догадался Луним – не лима, а лимма, не «Вознесемся к вечному мысу», а «Вознесемся к вечной радости».

Ажар не стал расспрашивать его откуда взялась эта нелепая фраза, а просто кивнул:

– Принцип такой же, лима – мыс, а лимма – радость. Ладно, давай возвращаться. Здесь есть те, кто считает нас обычными матросами, не будем их разубеждать.

Глава десятая

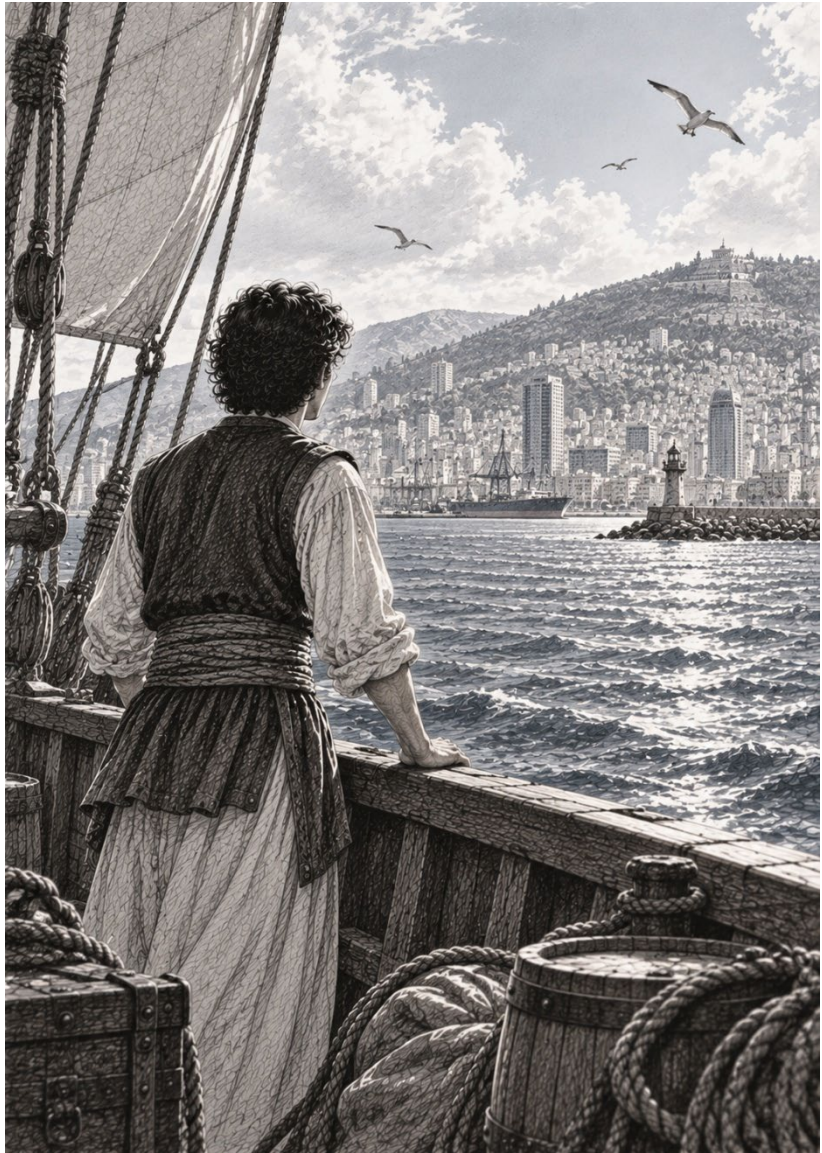
Зеркальный мир

– Что это у тебя за рыба? – спроси Луним, пришедший сменить приятеля на вахте.

– Это не рыба, это маленький дельфин, запутался в сетке, бедолага – Ажар высвободил дельфиненка, чмокнул его в макушку и выпустил за борт – дельфинов надо беречь, это тебе не люди. А вот и Красное море, знакомся. Здешние дельфины за его пределы стараются не уплывать.

– Что-то оно совсем не красное – удивился и, как будто даже разочаровался, Луним глядя вперед. Вдалеке, наконец, появились очертания города. Его взгляду предстал волнуемый и одновременно такой вожденный Зеркальный мир.

Длинноногая девица, та самая, обещавшая купить Лунима к себе в паноптикум потребовала свой багаж в крупном порту, почти сразу после того, как они вышли из Красного моря. Это был сигнал к побегу и Луним знал, что второй попытки не будет. Но пока что ему везло, багаж он разгружал один, Ажар с двумя другими матросами закрепляли швартовые тросы. Боцмана не было видно. Вахтенная, приложив к уху гаджет что-то в нем выслушивала, равнодушно кивая покидающим корабль и почти не заглядывая в багажные талоны. Он быстро нашел условленную синюю спортивную сумку. Убедившись, что все заняты своим делом, сел на корточки и открыл её. Внутри лежали кожаные туфли, теплый свитер, короткая туника без покрывала, не закрывающая руки целиком и шаровары, которые в Зеркальном мире называются джинсы, они были значительно уже, чем он привык и сшиты из очень плотной ткани. На острове подобным образом одеваются только девушки, но если он хочет остаться в Зеркальном мире, то придется привыкать к новому гардеробу. Он уже хотел закрыть и пока отложить сумку, но вовремя заметил, что на дне еще что-то есть. Луним протянул руку и вытащил «Одиссею капитана Блада».

На секунду комок подошел к горлу. У него обязательно все должно получиться, ради матушки, которая стольким рисковала и ради отца, который обуздал свой вольнолюбивый характер и безропотно принимал все каймины удары ради него. Луним убрал книгу, взял две больших чемодана потащил их на берег. Один сразу подхватила его бывшая госпожа и недовольно высказалась

– А что, побыстрее совсем не вариант?

– Простите великодушно, прекрасная сударыня – с трудом сдерживая радость, от того, что остался неузнанным пробормотал Луним.

– С дороги – фыркнула она, вытащила откуда-то сбоку ручку, подкатила на колесиках свой легкомысленно разрисованный чемодан к стойке паспортного контроля и протянула синюю книжечку.

Луним запаниковал – документов у него не было и это значит, что вся их затея напрасна. Неужели матушка не учла? И вдруг его осенило. Капитан Блад! Скорее всего между страниц и лежит его паспорт. Сделав вид, что он собирается продолжать заниматься багажом Луним вернулся к спрятанной сумке, достал книгу и открыл. Паспорт был на месте, а рядом с ним кожаный конверт, в котором лежали зеленые бумажки с надписью 100 долларов, как он уже знал это были деньги, особый товар, который можно обменять на что угодно. Там же он нашел записку:

«Дорогой Луним! Если ты читаешь это письмо, значит ты уже в почти у цели. Твой паспорт и деньги я спрятала в самом надежном месте, уж книгу ты бы точно никогда не пропустил и нигде не забыл. Денег на первое время должно хватить, трать их благоразумно. С обретением свободы тебя, сыночек! Будь счастлив!».

Понимая, что времени на сентименты у него нет Луним молниеносно переоделся, заткнул «Капитана Блада» за пояс джинсов, спрятал свою матросскую форму в сумку и незаметно бросил ее в море, выглянул из багажного отделения.

Пассажиры другого корабля, среди которых были и мужчины, одетые так же, как Луним спешили на паспортный контроль. Самое лучшее сейчас будет незаметно смешаться с ними. Вахтенная равнодушно созерцала горизонт. Первый шаг под оглушительный стук собственного сердца, второй третий и вот он уже сроднился с толпой и протягивает синюю книжечку сотруднице паспортного контроля, как это делают остальные.

– Вы один путешествуете, молодой человек – спрашивает она – разрешение от родителей имеется?

Луним ощутил нахлынувший на сердце девятый вал.

– А, вижу... – снова заговорила девушка, разворачивая лежавшее в паспорте письмо – Какая цель вашего визита в Израиль.

– Учиться буду, сударыня..., мисс – срывающимся голосом говорит Луним.

Щелчок визовой печати и паспорт снова у него.

– Ну удачи – равнодушно произносит девушка.

Теперь он в безопасности.

– А далеко ли отсюда Тортуга? – немного осмелев спросил Луним.

Девушку вопрос ввел в легкое замешательство, но она, не убирая дежурной улыбки, ответила:

– Справочное бюро прямо и налево.

Он кивнул, вышел на вечернюю улицу неизвестного ему портового города и вожделенно произнес: «Я свободен!». Первым из тех, кого встретил Луним в Зеркальном мире оказался цыган. Причем такой черный, какими не были даже самые знатные наложники королевства и Луним сразу сделал вывод, что если это не сам губернатор острова, на который он сейчас попал, то скорее всего его ближайший советник.

Он поклонился, демонстрируя почтение и спросил:

– Я, к сожалению, еще не очень хорошо знаком со здешней инфраструктурой. Не подскажет ли почтенный сэръ

где мне искать извозчика?

Цыган подозрительно осмотрел его с ног до головы и Лунику показалось что-то в замешательстве. «Неужели я недостаточно вежлив?» – промелькнула мысль, но цыган, наконец, сообразил в чем дело и заговорил:

– А, такси? – он указал рукой на автомобильную стоянку и внимательно следя за этим жестом Луник увидел свою недавнюю госпожу, – вон такси.

Обрадованный, что все же не упустил девушку из вида и теперь отыщет место её учебы значительно быстрее Луник еще раз поклонился крайне удивленному цыгану и поспешил к стоянке такси.

– Сэр, вы действительно отвезете меня куда бы я ни попросил?

– Ну это смотря куда – белозубо заулыбался извозчик – В Шхем я, к примеру я точно не поеду.

– Тогда я очень надеюсь, что мне не в Шхем. Видите ли, сэр, я абитуриент. Одна мисс пообещала показать мне место учебы, но я видел, что она уже села в другой автомобиль. Наверно забыла про меня.

Извозчик окинул его недоверчивым взглядом, открыл дверь машины и громко произнес что-то на незнакомом языке. Гаджет отвечал ему противным стрекочущим голосом. Как догадался Луник, речь шла о маршруте только что отошедшего такси.

– Велком, мистер Бонд – сказал, наконец, извозчик, распахивая дверь машины – сейчас всё найдем.

Английский у него определенно не на высоте, но вид располагающий. А все остальное, это юмор у него, надо понимать такой.

Луник с интересом разглядывал здешние улицы. Как будто невидимая рука убрала из знакомого пейзажа все пёстрые африканские краски, оставив только элегантную, как матушкиным свитера сдержанность. В пути он изрядно замерз и был очень рад приехать, наконец на место.

– Благодарю вас – он достал подаренный матушкой конверт – Сколько с меня?

– Мне одной такой купюры хватит – сказал еще более повеселевший таксист – И не свети тут лишний раз лопатником.

– Простите?

– Никому не показывай, сколько у тебя бабла.

– Это плохой тон?

– Это несусветная глупость. Вперед, мистер Бонд, ты справишься.

А в Зеркальном мире, оказывается еще и холодно. Хотя, оно и понятно, матушка Солнце согрвает только остров, а Лунный свет спит на дне озера где-то в Соленой долине.

Длинноногая каймочка, выйдя из такси, уверенно направилась к воротам, когда ее обогнал и притормозил железный конь. Наездник, молодой парень снял покрывало и что-то сказал на непонятном языке, скорее всего предложил подвезти. Та, разумеется, его проигнорировала. Парень огляделся и никого больше поблизости не обнаружив попытался заговорить с Лунимом, должно быть пожаловался на упрямыцу и поняв, что у него появился шанс разобраться что к чему, Луним спросил:

– Сэр, вы хорошо знаете здешние порядки?

– Ну, неплохо... – парень тоже перешел на английский – а что, помощь нужна?

Он начал сбивчиво объяснять:

– Я только что приехал. Хочу здесь учиться, но не знаю с чего начать.

Новый знакомый пошарил в кармане, достал синюю коробку, извлек оттуда длинную белую трубочку, одним концом вставил её в рот, а другой поджог странным образом привлекающим из себя огонь гаджетом. Все внимание Лунина было теперь приковано к ритуалу. Он решил, что нужно как можно скорее узнать его значение и по возможности переписать. Может это какое-нибудь студенческое приветствие.

– Начинать надо всегда с начала. А в случае с учебой – с деканата. Он посмотрел на циферблат на руке – Только поздно, ушли уже все, завтра утром приходи.

Луним еще никогда не видел, чтобы часы носили на руке и устался на очередное чудо.

– Подделка – сказал наездник – но качественная.

Английским он владел намного лучше таксиста.

Луним растерянно кивнул, и парень добавил чуть более участливо

– Приходи завтра с утра в деканат, спроси Менаше, то есть меня. Я работаю там инструктором, а сам учусь на био-факе. Я помогу.

Он протянул правую руку.

– Менаше.

– Что я должен сейчас сделать?

– Сделать надо то же самое.

Луним вытянул правую руку вперед и Менаше сжал его ладонь в своей.

– Теперь назови своё имя.

– Луним.

– Менаше Коэн.

– А давайте еще раз. Я хочу потренироваться.

– Приятель, ты откуда такой взялся?

– Я взялся с острова Кайма.

– В самом деле, – присвистнул Менаше – И у тебя здесь никого нет?

– Нет, сэр, никого.

– Ну тогда я, как милосердный самаритянин, просто обязан обеспечить тебе ночлег. Садись сзади и надень это.

– Разве мужчины Зеркального мира тоже должны скрывать лицо? – спросил Луним, разглядывая шлем.

– Когда они на мотоцикле – да.

Менаше в своей студенческой комнате разливал кофе из турки по стаканам.

Луним огляделся по сторонам.

– Тебя здесь совсем никто не контролирует?

– А зачем? Я своё плац оттоптал.

– Какой плац?

– Ну и чудик же ты. Вырос я, понимаешь, самостоятельным стал.

– И твоя матушка не продала тебя?

– А должна была? – удивился Менаше – А, впрочем, понимаю... Но я не пользуюсь спросом, остается, как видишь компенсировать мозгами.

– Вот это жизнь! – восхитился Луним – На нашем острове, когда парень вырастает матушка просто продает его в наложники.

– А вот скажи мне, братишка, если на вашем острове парню понравилась девушка что он будет делать?

– Он будет надеяться, что эта девушка купит его.

– А если его купит другая девушка?

– Тогда он должен смиренно принять свою судьбу и усердно служить новой госпоже.

– Ты считаешь, что это правильно?

– Если бы я считал, что это правильно, я был бы сейчас там, а не здесь – отчеканил Луним.

– Логично. А ведь и правда, как ты сюда попал? Кто тебя выпустил с острова?

– Никто не выпускал. Вы, по совести, говоря укрываете беглеца, сэр.

– Ой ва вой – усмехнулся Менаше и снова потянулся за своей синей коробкой – хочешь сигарету, беглец?

Луним взял ту самую белую трубочку, поджог так же, как это делал Менаше и вдохнул крепкий дым. Сигарета оказалась на редкость противной штукой, но раз уж надо, так надо. А Менаше вытащил из другого кармана гаджет и возбужденно крикнул в него:

– Алло, Виталий!!!

Глава одиннадцатая

Жизнь кипит

– Алло, Виталий!!! – голосила трубка.

Я чуть с дивана не свалился, задремав за скучным фильмом. Все, кончилась тишина, самаритяне прилетели.

– Он здесь, представляешь – не унимался Менаше – прямо напротив меня сидит.

– Менаше, – сонно пробормотал я – А можно я задам один очень странный вопрос? О ком речь?

– Ну парень с острова.

– С Кипра что ли?

– Сам ты с Кипра. С острова Кайма.

– Ах вот оно что. И как он к тебе попал? С острова Кайма парню так просто не выбраться.

– Говорит, что убежал.

– Действительно, как же я мог не догадаться. Убежал, устал и запыхался. От самой театральной школы бежал, да?

– Какой еще школы?

– Наверно той, в которой твой двоюродный брат тусуется. Ребята, придумайте что-то новенькое, второй раз уже не смешно. Пурим они не отмечают.

– Завтра сам увидишь – пригрозил Менаше.

– Всенепременнейше – согласился я – Братцу привет.

Но утром, правда увидеть мне не довелось не только парня с острова Кайма, но и самого Менаше. В кафе он не пришел что само по себе очень подозрительно. Телефон тоже безмолвствовал. Да и на первой лекции Менаше не появился. Зато вернулась нагулявшаяся Агия. «Здесь свободно?» – спросил я, подойдя, Агия молча сделала томный, но великодушный жест, который я расценил, как утвердительный и сел рядом, так и чувствуя себя разведчиком на задании. Итак, Агия с острова Кайма, волосы черные, кожа смуглая, глаза голубые, конспект ведет особой, ни на что не похожей письменностью, а знаю я их много. Я давно

заметил, что научные изыскания генетика и лингвиста часто оказываются синхронны, поэтому всегда живо интересовался палеографией. Во всем остальном, как ни странно, обычная девушка, стильная, уверенная, немногословная.

В деканате Менаше опять не оказалось, а его напарница Линда сидела мрачнее тучи.

– Кофейный аппарат сломался – хмуро сообщила она, не здороваясь – мастера жду.

Я не удивился, Линда и в хорошем настроении приветливостью не отличалась.

– Может принести тебе стаканчик с первого этажа – спросил я.

Она молча мотнула головой.

И, как всегда, слово тут же вял мистер хороший парень.

– Линда, что случилось? Ты же не из-за аппарата сегодня такая.

– Может и не из-за аппарата – ей определенно хотелось пооткровенничать, но она сомневалась – я вчера была у подруги на свадьбе и там тоже расстроилась.

– И у тебя, когда-нибудь будет свадьба – должен же я был хоть – что-нибудь сказать.

– Да больно надо – буркнула Линда – просто у нее, ну у моей подруги, за одним столиком сидели мама с мужем и папа с женой, болтали, смеялись, как старые друзья. Это нормально?

– Не понимаю, что в этом плохого? Иногда неудачный брак делает несчастными двоих в то время, как своевременный развод может сделать счастливыми четверых.

– А я вот когда-то выжила из маминой жизни поклонника. Посчитала, что родители должны непременно передумать и снова быть вместе. Получается, мама одинока из-за меня.

Будь на моем месте Менаше, выдал бы наверно, что основная вина здесь ложится на маминого оболтуса, у которого не хватило мудрости подружиться с маленькой

девочкой. А может быть серьезные отношения вообще не входили в его планы. Но не все, что позволено Юпитеру позволено и быку. И я просто попросил:

– Передай, пожалуйста Менаше, что я его искал.

Линда молча кивнула

Но уходя неожиданно столкнулся с приятелем в дверях.

– Саботаж?

– Просто опоздал на лекцию, вот и разминулись.

– А трубку почему не берешь?

– Пошли – заторопился летучий самаритянин – по дороге все расскажу. Линда, меня сегодня не будет. Справишься одна?

И, не дожидаясь ответа поспешил по направлению к библиотеке. Я, почуввав неладное, не отставал.

Мы сидели не нашем любимом месте в кафе у окна. Мы это я, Менаше и его новый друг, по их пламенным утверждениям уроженец таинственного королевства Южная Кайма. Парень, светлый мулат или даже квартерон был при этом зеленоглазым. Впрочем, если учитывать голубые глаза его соплеменницы, то это уже становилось похожим на генетическую фишку острова. Акцент у него и правда такой, как у Агии, гласные оба тянут, как кавказцы, р проглатывают, как французы и ударение ставят строго на первый слог, как венгры. Но при этом девушку зовут А́гия, а парня Лу́ним. И только свое имя он произносит с отчетливым ударением на второй слог.

– Правда вот так просто взял и смылся? – я, действительно, был поражен – Респект!

– Спасибо – смущенно ответил он – но я же не настолько крут как, например, капитан Блад. Меня матушка, можно сказать взяла за руку и отвела на корабль. Я просто очень хотел учиться, и она решила мне помочь.

Если на секунду представить, что моя матушка взяла меня за руку и отвела на такой цугундер, я бы уж точно не о фантазиях синьора Сабатини думал.

– Так это же гипербола. Романтический герой, тем более герой приключенческого романа всегда сильно идеализирован. Он вроде как законченный идеал, а ты живой, ты как функция, стремящаяся в бесконечность. Как у греков – путь от хаоса к космосу бесконечен. Понимаешь?

– Нет.

Я беспомощно посмотрел на Менаше, но тот только плечами пожал.

– Главное двигаться и не останавливаться, – пояснил я – в каждом из нас живет вечная жажда преодоления препятствий, кто остановился – считай пропал.

– Точно – глубокомысленно поддержал Менаше – главное чтобы жизнь кипела.

Я решил перейти к практической части:

– А на звонки почему не отвечаешь? Тебе же оставили телефон.

– В библиотеке было столько девушек, что я постеснялся пользоваться гаджетом при них.

– Тебе надо купить такой же смартфон. И научиться им пользоваться, и желательно при девушках. Чтоб больше не теряться.

– Мне?

– Тебе. Мы вот оба ходим с гаджетами и никто экзорциста не вызывает.

– Хорошо – согласился Луни, доставая набитый бумажник – деньги у меня есть. Но в первую очередь мне нужны мыло и зубная щетка.

– Идем – сказал я вставая.

– Куда? – удивился он.

– Сначала в обменник, потом по магазинам. А потом счет в банке тебе открою, постоянно таскать с собой весь свой капитал не самая лучшая идея. Раз уж я из-за вас прогулял академический английский, то сделаем что-то полезное.

– Зато ты отлично попрактиковался – подметил Мена-

ше – болтал, как на родном – он перешел на иврит – а вот что дальше с островитянином делать будем. Он же совсем зеленый, представляешь, сотню баксов за такси от порта выложил.

– Заберу его к себе на недельку, а там посмотрим.

– Хорошая модель – говорил Менаше, когда мы выбрали Луникум смартфон. Кстати, у Агии такой же.

– Неплохая, – согласился я – но есть и получше. А если все дело только в Агии, то не зевай. Я сегодня видел, как она косилась в сторону Стефана.

– Все девчонки заглядываются на Стефана и что? – проворчал Менаше, – симпатичная морда, а сам явно не умен.

Комбинация оригинала была, правда, менее литературной, но оставим это на совести оратора. Я кивнул. Стефан Мартинец был давней головной болью Менаше. Был он, несмотря ни на что весьма неглуп, фантастически удачлив и по этой самой причине крайне беспечен, а в немилость к Менаше попал в середине прошлого семестра, когда во время традиционной промежуточной проверочной работы весь поток можно сказать потерпел коллективное фиаско. Справилось с работой меньшинство, в том числе Менаше, потому что это был Менаше, с горем пополам ваш покорный слуга, несколько предшествующих вечеров проклинаящий завывающего Барни на всех языках планеты и по непонятным причинам Стефан, пол третьего ночи вернувшийся из Мейнкуна проспавший до восьми и даже опоздавший в аудиторию из студенческого общежития, которое находилось в двух шагах.

– В последнем задании очень нестандартный взгляд на случайные мутации продемонстрировал адон Мартинец. – говорил наш профессор Хавинсон, разбирая полеты – нечто подобное в свое время упоминал еще легендарный научный дуэт Макс Дельбрюк и Сальвадор Лурия. Неужели сами догадались?

– Догадался – согласился Стефан – там решение было

немного хитрое, но не сложное.

– Разве – не выдержал Менаше.

– А Дельбрюк и Лурия не из своих же собственных трудов это узнали. Тоже сами сначала догадались – добавил Стефан, чем здорово развеселил аудиторию.

– Тишина – невозмутимо попросил профессор – Постарайтесь отныне быть посерьезнее. А вы, адон Мартинец могли бы давно уже обогнать адона Козна по всем показателям, если бы не ваше необузданное легкомыслие.

Этого замечания Менаше стерпеть не мог и уже с полгода точил зуб на ничего не подозревающего Стефана.

– Кайма! – Луним так и замер в дверях – это же валькирия!

– Это не валькирия, это Райка. Входи не бойся.

– Я еще не совсем освоился в Зеркальном мире. Не знаю, что тут еще возможно.

– Я с друзьями – предупредил я, сестрица встала с ковра и улыбнулась.

– Привет! Меня зовут Рая. Эден значит, Парадайз.

– Как к лицу красивым девушкам оказываются такие патетичные имена – в тон ей протянул Менаше.

– Пить хотите?

– А ты нальешь? Что это с тобой?

– А может я просто хочу опробовать свой новый шейкерный стаканчик – Райка продемонстрировала нам новенькие ефрейторские нашивки – всем, кому вчера повысили звание полковник раздавал подарки. Чувакам дал по фонарику, а мне – шейкерный стаканчик, представляете?

– Неприкрытое хамство – наигранно вздохнул я и бросил взгляд на экран её ноутбука – ух ты, Каппелла.

Под хит U Got 2 Let The Music я восхищенно наблюдал из песочницы за таинственным миром больших парней с кассетными магнитофонами, когда Райки еще и в проекте не было, где, интересно она его откопала?

– Это люди? – спросил Луним с изумленным видом.

– Клип в стиле египетского пантеона. Вот это Сет, убивший верховного бога Осириса. Он с козлиной головой, потому что еще даже в древнем Египте вредных людей и вредных богов обзывали козлами.

– Вы это серьезно, мисс Райка?

– А то! Вот Себек с крокодилей головой, покровитель вод Нила, укрывавший Сета на дне реки. А это сын Осириса Хор, с головой сокола, пришедший отомстить. Весь их танец может говорить о свободе выбора, о вечной борьбе добра и зла, ну или просто об эстетике евроданса. Вот что ты, например, думаешь, когда смотришь этот клип.

Луним растерянно пожал плечами.

– Ну подумай, а я пока коктейльчики вам сделаю – мило-стиво разрешила Райка.

Глава двенадцатая

Везунчик Стефан

На следующий день, в пятницу мы сидели на ковре, доедали заказанную пиццу и обсуждали дальнейший план действий.

– Итак, имеем девяносто дней визы и семь месяцев до следующего учебного года – говорил Менаше – надо срочно что-то придумывать, мужики.

Луним пребывал в унынии, должно быть он рассчитывал начать учиться в первый же день безо всяких условий и виз.

– Джентльмены – собрался он, наконец, с духом – я подозреваю, что злоупотребил вашим добрым отношением. Пусть Солнце всегда освещает для вас самый верный путь, а я...

– А ты готовься к экзаменам, язык учи – посоветовал ему Менаше – или на худой конец уповай на милость великой Каймы. Во всем остальном положишься на нас, только думать не мешай.

– Никакой Каймы нет. А если есть, то не упустит шанса поставить дерзкого беглеца на место – он решительно встал, намереваясь уйти в неизвестность, рассыпав попутно крошки по ковру.

– И не мусори – сказал я, усаживая его обратно – возмездия великой Каймы не обещаю, а вот возмездие миниа-тюрной Райки гарантирую.

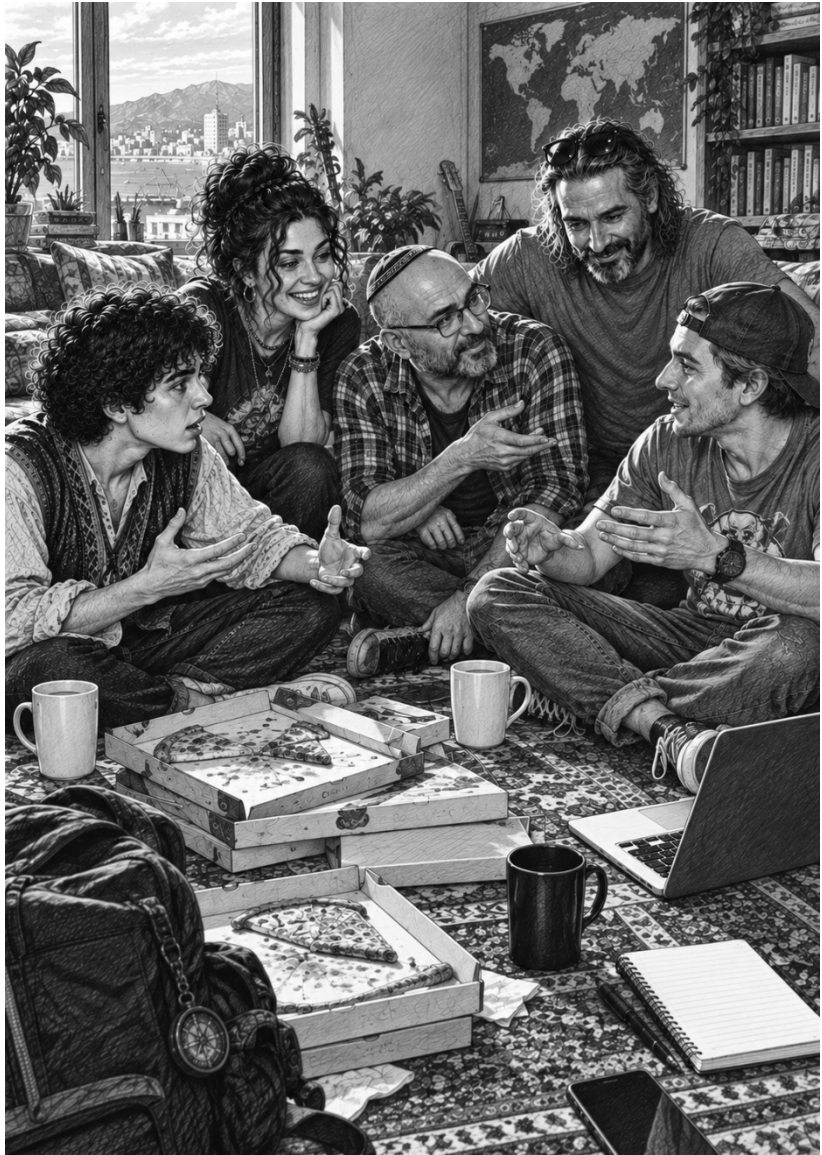
Луним как будто вспомнил что-то доселе упущенное им из вида призадумался и спросил:

– А мисс Райка тоже будет сдавать экзамены?

– Будет, но другие – ответил я – мы генетики, а она хочет быть архитектором.

Луним кивнул и почему-то сразу стало заметно, что выбор он одобряет.

В прихожей неожиданно хлопнула дверь, вернулась сестрица, которая собиралась с подругами в кафе. Она пла-

кала.

– Эден, – испугался Менаше – что с тобой?

– Я кроссовки порвала – всхлипнула она – а еще он выиграл конкурс.

– Кто?

– Ну Барни.

– Барни?

– Сейчас мороженого принесу – сказал я – и все объясню.

Райка достала смартфон и показала нам уведомление, в котором администрация клуба Мейнкун благодарила ее за участие в конкурсе и желала дальнейших творческих успехов. А также приглашала присоединиться к поздравлениям победителя, решившего воспеть образ древнегреческой эрнии Мегеры, такой же красивой, умной и независимой, какой, по его мнению, и должна быть современная девушка.

К письму прилагался и победивший клип. Вероника с каменным лицом сидела на вращающемся кресле в белом хитоне, вокруг выплясывал Барни. Все это далеко не ново, но против тех роликов, что снимает на свою любительскую камеру моя сестрица, выполненно было очень добротно.

– Кустарщина – сказал я – Греческого колорита не хватает. И макияж слишком яркий для мифологического существа. Но зато очень толковая студийная съёмка, у нас такой техники все равно нет. Предлагаю считать, что по-настоящему победили твоя креативная идея, костюмер и оператор.

Правда, это было слабое утешение.

– Прекрасная Мегера о-о-о... – голосил Барни без какой-либо претензии на оригинальность – Очаровательная Мегера, у-у-у... ёки-ёки...

– Вот клоун-то – фыркнул Менаше.

– Прошу прощения – сказал вежливый Луним, но всё это, как его... отстой.

– Вот, пожалуйста! Человек всего один день потусовался в библиотеке. В храме науки на минутку! И уже «от-

стой».

Райка заулыбалась.

– Видите, девушка уже развеселилась. Я же говорю клоун.

– Кто такой клоун? – заинтересовался Луним.

– Пойдемте, братцы, где-нибудь выпьем. Выходные же.

– В Мейнкуна?

– Именно. И Эден должна развеесться. И клоуны там есть, целых два. А теперь вот еще и третьего завели.

– Я не хочу в Мейнкуна – сказала Райка, заматывая кроссовку скотчем.

– И я не хочу – поддержал ее Луним – если там будет столько же девушек, как в библиотеке я опять растеряюсь.

– Возьми мою куртку – успокоил я – при первом же шухере поднимешь воротник, и ты в домике. Вперед, друзья, насладимся атмосферой Мейнкуна напоследок, потому как скоро его закроют за пропаганду ворованных идей.

Мы быстро собрались, вышли на темнеющую мартовскую улицу и уже через четверть часа были на месте.

– Привет! – рядом раздался голос, пытающийся перекричать музыку – Я с вами посижу, ладно? Толкучка сегодня.

– Садись, конечно – обреченно выдавил Менаше и опальный Стефан Мартинец в модном темно синем свитшоте с надписью «look who's talking» плюхнулся на свободный стул.

– Секретничаете?

– Вот, рассказываем человеку что такое цирк.

Увидев Лунима и Райку, он приподнялся и по очеди протянул каждому руку.

– Я Стефан.

– Эден.

– Луним.

Вся женская часть нашей группы обожает его за галантность, обаятельную улыбку и пижонистую щетину, хотя по

мнению Менаше ему просто влом бриться. И этим мой друг невольно подтверждает слова профессора о том, что не будь Стефан таким лентяем лет в двадцать стал бы академиком.

– Очень приятно! А ты, Луним откуда?

– Я с острова Кайма.

– Где такой остров?

– Где-то между Мадагаскаром и Сейшелами – сказал я.

– На Земле есть место, где никогда не видели цирк? – удивлялся Стефан – А кто у тебя родители?

– Моя матушка кронпринцесса, а бабушка правящая королева.

– А папа?

– Кузнец.

– С ума сойти. А у вас на острове в каждой семье такой социальный разброс?

– Стефан отстань от человека – вмешался Менаше.

– Хорошо, отстал – согласился Стефан – кстати, у нас в кибуце отличный цирк могу при случае пригласить. Вот прямо на Пурим хотите?

– Самаритяне не отмечают Пурим – сказал Менаше голосом, в котором явно прослеживалось «отвали» – это пост-талмудический праздник.

– Жизнь не закончилась талмудической эпохой – пожал Стефан плечами.

– Ничего, уж мы-то отметим – примирительно сказал я – в Мейкуна, может, снова пойдем, да? Будет пуримская вечеринка.

– С коронацией этого Амана – напомнила Райка.

– В Мейнкуна любой дурак может пойти – заявил Стефан – значит, договорились, приглашаю на праздник к нам в кибуц. На Кулички. У меня там бабушка и дедушка живут. Дедушка шеф-инженер, бабушка правящая королева.

Удивленный Менаше, наконец, поднял голову от смартфона, в котором увлеченно высматривал что-то с самого момента появления Стефана.

– Кулички? – переспросил я.

– Ну да. Кармельский институт чудесной кибернетики. Кто-то из ранних русских переселенцев придумал, еще из тех, кто осушение болот застал. Это же что-то вроде ночного клуба для нечистой силы, да?

– Остроумно.

– Лучше один раз увидеть – сказал Стефан.

– Ну хорошо, уговорил – мне и правда стало интересно посмотреть, как выглядит кибуц Кулички.

– Я тоже поеду – заявила вдруг Райка – у меня неотгуленное увольнение есть.

– Превосходно – обрадовался Стефан – у нас же на следующий день нет первой пары. Значит сможем остаться до утра, вы переночуете в гостевом караване, а Эден – у бабушки.

Глава тринадцатая

Кибуц Кулички

– Минутка конспирации – объяснял Стефан, как гид, шествующий впереди толпы туристов – валидируем автобусные карточки на остановке и спокойно идем дальше. Одиннадцатый подхватит нас по пути. На самом деле здесь, в Политехе, довольно много наших, как студентов, так и профессоров, но они не любят огласки.

– Стефан – спросил Менаше, а ты уверен, что нам с тобой можно?

– Конечно. Официально секретного статуса мы не имеем и даже не прячемся, просто – повторил он – не все хотят огласки. Имеют право. А вот и одиннадцатый.

Автобус, проигнорировав остановку, на которой его, готов поклясться, никто даже не заметил остановился прямо перед нами.

– Ребята со мной – предупредил водителя Стефан.

– Я-то отвезу, мне что, а вот понравится ли это пану Лойзо?

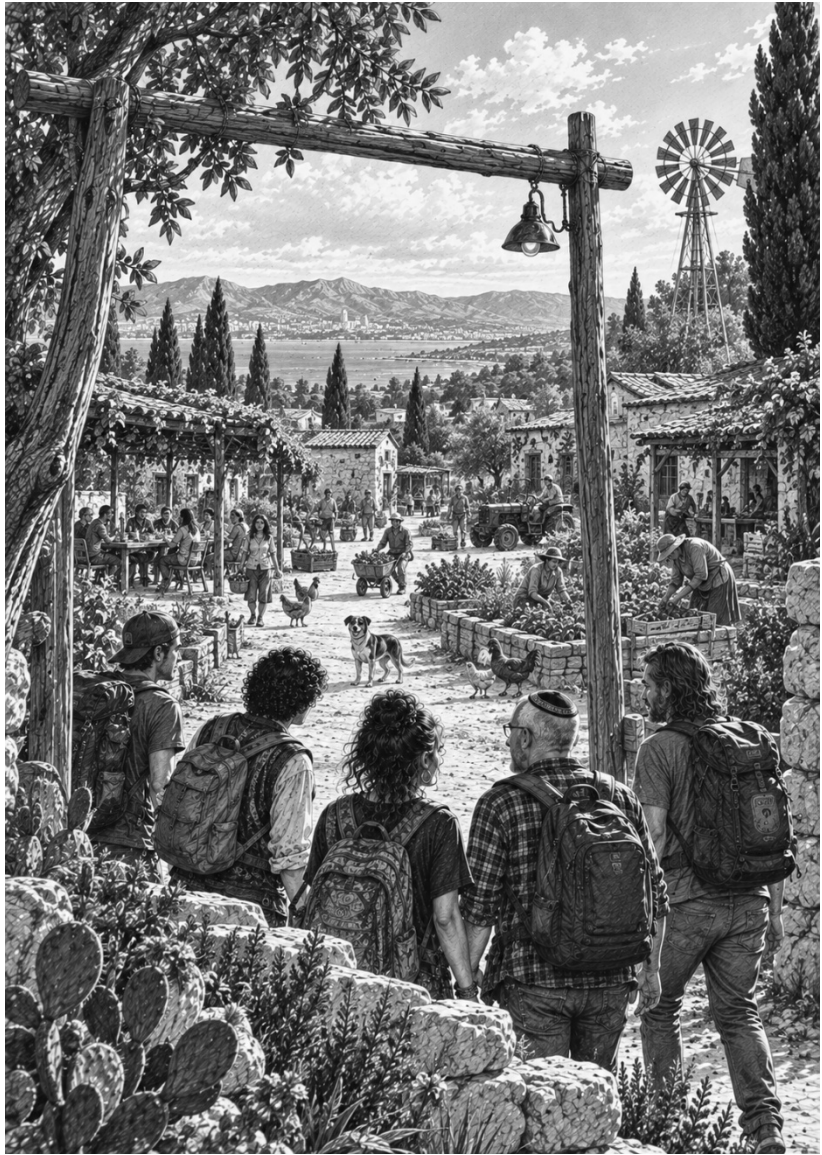
– Дедушка всегда рад гостям – начал было Стефан, но в эту секунду у него зазвонил мобильный. Он ответил и заговорил по-словацки.

Я стал смотреть в окно.

– Одиннадцать, это первое число после десяти, значит, если считать все мои передвижения вне острова, то это и будет мой одиннадцатый маршрут – вдруг сказал мне сидящий рядом Луним.

– Да, прикольно.

– Я раньше только до десяти считать умел, нас в школе дальше не учили – продолжал он, – Виталий, а почему слова eleven и twelve не такие, какими должны бы быть по всем правилам? У меня взяло много времени, чтобы понять, что весь счет это просто наслаивание десятков друг на друга, именно из-за этих двух слов.

– Нонконформисты – пояснил я – на тебя похожи. Лучше просто запомнить их и не мучиться.

– Нет такого, чего надо просто запомнить, у всего есть какая-нибудь причина. Это я давно понял. Иначе пришлось бы мне верить в солнечные лучи и сидеть на острове.

– Отлично, вот и найди эту причину, это твое первое рабочее задание, которое ты так просил.

– Заметано – обрадовался Луним.

– Почему все родители желают своим детям достатка и благополучия, хотя сами в их возрасте мечтали о свободе? – неожиданно гневно спросил Стефан, пряча телефон в карман – как минимум о свободе выбора.

– Это риторический вопрос.

– Траблы? – осведомился Менаше, скорее всего что бы просто не молчать.

– Кошу от Оксфорда, как могу, кэп – вздохнул Стефан.

– От Оксфорда? Я думал я один такой. А зачем?

– Мой отец человек не бедный, но когда-то он сам сделал себя с нуля – объяснил Стефан – я тоже так хочу. Какой кайф, если самый интересный квест за тебя прошли другие?

– Удачно откосил? – спросил я.

– Почти. Я сказал: «Зачем это мне, у меня и так все прекрасно, пасу коз, времени много, Оруэлла читаю, англичанина, на минутку, «Скотный двор», научно-популярная зоология. Даже в местном военкомате уже зачекинился». Он сказал, что я сам коза безмозглая. Я ответил: «Не тупее твоих быков». Вот и поговорили.

– Рейтинг Оксфорда упал ниже плинтуса – заметил я – целых два уклониста на один полупустой автобус.

– Да и ладно – Стефан махнул рукой – навязываемый факультет бизнеса меня все равно не интересует. Я хочу быть генетиком. А еще я терпеть не могу, когда решения за меня принимают другие. Да и не мог я все это бросить.

– Что бросить?

– Скоро увидишь.

Автобус, снова проигнорировав официальную остановку затормозил на безлюдной стоянке. Водитель вышел из своей кабины, подошел к задней двери и перекинул металлический мостик, соединяющий вход в заднюю дверь с тротуаром и в салон въехал парень в инвалидном кресле.

– Привет, Гастон! – крикнул Стефан.

– Привет! – ответил Гастон, открыл книгу и погрузился в чтение.

Дальше ехали молча, Гастон читал, Луним размышлял о числах, а Стефан достал из кармана спинер и стал яростно его раскручивать.

В импровизированном амфитеатре уже собрались зрители, среди которых было много старшекласников.

– Для благородного царя Ахашвероша данное слово было серьезным сдерживающим фактором – рассказывал стоящий на сцене симпатичный бородач – Однако, он понимал, что дал слово исходя из ложных предпосылок. Но поскольку царь был столь же умен, сколь и честен, то нашел все же выход из положения.

– Слишком уж, Арик, ты сам умен – неожиданно заявила возрастная копия Стефана с пышными усами, беря у него микрофон – сейчас я объясню так, чтобы деткам все сразу стало понятно.

Арик, надо понимать, человеком был сговорчивым и в бутылку не полез, а спокойно отошел в сторону со словами:

– Пожалуйста, пан Лойзо, очень просим.

– Итак, – снова заговорил пан Лойзо – как однажды сказал Карл Маркс: «Любая великая история повторяется дважды – сначала в виде трагедии, потом в виде фарса». Праздник Пурим иллюстрирует это утверждение как нельзя более удачно. Суть трагедии господин доктор нам только что изложил. Постарайтесь, пожалуйста ее не забывать. Цените друзей и не обижайте друг друга. А сейчас пора переходить к фарсу.

– Дедуля отжигает – обрадовался Стефан – Идем вон

туда, там места свободные. Но у меня к вам две, очень большие просьбы ни на кого не наступите, шуму наделаете. И ничему не удивляйтесь.

Он вдруг куда-то убежал, а вернулся с большой тарелкой выпечки, что было очень кстати, и скомандовал:

– Налетай!

Началось никем из нас ранее невиданное шоу. Сам пан Лойзо играл в спектакле само олицетворение Пурима, которое несколько раз в самые ответственные моменты появлялся на авансцене и произносил вселяющие надежду слова, сопровождая их невероятными трюками. Один раз он даже взлетел над сценой, вызвав у публики неподдельный восторг. В конце под пение юных актёров:

Он Мегилат Эстер на бис прослушал,
Повеселился вдоволь без забот,
Причмокнув, скушал вражеские уши
И обещал вернуться через год,

скромно растворился в воздухе и самым непостижимым образом конденсироваться в зрительном зале и присоединился к аплодисментам.

– Люди науки, хоть и чудесной суеверием не отличаются, – говорил Стефан, возясь с ключами – другое дело – туристы. Сторонятся, опасаются, словом тринадцатый караван на Куличках не в почете. Но вы же не из таких, верно? Просто ничему не удивляйтесь и все будет чики-пики.

Это мы уже слышали.

– Велком! – Стефан широко распахнул дверь и вопреки его просьбе я сразу же начал удивляться. Менаше, скорее всего тоже. Луним же не совсем привыкший к Зеркальному миру, должно быть, и здесь думал что все идет как надо.

– Что это – спросил Менаше, указав на что-то отдаленно напоминающее не то огромный самовар, не то лампу Алладина.

– Это алхимический реактор, дедушкино изобретение –

пояснил Стефан – на подобии обычного, только для чудесных нужд. Он у нас здесь один на все лаборатории.

– Как все, оказывается, у вас серьезно.

– Ну а как иначе – пожал Стефан плечами – исчерпавшее себя чудо необходимо правильно утилизировать. Правда бывает так, что во время декристаллизации, чудесные частицы, способные просачиваться сквозь металл начинают вести себя непредсказуемо. Но они очень быстро разветвляются, так что не волнуйтесь.

Он хотел что-то добавить, но к нему неожиданно подпрыгнула пушистая белка и затараторила на каком-то очень странном языке.

– Привет, Рататоск! Опять заблудилась?

– Что она говорит? – снова спросил Менаше.

– Не знаю. Исландский и так один из самых сложных языков, а древнеисландский и того круче. Люди же обожают все глобально упрощать будь то хоть Нагорная проповедь хоть Фейсбук хоть свой же собственный язык. Любая шикарная задумка рано или поздно делается попсой. Скучно.

А раньше я и не замечал, что Стефан философ.

– Ругается должно быть – продолжил он – Раньше она работала курьером у каких-то скандинавских сквернословов, вот и нахваталась. Впрочем, она отлично знает почти все языком планеты, просто вредничает.

Стефан снял трубку висевшего на стене телефона местной связи, нажал всего одну кнопку и долго ждал. Белка между тем беззаботно раскачивалась на шторах.

– Слушаю – ответил наконец женский голос.

– Цфания? Опять по служебному телефону болтаешь? Срочно найди мне Снорри.

– Чего его искать-то в лаборатории он своей – беззаботно проворковала Цфания – сейчас, минутку.

– Слушаю – пробасила тубка.

– Фрейр Снорри, тут в тринадцатом ваша белочка, случайно, думаю, забрела. Да. Жду.

Человек с большой белой бородой появился мгновенно, он просто вышел из стены и как ни в чем не бывало поздоровался:

- Добрый вечер!
- Не разбудил? – участливо спросил Стефан.
- Куда там, работы полно.
- До чего же забывчивые существа эти белки.
- Где живут белки, там леса гуще. Из их забытых запасов прорастает большинство деревьев. Замечательная штука – симбиоз. – с готовностью отвечал фрейр Снорри.
- Леса – это хорошо – кивнул Стефан.
- А над чем работаете? – набравшись храбрости спросил я.

Его как будто даже покорила моя неосведомленность.

- Над Аудумлой, вестимо.
- Как успехи?
- Хорошо бы коллайдером обзавестись. Корова от механического столкновения никак не рождается, все экскаваты да амебы, на прошлой неделе, правда, один раз добился мухи. А вчера, вдруг появился огромный кальмар, правда только секунды три в воздухе провисел и рассыпался на иней. Пришлось слить его в реактор.

– Я, конечно, очень извиняюсь, но что и с чем необходимо столкнуть для получения коровы?

– Чтобы в точности повторить появление Аудумлы необходимо, столкнуть ноль по шкале Кельвина с планковской температурой на скорости света. Если это о чем-нибудь вам говорит, молодые люди.

– Приближенной к скорости света? – уточнил дотошный Менаше.

– Скорости света.

– Но при нуле по Кельвину останавливаются все законы физики – заметил я.

– А для чего, по-вашему, существуют катализирующие заклинания? – ответил фрейр Снорри. И неожиданно пере-

шел на рифму:

Туда, где границы реальности тают, как воск
В шандалах волшебного света идем, Рататоск.

Ушел он так, как и появился сквозь стену, а белка Рататоск, скорчив нам на прощание жуткую гримасу, поспешила за хозяином его же маршрутом.

– Умнейшая голова, но как начнет читать стихи, так не знаешь, как его и остановить. – посетовал Стефан полушопотом

– Стефан, что тут у вас?

– Я же сказал, институт чудес. Дедушка у меня здесь шеф-инженер.

– Я решил, что ты просто прикалываешься. Пурим же. Да еще эта твоя репутация веселого человека свою роль сыграла.

– Бывает – улыбнулся Стефан – Что ни будь еще?

– А это фраер Снорри как сюда попал? – спросил я.

– Он давно уже здесь живет – спокойно ответил Стефан.

– Да как он может тут жить, он жил веке в тринадцатом. Да еще и в Исландии.

– Его директор цирка пригласил, когда-то они были друзьями. Здесь многие талмудисты охвачены идеей получения красной коровы, вот его и пригласили, как иностранного специалиста по волшебным коровам.

– А он кто такой, этот ваш директор цирка?

– Да я и сам толком не знаю. знаю только, что цирк этот странствовал по миру с незапамятных времен. Появиться мог где угодно и когда угодно, в Средние века наделал немало шороху среди всяких необразованных остолопов.

– Призраки что ли?

– Точнее сказать материализовавшиеся воспоминания. В шестидесятых эквилибристе из трупы посмертно было присвоено звание Праведницы Мира, а поскольку она не совсем, скажем так, умерла, то дедушка добился, чтобы цирку предоставили место в кибуце. С них тут и начались чудеса.

Посреди ночи я проснулся от странного чувства того, что кто-то на меня пристально смотрит. В тусклом свете комнаты стояла редкой красоты девушка в длинном платье, ростом около метра девяносто или даже выше, с точеной фигуркой и черными локонами.

– Добро пожаловать! – лучезарно улыбаясь заговорила красавица – Я ваш куратор Рукият. Вы находитесь в пределах стремящейся в бесконечность весны. Вы уже могли удостовериться во многих преимуществах ее на Земле пересекая наши северную и южную производные в определенное время. Перед вами Благодатный сад, а дорога вверх по Сальсабиллю ведет к рынку верблюдов. Если возникнут сложности по любому вопросу можно обратиться прямо к реке.

– Что, простите?

– Что, что... К реке, говорю, можно обратиться. Довожу до вашего сведения, что ближайшее прохождение квеста «Седьмое небо» состоится через четыре дня. Сбор прямо здесь. При себе надо иметь сборник дуа, удобную обувь и инженерный калькулятор.

– Рукият ханум, я очень извиняюсь, если вы вдруг сочтете меня бестактным, но я просто обязан спросить, а вы человек?

– Еще чего! Я гурия.

– Дожили.

– Ты что, живой? – удивилась она – А чего тогда тут разлегся?

– Я тут сплю.

– Наприкрытое хамство. – обиженно фыркнула Рукият, грациозно развернулась и просто растворилась в воздухе.

Сам не зная зачем, я попытался последовать за ней, но увяз в кафельной плитке на полу и застыл не в силах сдвинуться с места.

– Вы тоже в первый раз? – спросили справа.

Я повернулся и увидел улыбающегося мне обеими головами дракона.

– Да уж – согласился я – первый так первый.

– Новички всегда становятся черными пешками – продолжал он – я вот тоже. Давно хотел, но все дела, сами понимаете. Впрочем, раз уж начал, то надо развиваться, надеюсь когда-нибудь дослужиться до слона или ладьи.

Он вдруг спохватился и протянул мне лапку.

– Меня зовут Марсик, Моше Рабейну Санта Крус.

Увидев замешательство, он быстро пояснил:

– У нас, у драконов свобода вероисповеданий распространяется на головы, а не туловища.

Я решил не вдаваться в подробности. В конце концов в тонкостях драконьего этикета, я пока не очень хорошо разбирался.

– Очень приятно! Виталик, агностик.

– Черная пешка на Е5 – раздалось из громкоговорителя.

– Удачной игры, рад был поболтать – торопливо сказал Марсик и, шагнув куда-то вглубь доски растворился, как и гурия.

С улицы доносился женский смех. Я накинул куртку и вышел.

Три девушки, сидя в беседке веселились и хохотали. Подоаль сидела еще одна, должно быть не любительница шумных компаний.

Я подошел и завел непринуждённую беседу:

– Прохладно сегодня, не находите?

– Вы правы, но я люблю прохладу.

– А почему вы не веселитесь с подругами.

– Это не мои подруги. Мне не нравятся лакримозы, слишком уж они бесцеремонные.

– Бесцеремонных я тоже не люблю. Простите, девушка, а вы человек?

– Была когда то, теперь я память. Между прочим, девушке недавно исполнилось сто лет. Лойзо даже шикарный праздник для меня устроил.

– Пан Лойзо?

- Я помню его совсем маленьким.
- Значит вы из цирка? – догадался я.
- Верно. Меня зовут Анна.
- Виталий.
- Хорошее имя, жизнеутверждающее.

А сама за все время разговора так ни разу и не улыбнулась.

- Вам грустно? – спросил я
- Нет, мне очень хорошо. У меня здесь отец, четыре замечательных брата и много друзей.

– У вас словацкий цирк?

– Нет. У нас очень интернациональная команда.

– Я понял. Вы хотите сказать, что все люди – братья? Всех национальностей и эпох?

– Чистая правда – с достоинством произнесла Анна – Все люди – братья. И когда они пытаются этому сопротивляться ничем хорошим это не заканчивается.

– Да, согласен – кивнул я. Загадочная эта Анна была барышня, как, впрочем, и большинство местных обитателей.

Я вернулся в комнату и увидел, что Менаше сел в постели.

– Где она? – растерянно оглядывался он.

– Кто, Рукият?

– Какая еще Рукият? Агия.

– Все понятно.

– He jests at scars a wound – буркнул он.

– Ты понимаешь, что происходит? – спросил я когда он окончательно проснулся.

– Не более чем ты. А где Луним?

– На борту «Арабеллы», надо полагать.

– Луним, вставай, – громко позвал Менаше – Ла Фудр на хвосте!

Кибуц «Кулички» просыпался. Я быстро собрался и вышел ему навстречу.

Глава четырнадцатая

Deus ex machina

– Я уже кружок сделал – сказал, разминаясь, крепкий парень в одной боксерской майке в прохладе мартовского утра – в поликлинику, кстати, новое оборудование привезли и лекарства всякие, там куча коробок.

– Где? – еще немного сонно спросил другой в стильной темно синей рубашке, и я вдруг вспомнил, что именно он играл во вчерашнем спектакле царя Ахашвероша.

– Говорю же в поликлинику привезли, – повторил боксер – Леший их носит. Я тут подумал, может пойдем ему поможем?

– Ну пойдем – согласился денди.

Юмор это или еще какая-то неизвестная мне местная закономерность я сообразить не успел, потому что прямо на меня из-за угла неожиданно выскочил огромный черный кот.

Маленький паренек с криком: «Полтергейст!» несясь следом за ним.

Кота я подхватил и отдал хозяину.

– А вот и твой Полтергейст.

– Попался! – обрадовался тот – а ты человек?

– С утра был человек.

– Тогда привет!

– Привет!

– Купи мне шоколадку, пожалуйста. Мне до автомата не дотянутся.

– А диатеза у тебе нет?

– Нет, у меня только семь шекелей.

– Ну води.

– Спасибо – сказал паренёк забирая шоколадку – А я тебе что?

– А мне ничего не надо.

– А ты что-нибудь придумай.

– Ладно. А ты всех тут знаешь?

– Да я тут главный детектив.

– Тогда Расскажи мне это кто у вас тут Леший.

– Ну я Леший – важно сказал он – Вообще-то меня Элиягу зовут. Можно просто Илюха.

Пока я пожимал протянутую ручку, кот Полтергейст взял лапы в лапы и снова дал стрекача.

– Обращайся! – прокричал Илюха на бегу, – Полтергейст, а ну стоять!

Я бросил пятишекелевую монетку в кофейный автомат и обомлел. Мимо спокойно и даже равнодушно прошагал огромный пещерный лев. Я однажды видел скелет такого в музее науки в Монреале и еще тогда впечатлился его размерами. Но даже это меркло перед одним крайне странным фактом, лев был желтого цвета с ярко зеленой гривой.

– Твамбо! Не пугайтесь, сэр, он добрый.

Чернокожий парень, как будто сошедший со страниц романа «Хижина дяди Тома» уже спешил на выручку.

Немного успокоившись, я спросил:

– Откуда здесь доисторические животные? Неужели опять фрейр Снорри удружил?

– Мистер фрейр Снорри тут не при чём, – с готовностью ответил он, – это мой лев, я поймал его в раннем палеолите в Олдувайском ущелье.

– Какая расцветка необычная.

– Львы дихроманты, они именно так видят мир, в желто-зеленых тонах. Не все их воспоминания такие же, это он у меня по неопытности такой получился. Я применил преобразование Дурги-Гельмгольца, но забыл поменять знак на противоположный.

– Я так и подумал – зачем-то сказал я.

– Признаться, что вы что-то не знаете совсем не стыдно, уважаемый – с легкой укоризной заметил парень-воспоминание – кофе не забудьте.

– Подождите, – окликнул я – а вы тоже из местного цирка?

– Ну а как же – горделиво ответил он – я у мистера Дира дрессировщиком. А вы кем будете?

– Виталиком.

– Сэм Грэхем, штат Кентукки.

– А возможно ли, Сэм, простому человеку попасть на ваше представление.

– Возможно. Но кому именно быть нашим гостем знает только авизо.

– Кто знает?

– Авизо. Его сделал мистер Дир.

– А как авизо работает? – продолжал я расспросы.

Впрочем, Сэм отвечал охотно и вид у него был простой, но располагающий.

– Чудесная составляющая, ван дер ваальсова сила и экзопатия – пояснил он – авизо не испытывает эмоций, но чужие считывать умеет и знает, кто в заданном пространственно-временном отрезке особенно сильно в нас нуждается. И в ком нуждаемся мы.

– Как интересно.

Я не лукавил, меня все больше и больше затягивала атмосфера этого необычного места.

– Мистер Дир гений – просто ответил он – Нам с Твамбо пора. А вам по этой тропинке и все время прямо, сэр, вас ждет мистер пан Лойзо, ведь вы к нему приехали.

Сэм со своим львом ушел, а я неожиданно вышел к кибуцной поликлинике.

– Доктор, что же вы сами коробки носите? – слышался голос боксера.

– А кто их будет носить, медбрат-инвалид? Мне не сложно.

– Ну почему сразу Гастон? Мы.

– Папа, смотри, я тоже помогаю – позвал Илюха, поднимая какой-то сверток, который сразу же подхватил вчерашний бородач Арик.

– Доброе утро – снова высунулся мистер хороший па-

рень – рабочая сила нужна?

– Не помешает – ответил Арик.

Но более существенная помощь в виде электромобиля, за рулем которого сидела очень энергичная дама, весьма почтенного возраста уже подросла.

– Расступись! – скомандовала дама, и за один раз перевзла все коробки из грузовика на порог здания.

– Вот спасибо тетушка Михля! – обрадовался доктор-Гастон, поставь печати накладных.

– Хорошо – ответили из открытого окна.

Студент в инвалидном кресле, встреченный нами, накануне аккуратно открывал коробки и разбирал содержимое.

– Ух ты, стерильные шлёпки – скороговоркой сказал боксер, увидев бахилы.

– Ушлёпки? – переспросил Гастон

– Мы тебя тоже любим – засмеялся денди.

– Спасибо – сказал мне бородач.

– Да уж – усмехнулся я – без меня бы вы до вечера не управились.

– Самое главное это правильное направление – возразил он, протягивая руку – Я доктор Леший, но можно просто Аркадий.

– Леший!? Ой, простите. Виталий.

– Все в порядке, я привык.

– Классная фамилия – сказал я.

– Классная – кивнул он – хотя моя настоящая фамилия должна скорее всего быть Левин, но когда в сорок втором евреев из минского гетто повели из на расстрел, белорусская девушка шедшая мимо незаметно взяла дедушку за руку и увела к себе. Так он для конспирации и превратился в Лешия. И я, стало быть, тоже.

Доктор помолчал и как-то по ребячьи добавил:

– А в минском сохноте мне перед отъездом сказали: «Отправляйтесь-ка вы, Леший на Кулички». Ну я и отправился.

– А вот моя жена – продолжал он – ехала сюда целена-

правленно. Её девичья фамилия Привалова и у них настоящая чудесная династия, еще дедушка водил дружбу с такими легендарными волшебниками, как Киврин, Корнеев, Амперян...

– И как все эти господа поживают? – пытаюсь не выдать крайнего удивления спросил я.

– Стыдно признаться, не знаю. Эти трудоголики никак не выберутся в гости, хотя их неоднократно приглашали.

Между тем подросли наши. Менаше, конечно, распрашивал Стефана что же всё-таки из себя представляет чудесная наука.

– Ну как тебе объяснить. Если в двух словах, то любое дело венчает хронос, верно? Тут главное правильно рассчитать координаты чудесной шкалы и можно смело создавать чудо. Водород – универсальный элемент, Чудесный элемент, мираций в воздухе присутствует по всему кибуцу. Катализирующее заклинание, реакция и самое важное дожидаться момента, когда чудо становится способным к самостоятельному существованию и отпускать в свободное плавание. А вот это уже зависит от многих факторов.

– Например от чего?

– От опыта, от настроения. Дедушка, например, рассказывал, что лучшие чудеса у него получаются, в те дни, когда он сон хороший видел. У него даже один чудесный трактат на эту тему написан.

– А гкак именно рассчитать эти координаты?

– А это знают только дедушка Лойзо, директор цирка, фрейр Снорри, Паулина и еще, как говорится, полторы головы.

– Стефан, не держи друзей голодными! – выкрикнула тетушка Михля так громко и властно, что смуглый Луним сразу же побледнел, как полотно – живо завтракать!

– Уже идем – Стефан устремился за электромобилем и сделал зазывающий жест – вперед, не отставать!

– Крайне неловко нарушать вашу идиллию – начал было

мистер хороший парень.

– Ничуть – сказала тетушка Михля – мы редко завтракаем у себя, но и тогда, слава богу, никогда не оказываемся в одиночестве.

За накрытым на веранде столом уже сидели все участники утренней разгрузки грузовика, включая самого водителя, Илюха со своим котом и наша Раечка, которая мило беседовала с денди и боксером.

– А это мой брат Виталик и его друзья – церемонно проворковала она. Парни, как по команде поднялись и представились.

Боксер оказался одесситом по имени Марик, а денди – Раду из Кишинева. Оба приехали по молодежной программе и учились в местной старшей школе. А самое главное играли в музыкальном коллективе один на ударных, другой бас гитаре и я сразу догадался, что Райка, воспользовавшись моментом, решила обратить и их в свою клипмейкерскую веру.

– А Луним никогда не был в цирке, представляете – громко сказал Стефан – и я пригласил его в наш.

– Как же это вы, молодой человек – удивленно спросил шеф-инженер, выглядывая из розария – а, впрочем, да, я понимаю... И не переживайте, сидеть за одним столом смешанной компанией у нас в рамках этикета. Михля, ты только полюбуйся – добавил он радостно – похоже этот забияка влюбился.

– Кто влюбился?

– Водопад.

– Кто? – удивился Менаше.

– Вьюнок – пояснил Стефан – дихондра.

– Замечательная новость – тетушка Михля закатила глаза – Лойзо, садись, наконец, завтракать.

Вьюнок-водопад струился, оплетал большие вазоны, всеми силами привлекал к себе внимание и не желал делить территорию ни с кем. Но, как выяснилось он, изогнувшись,

укрыл от сильного ночного дождя одну розу и в отличие от покосившихся сестер она, спрятавшись за вьюнком устояла.

– Позови садовника, он все исправит.

– До греческих календ прождем – махнул рукой пан Лойзо, садясь за стол и вдруг неожиданно выхватил из воздуха ложку и принялся за кашу.

Стефан тем же жестом выхватил из воздуха авторучку. Потом забросил ее обратно и повторил попытку, на этот раз ему достался вязальный крючок.

– А я-то его повсюду ищу – сказала тетушка Михля.

Пан Лойзо поймал крючок и одним неумовимым жестом превратил его в ложку.

– Алоиз – укоризненно вздохнула тетушка Михля.

Тот все понял и вернул чудесному предмету прежнюю модификацию, а перед Стефаном положил обычную ложку из тех, что лежали на столе.

– Ешь, давай, чего фасонишь?

– Пусть мальчик потренируется.

– Чадо – со смехом спросил пан Лойзо – ты хотя бы помнишь какого цвета у тебя учебники?

– Помню – буркнул Стефан и взялся за еду.

– Видите ли какой курьезный случай, адон Мартинец – снова заговорила Райка, на которую история с ложкой, казалось не произвела абсолютно никакого впечатления – я несколько дней назад порвала кроссовки и сегодня собиралась купить в торговом центре новые, но, похоже, ваш чертик меня опередил. Утром я обнаружила у своей кровати совершенно новую пару.

Пан Лойзо покачал головой:

– Крампус кроссовки свистнул, вот пройдоха – и проверяя почту в смартфоне добавил – чек на них уже пришел, все в порядке.

– Я заплачу – быстро сказал я – только объясните, как это именно нужно сделать... То есть как Крампус? Настоящий?

– Настоящий – кивнул пан Лойзо – платить не нужно, обидится. Это были его карманные деньги. Я установил ограничение, он сейчас больше чем на триста шекелей в месяц не ворует. После того, как мы за его ударную установку полгода рассчитывались.

– А почему бы просто не вернуть установку в магазин, если чеки все равно приходят на мыло?

– Да разве ж он отдаст? Я подождал пока он наиграется и подарил детям в студию.

– Мировая штука – поддакнул Раду – молодец Крампус.

– Баловство одно этот Крампус – посетовала тетушка Михля – больших проблем от него, правда, нет, Лойзо редко по-настоящему злится, даже на мини Крампуса еле хватило. Он у нас ручной, но тумла все равно может подкинуть. То кнедлики обкусает, то на автокаре с трещетками прокатится, то сцепится с Рататоск и целую ночь от них покоя нет.

– Уже второй случай проявления нежных чувств у организмов нечеловеческого происхождения за утро – удивлялся пан Лойзо, – я подозреваю, что среди нас влюбленный.

– Зато теперь у меня обувь мечты, ну хоть для кругосветного путешествия. – размечталась вдруг Райка – кто со мной на Мачу Пикчу?

– Я пас – сказал я – ты же постоянно над всем плачешь. Над дворцом Мухтарова, над Тадж Махалом. Ты плакала даже над несчастным лиссабонским трамвайчиком, стареньким и уставшим, но героически колесящим по городу. А то ты и на Мачу Пикчу повод не найдешь.

– Сильный эмпат – это большая редкость – сказал пан Лойзо.

– Жаль Эден, что ты не лакримоза, – протянул Стефан – столько сыря зря пропадает.

– Это точно – поддержал пан Лойзо – пригласили мы в кибуц лакримоз в научных целях, а слез от них не добьешься. Только хихоньки да хахоньки.

– Вот я позвал однажды Лалейку на свидание, – продолжал Стефан – шампанское открыл, ананас нарезал, словом, романтику обеспечил. Пока анекдоты травил все было отлично, потом включил «Хатико», думал разжалобить. Смотрю, спит. Хоть из пушки пали.

– Сколько раз тебе повторять, не умеют они ни сострадать, ни грустить. Их нервная система даже болевых рецептов не подразумевает.

– А для чего они должны заплакать? – спросила Райка.

– Эти слезы слишком ценные – уклончивоотреагировал пан Лойзо. Хотя, может более точного ответа на этот вопрос и не существовало.

– Однажды я чистил лук на корабле – подал голос Лу-ним – и неожиданно заплакал.

– Природными лакриматорами их не проймешь, я пробовал. Человеческие слезные железы по-другому устроены.

– А может у них слезных желез вообще нет?

– Молчи, Стефан, молчи неуч бестолковый. Есть. Жила тут давно одна старая лакримоза, у которой глаза от конъюнктивита слезились. Но ее слезы давно кончились, ушли все на лабораторные испытания, а новых никто не дает.

– Значит надо одной из них оплеуху вклеить – вставил решительный Менаше – Ради науки можно.

– А то бы я сам не догадался – проворчал пан Лойзо, потирая скулу.

– Хватает же у вас терпения.

– Dum spiro, spero. Жизнь, считай, прожил, но так и не понял надежда, друг она или очередная напасть. В конце концов надежда жила когда-то в ящике Пандоры бок о бок с катастрофами и эпидемиями. Но слезы лакримоз слишком ценны, чтоб все это забросить. Я всегда хотел их добыть.

Тетушка Михля неожиданно вспылила:

– Счастливого внука ты тоже хотел!

– Сколько можно мне это припоминать? Да и чем плохо получилось?

– Тем, что сын с тобой столько лет не разговаривает.

Пану Лойзо этот разговор не нравился, и он быстро сменил тему.

– А чем, Луним, вы теперь намерены заниматься?

– Учиться.

– Само собой – кивнул пан Лойзо – но для этого надо сдавать экзамены, готовиться, заниматься. А все это время необходимо где-то жить и что-то есть.

Луним и сам об этом думал и сейчас выжидающе смотрел на шеф-инженера, у которого явно был ответ на его вопрос.

– Оставайся здесь, парень – живо сказала тетушка Михля – разрешения добьемся, Гастон подтянет по предметам, да и вообще будет чем заняться.

– Мне нужен лаборант, а вам опыт – поддержал пан Лойзо – опыт, Луним, великая сила. За одного битого, как говорится, двух небитых дают. Поможем друг другу?

– Оставайся – кивнул Менаше, – для нас это предложение сейчас просто *Deus ex machina*.

– Слушай, Луним – заинтересовался Стефан – а фамилия у тебя есть?

– Нет. А это обязательно?

– У нас, в так называемом Зеркальном мире всем назначают фамилии. Ну почти всем, фрейр Снорри тоже бесфамильный, но у него хотя бы отчество есть, а директор цирка прибыл из тех времен, когда еще и фамилий-то не было.

– Ах да – спохватился Луним – я вспомнил. В тот день, что я только приехал, мне назначил фамилию таксист. Он называл меня мистер Бонд.

Стефан хихикнул, а пан Лойзо, наскоро осадив внука по-словацки, невозмутимо сказал:

– Значит мой новый лаборант Луним Бонд.

Глава пятнадцатая

Прогульщик

У Лунима, вырвавшегося из-под гнета стражи паноптикума, появилась новая головная боль по имени Гастон. Гастон был, как правило, немногословным, подчеркнуто вежливым и удивительно наблюдательным. Луниму казалось, что от него не ускользала ни одна мелочь. Сам же Луним, как и любой самородок, прилежанием не отличался и, увлекшись одним вполне мог упустить из вида что-то менее интересное, о чем Гастон ему бесменно напоминал. Занимались они в кибуцной библиотеке, кроме тех дней, когда Гастон был занят в поликлинике или посещал собственные лекции. Тогда Луним выполнял несложные поручения пана Лойзо или сам просиживал в библиотеке, выискивая в её разнообразии все самое интересное.

– Это твое? спросил как-то раз Луним, указывая на шахматную доску на любимом месте Гастона у окна.

– Мое.

– А кто твой враг?

– Хамас.

– А тут?

– Спарринг партнер. Один парень из Канады, мы по скайпу с ним играем.

– Научи и меня играть, пожалуйста.

– Если время останется.

«Что-то он сегодня не в духе» – отметил про себя Луним.

Меж тем вошли Марик и Раду, попросили задачник Фейнмана, а проходя мимо Марик неожиданно спросил:

– Слыхали, завтра вечером в цирке представление.

– Пойдете?

– Еще бы! У нас весь класс пойдет.

– А мы пойдем, Гастон?

– У нас нет времени.

– Завтра суббота, да не так уж и много времени мы по-

тратим.

– Не отвлекайся – голосом, не терпящим возражений, сказал Гастон.

Но мысль о предстоящем представлении уже не уходила у Лунима из головы.

– Наверно мне нужно заглянуть к пану Лойзо, – робко предложил он – всё-таки я у него работаю.

– Заниматься все свободное время распорядился сам адон Мартинец, так что не беспокойся, лучше попробуй придумать задачу на умножение.

Луним ненадолго задумался.

– Гастон, помнишь, ты рассказывал о теории шести рукопожатий.

– Да.

– Так вот если предположить, что такая огромная планета, как Юпитер когда-нибудь окажется пригодной для жизни то на сколько нужно будет умножить эти шесть рукопожатий, чтобы сделать теорию актуальной для новой локации?

Гастон удивленно округлил глаза и наконец то заулыбался

– Ну, братан, у тебя и запросы.

– Ну а вдруг.

– Терраформировать Юпитер невозможно, он из газа, но если где-то во Вселенной обнаружится гигантская супер-земля, то решить эту задачу все равно будет не просто, для этого надо знать стереометрию, теорию вероятности и... – начал было Гастон.

Но тут прямо из столешницы появилась рыжая лапа, за ней вторая и, как будто подтягиваясь на перекладине белка Рататоск, наконец, протиснулась сама. Прохождение через твердое тело ей давалось плохо, но отставать от хозяина не хотелось.

– Эй, ты, голодрант... таракант... а, лаборант, к шеф-инженеру, бегом! – скомандовала она.

Гастон укоризненно посмотрел на белку:

– Послушай, Рататоск, ты полубезнее общаться не пробовала?

– Помалкивай, лопухий! – буркнула Рататоск и исчезла.

– Она на мою тетку похожа – засмеялся Луним.

– На трактирщицу из Монфермея она похожа.

– Брось, Гастон. Это же просто белка, что с белки спрашивать. Так я пойду?

Гастон кивнул и счастливый Луним поспешил в лабораторию.

– Заходи, заходи – пан Лойзо удерживал в воздухе волшебным гаджетом чудесную модель и записывал данные в толстый журнал. Лаборатория была оформлена самым чудесным образом, ступки, колбы, большая прозрачная реторта, на стене висела периодическая таблица, содержащая мираций, но Луним не сводил глаз с модели.

– Что это?

– Это слёзная железа лакримоз. Никак не желает работать, впрочем, как обычно – пан Лойзо, наконец, посмотрел на Лунима – я, собственно, хотел узнать, как ваши занятия с Гастоном?

– Даже не знаю, как ответить.

– Прямо.

– Ну, если прямо, то я постоянно радуюсь какому-то новому открытию, а потом оказывается, что это ерунда, которую все давно знают.

– Гастон так говорит?

Луним смутился.

– Я не жаловаться пришел, просто мне не в кайф вглядеть тупицей. Вот и про Юпитер ничего не знаю. Спросил, почему бы не занять такую большую планету, а Гастон смеётся.

– Это лучше один раз увидеть – с этими словами пан Лойзо отодвинул гиганскую слезную железу, создал небольшое Солнце, а вокруг него множество молодых планет, – на первых порах планет было значительно больше восьми – по-

яснил он – и как обычно выжили сильнейшие.

Затем он нацелился своим волшебным гаджетом на Юпитер, который, расталкивая малявок, устремился к Солнцу и остановился вна земной орбите.

– Семь миллионов оборотов должно хватить – сказал пан Лойзо и удерживая Юпитер гаджетом выкрикнул какое-то халдейское слово.

Молодая планета начала яростно вращаться вокруг Солнца попутно теряя газовую оболочку, пока не оталось одно лишь каменное ядро всего лишь раза в полтора крупнее Земли.

– Не самое приятное место для жизни – констатировал – и воды там почти не будет и атмосферы, и гравитация такая, что лишний раз не попрыгать. Зато посмотри на Нептун, какая красота, ну чисто Солярис – с этими словами пан Лойзо приблизил к Солнцу самую далекую, идеально круглую глыбу льда и запустил аналогичный процесс, превратив Нептун в планету-океан. Он с минуту забавлялся со своим созданием, как мальчишка, играющий в машинки, потом щелчком пальцев слил миниатюрную солнечную систему в реактор и задумался.

– Ты, Луним, главное не торопись. Любое учение постигается маленькими, но твердыми шагами.

– Мне так хочется поскорее наверстать упущенное.

– Это случится раньше, чем ты думаешь, а пока... в цирке завтра вечером представление. Хочешь пойти?

– Я бы с удовольствием, но Гастон, похоже не в восторге от этой идеи. Мне кажется, он не любит цирк.

– Раньше очень любил, пока трагедия его не подкосила.

– Как это – подкосила? – удивился Луним.

– Он повредил позвоночник при неудачном падении, Арику, да и другим специалистам, осталось только руками развести. А ведь когда-то Гастон был одним из лучших сёрферов севера. Он человек сильный и справедливый вот теперь и избегает встречи с тем, кому мог бы позавидовать.

Смотреть, как Анна кружится под куполом ему тяжело, а обижать её этим чувством стыдно. Если бы хоть одна лакри-моза заплакала... – снова встал он на любимую колею.

– А разве завидовать не плохо? – спросил Луним

– Плохо не завидовать, хорошие люди бывает и зави-дуют и злятся, и ревнуют, плохо принимать в эту минуту не-верные решения. Люди по большому счету испытывают одинаковые эмоции, они отличаются только тем, что при-нимают при этом разные решения.

– Я сейчас вспомнил, как мы сюда ехали, – сказал Лу-ним – Стефан тогда сказал, что надо валидировать билет. И вдруг я понял, что это слово, однокоренное со словом инва-лид. «Ин» – как я уже знаю, означает приставку «не». Ко-рень «валид» – это что-то, что у инвалида отсутствует. Здо-ровье? Но оздоравливать билет – это абсурд. Вес, солидность, уверенность? Не знаю.

– Сила – подсказал шеф-инженер.

– Значит инвалид – это человек, лишенный силы. А ва-лидировать что-то значит придать ему сил. Значит Гастона нужно валидировать? Но он же сильный, вы сами сказали. Получается замкнутый круг.

– Как тут не процитировать Эйнштейна «Единственное, что мешает мне учиться, это полученное мной образова-ние» – улыбнулся пан Лойзо.

– Между прочим, я вчера был в библиотеке и прочитал почти все о лакримозах. Их норма серотонина превышает человеческую, а вот адреналин и норадреналин постоянно почти на нуле как и кортизол, их хватает только на то, чтобы просыпаться по утрам, ну и на базовый инстинкт самосо-хранения. А ведь именно кортизол главный катализатор сле-зоотделения. Это для нас плохо. Зато у них, надо полагать, почти отсутствует страх, они легкомысленные и доверчи-вые, их легко уговорить сорваться с места. А на нашем ост-рове есть Соленая долина, она может помочь, в сезон до-ждей там плачут все, даже те, кого луком не пронять. Вот

только как мы организуем эту экспедицию и останемся незамеченными для островитянок?

— А ты оказывается, неплохо поработал, — задумчиво сказал пан Лойзо — тянет на родину?

— Иногда думаю, как там папа, он же совсем один остался. Но обратно все равно не тянет. На родине я просто товар, дорогой и статусный, правда, но от этого не легче. Все что я знаю, умею и люблю находится здесь, на Куличках.

— Лучше всего человеку там, где ему дано состояться, по себе знаю.

Пан Лойзо снова создал солнечную систему, на этот раз такую, как есть и увеличил Землю.

— Это и есть ваш остров?

— Да.

— Климат преимущественно субэкваториальный, стало быть, характерны сезоны крепких дождей. Солончаки же формируются вблизи пустынь, а ближайшая к острову крупная пустыня получается Калахари. Но и она довольно далеко. Может на острове есть небольшая пустыня, которую здесь невооруженным глазом...

— Ух ты! — раздался радостный писк, — Блеск!

Как всегда неожиданно появившаяся Рататоск прыгнула на маленький Плутон и перебирая пушистыми лапками изобразила танец на шаре, потом сделала вальсет и перемахнула на Нептун, где снова закружилась.

— Нахваталась у Анны — сказал пан Лойзо.

Белка меж тем уже раскачивалась на кольцах Сатурна, как на качелях, потом выдала брейк на просторном Юпитере, сделала сальто вокруг пояса астероидов, а спрыгнув с Марса на стол как бы между прочим сообщила: «Все готово, нафиг». Пан Лойзо поблагодарил белку за новость, повернулся к Луниму и весело подмигнул: — Ах да, зачем я тебя, собственно, звал. Хочу, чтобы ты сегодня свинтил с уроков и отправился в цирк. Готов поспорить, ты еще никогда в жизни так не делал.

Глава шестнадцатая

Директор цирка

Луним стоял перед шатром с яркой вывеской «цирк Морских Коньков». Шатер, по его ощущениям был не просто маленьким, а совсем крошечным, где поместились бы от силы человека три, да и то согнувшись пополам, какое уж там цирковое представление при полном зале зрителей?

– Ты чего не заходишь? – спросил кто-то рядом.

Луним оглянулся и увидел человека в зеленом комбинезоне, который был ему явно велик, с легкомысленными пуговицами и ярко красными искусственными волосами.

– Вы кто?

– Клоунов что ли никогда не видел?

– Нет.

– Да ладно... – не отставал незнакомец – зато знаешь сколько я в своей жизни повидал лаборантов? Аж в глазах рябит. А ты почему не заходишь?

– Так ведь еще рано.

– Ничего себе рано! Директор с утра тебя дожидается.

Идем, провожу.

На удивление изнутри шатер оказался намного просторнее, чем снаружи.

В центре огромного зала в глаза сразу бросался маяк. Да, настоящий маяк, уменьшенная копия александрийского, который Луним видел в какой-то книге. В луче его света отчетливо читалось «Особый гость Виктор Альвареш, Рио де Жанейро».

Кто такой Виктор Альвареш Луним не знал, а когда он подошел поближе, надпись внезапно сменилась, теперь там было написано: «Новый гость Луним Бонд. Королевство Южная Кайма».

– Аviso – пояснил клоун.

– Аviso меня знает?

– Аviso знает все.

– Невероятно.

– Ну невероятно, делов-то. Между прочим, согласно статистике, цирковые артисты слышат это слово ровно в 451 раз чаще остальных. Ладно, идем.

Директор цирка, одетый в строгий деловой костюм, сидел в глубоком кресле у окна. Это было очень необычное воспоминание, небольшого роста, темнокожее, с аккуратным маленьким носом, густой бородой и очень цепким взглядом. В дверях его кабинета стоял молодой цыган в соломенной шляпе, который, увидев Лунима, сделал шаг вперед, освобождая проход. А клоун попросту протиснулся сквозь стену.

– Франческо, я все вижу.

– Я гостя привел – ничуть не смутившись ответил Франческо – Луним Бонд собственной персоной.

– Даже если и так, почему Сэм входит и выходит через дверь, как приличное воспоминание, а ты считаешь это зазорным?

– Пай-мальчик – фыркнул клоун

– Франческо, я все слышу – вставил Сэм.

– Мamma mia! – рассердился клоун и вдруг что было сил подпрыгнул на месте и растворился в воздухе.

– Я тоже пойду – спокойно сказал Сэм – все сделаем в лучшем виде, не волнуйтесь, мистер Дир.

Он без всяких фокусов вышел через дверь, как, надо полагать и надлежит приличному воспоминанию.

– Ковром у нас обычно занимается Карлос, – пояснил директор цирка, жестом приглашая Лунима сесть – как самый сильный. Но ему нынче предстоит встретить гостя, а это ответственное поручение, даже, можно сказать, слишком ответственное. Придется нашим неугомонным оппонентам взяться за дело самим. Но оно того стоит, этот Виктор появился как нельзя кстати.

– Я просто не хотел, чтобы вы решили, что у нас какие-то секреты – добавил он – это невежливо. Да, и не

подумайте, что я трачу впустую ваше время, пространственно-временной континуум здесь подчиняется только мне и если я приглашаю в гости человека, то он уйдет отсюда в том же возрасте, что и вошел.

– Ну, мне семнадцать лет – простодушно ответил Луним – и к вечеру это не изменится.

– Как же опрометчиво считать возраст в годах, когда человеку должна быть дорога каждая минута. Впрочем, в таком прекрасном возрасте подобными мыслями еще не обременяются.

Он оценивающе взглянул на Лунима и задумчиво пробормотал:

– Девяносто четвертые солнечные сутки после перегеллия, рост сто семьдесят, состояние, относительно уравновешенное... ну да, одного среднего воробьиного шага будет достаточно.

– Я homo dubius – представился директор – человек сомневающийся. Сомнение не открывает правду, но лишает покоя. Однако, хуже всего его беспечное отсутствие, которое наносит удар в спину в самый неподходящий момент.

Луним кивнул, выражая согласие, а его собеседник продолжал:

– Это имя понравилось мне больше всего, своего-то при жизни у меня еще не было, я австралопитек.

– Вы из Австралии?

– Нет, я из Танзании. Она тоже на юге, только африканском.

– Ах вот оно что – протянул Луним – очень приятно. Я тоже родился у берегов Африки.

– А я ушел из восточной Африки на юг аравийского полуострова очень много лет назад вместе с кочевниками, кажется это были homo erectus, а теперь вот обойдя весь мир к нему же и вернулся. Но что удивительно, я считал, что побывал везде, а несколько дней назад авизо сообщило, что у нас в гостях уроженец удивительного острова, о котором я

за свои полтора миллиона лет ни разу не слышал.

– Может это и к лучшему – подметил Луним – у нас на острове слишком мощная гравитация, подчиняющаяся исключительно королеве. Развить скорость убегания крайне сложно. Но мне это удалось.

– Эзопов язык? Ну что ж, я оценил. Видете ли, молодой человек, у меня есть хобби, это лингвистика. Я выучился говорить уже в зрелом возрасте и очень этим проникся. Язык, речь, на мой взгляд это лучшее из всех благ эволюции. До недавнего времени я считал, что знаю все языки планеты, начиная с праностратического. Слышал я, конечно и более древние языки, но раз уж официальная наука еще не копнула настолько глубоко, будем считать точкой отсчета именно его. Когда-то человечество было настолько мало, что все друг друга понимали, представляете? Зато сколько сейчас разных языков и все они прекрасны. И самое главное – нет такого, что не отошел бы от праностратического. А знаете сколько языков уже забыты? И, я искренне горюю по каждому.

Остаться на Земле воспоминанием, как я или латынь – редчайшая возможность.

Помню как-то раз я прихватил на память папскую грамоту, когда улизнул из застенка инквизиции. Я, признаться, даже тогда не понимал этих олухов, они так боялись всего необычного, например меня. Я же всегда аккумулирую вокруг себя все необычное. Так вот, спустя шестьсот лет я без труда смог бы найти сотни людей способных ее прочитывать. А кому сегодня по силам расшифровать надписи на табличках, найденных в долине Инда? К сожалению, только мне и паре моих единомышленников. Я, обычно, без труда определяю путь народа, зная его язык, можно сказать, иду к той же цели, что и ваши друзья генетики, только другой дорогой.

– Вам действительно полтора миллиона лет? – восхитился Луним, – Потрясающе!

– Вы знаете, что такое память?

– Возможность человеческого мозга накапливать необходимую для дальнейшей жизни информацию?

– Пусть будет так. Собственно, я и есть память, материализовавшаяся в силу одного редчайшего явления, удивительным образом протекавшего в нужное время в нужном месте. Или ненужном. Я до сих пор могу точно сказать, считая ли я бессмертие счастьем или, наоборот, проклятьем. Одно скажу абсолютно точно, мне некуда спешить, у меня масса времени, а это значит, что я получил уникальную возможность все больше и больше познавать этот мир, в обмен на возможность другую – когда-либо заглянуть за его пределы. Впрочем, я немного увлекся. Если ближе к делу, то в последние дни у меня появилась новая цель, я хочу выучить ваш язык. Если угодно, можете считать это азартом матерого коллекционера.

– Нет, что вы – вежливо сказал Луним – продолжайте. А что касается нашего языка, то я буду очень рад вам помочь. У меня есть книга «Одиссея капитана Блада» на каймском языке. Я принесу.

– Благодарю вас, вы, должно быть очень добрый мальчик, если готовы бескорыстно выслушивать старческие истории.

– Но мне, действительно очень интересно. За тот месяц, что я здесь я узнал больше, чем за всю свою прошлую жизнь и совсем не хочу останавливаться. Так что же такое память?

– О памяти я и правда знаю почти все. Сейчас я, как видите, даже приглашаю её на работу. Я был уже глубоким стариком, мне было около тридцати земных лет, когда моя память безболезненно отпочковалась от мертвого тела и начала своё независимое существование. Последним, что я видел в жизни, были копыта огромного бизона и отлетевшее на несколько метров каменное рубило. Там и началась моя новая жизнь. Сейчас я почти понимаю, что произошло; это буждающий ноль шкалы чудес совпал с местом моей гибели и повторял траекторию моего падения время, достаточное

для реакции. Без катализирующих заклинаний это возможно с вероятностью равной одной десятимиллиардной. Но чтобы понять все это мне пришлось очень многому научиться. Придя сюда, я долго оставался отшельником, но однажды, наконец, решился выйти к людям. У меня даже появился друг, молодой, азартный градоначальник. Мы славно повеселились он называл меня Энкиду. И никак не верил, что однажды я уже умирал, но вернулся из царства мертвых. Да и кто в такое поверит? Больше всего я тогда хотел, чтоб и мой друг обрел бессмертие, но тогда я этого не умел. Мы с ним всего лишь уповали на могущество богов, это ли не беспечность? А потом я еще очень долго тосковал по нему.

Приблизительно на семисотый восход Сириуса в Новом Царстве я увлекся алхимией. В ту пору это было очень модным занятием и помогало отвлечься от тяжелых раздумий. Это же увлечение однажды натолкнуло меня на одну идею – я решил выяснить тайну своего существования и даже, если повезет, найти себе подобных. Познав дружбу, я, как и любое разумное существо я попросту боролся с одиночеством. Но, как я понял позднее всему своё время. А тогда моё время еще не пришло.

Впоследствии у греков я изучал анатомию, а у арабов – алгебру.

Когда мировое господство перешло к Риму, я впервые увидел цирк. Это была огромная арена, где соревновались в скорости с дюжину колесниц. Признаться, в начале цирк меня не очень увлек, это произошло намного позже, когда к нему стали присоединяться акробаты и фокусники. А когда я начал все больше очаровываться этим зрелищем, однажды примкнул к одному из возникавших то здесь то там странствующих цирков. Это были счастливые времена, которые омрачало только одно – сознание, что рано или поздно я переживу всех своих друзей.

Когда Леонардо да Винчи составил свой первый анато-

мический атлас, я впервые задумался куда же исчезает в конце жизни память. Уходит вслед за субстанцией, прозванной философами и поэтами душой в неизведанное, или просто потухает, как сгоревшая свеча? Нельзя ли научиться материализовать её искусственно и изучить так же, как да Винчи наглядно изучал человеческое тело. Но и на этот раз я не нашел ответа на свой вопрос. Видимо время все ещё не пришло.

Спустя около ста земных лет соотечественник и единомышленник синьора Леонардо Джулио Аранци обнаружил в человеческом мозге что-то очень похожее на морской конек, это был портал между жизнью и памятью, именно он решает, что оставить, а без чего можно обойтись. По совести говоря, я и есть морской конек, все, что я когда-либо передал памяти и было считано шкалой чудес. Теперь я живу именно так, победы и, неудачи – храню для опыта, все остальное без сожаления отметаю. Мне оставалось только найти подход к морскому коньку. Для этого я призвал на помощь все полученные знания и именно морской конек стал для меня так называемой идеей фикс на долгие годы.

– Вы так и не нашли кого-то из своих? – спросил Луним.

– В конечном итоге, конечно, нашел, но позже. Под конец девятнадцатого века новой эры человечеству было особенно скучно и, чтобы занять себя, люди изобретали самые лучшие вещи и развязывали самые бессмысленные междоусобицы. А, впрочем, войны всегда были бессмысленны, но в прошлом их по крайней мере можно было оправдать невежеством и то, что в эпоху крупных научных открытий ничего не изменилось сильно огорчало меня. Однако мой звездный час пришелся именно на этот период. В ту пору я как раз осваивал фотографию. Все-таки при жизни я был охотником и оружием для охоты на морской конек она оказалась идеальным.

Фотографы считывают информацию с окружающего мира с помощью воздействия света на серебро, находящееся

в фото пленке. Я решил опираться на те же принципы при считывании информации с морских коньков. Перестроить обычный фотоаппарат на чудесное устройство копирования процессов накопления памяти мне, призвавшему на помощь все когда-либо полученные знания оказалось под силу. Но считывать память с мертвого тела было бесполезно, а с живого человека – неэтично. Кажется, мои изыскания снова зашли в тупик. Смертным я бы давно уже впал в отчаяние. Только когда я узнал от Альберта Эйнштейна, что нет мгновенных реакций, даже самые быстрые процессы во вселенной не могут превысить скорости света, то все понял. Мозг давший организму сигнал об окончании программы жизни примерно эти несколько миллиардных долей секунды продолжает функционировать. Чтож, этого мне оказывалось достаточно, в конце концов у меня цирковая реакция. А поскольку память способна путешествовать не только в пространстве, но и относительно прожитого я собрал всех, когда-либо особенно заинтересовавших меня морских коньков. Анна была последней, да оно и понятно. Когда мы приняли в труппу женщину она перевернула всю нашу спокойную жизнь.

– Как это – перевернула?

– Я всегда считал, что вторгаться в ход истории воспоминания не должны, неизвестно каких бед можно этим натворить. А Анна однажды нарушила этот запрет и оказалась права. Уже будучи воспоминанием, Анна спасла от неминуемой гибели двух маленьких детей.

– Это, наверно, потому что у нее была душа? – подсказал Луним.

– В отличие от остальных, это вы хотели сказать? Нет, друг мой, тут все гораздо сложнее. Душа настолько непотопляемая субстанция, что давно стала объектом множества теологических спекуляций. Но даже те из нас, кто все еще не оставил надежду доказать её существование научным способом, вынуждены работать с весьма условными

данными. Я же воспользовался обратным доказательством, я нередко встречал людей без того, что вы называете душой, молодой человек и во все времена их отличало одно – они были очень страшные. Те, кто называет их жалкими, упускают из вида, что жалкими они становятся потом, спустя много лет после потери этой самой души, а сначала они невнятно страшные. Того, которого переиграла Анна я запомнил особенно хорошо. В начале, конечно и у него была душа и на его несчастье ему не удалось избавиться от нее полностью, небольшой клочок зацепился за какое-то хорошее воспоминание или добрую привычку и остался. Честолюбивый мальчик из разоренной войной семьи был счастлив служить новой власти, обещавшей светлое будущее. На что готов потерявший все человек ради идеи, особенно такой нелепой, как светлое будущее, подумать страшно. Когда он потерял душу, то стал гордиться последним своим достоинством, тем, что ничего не боится.

– Разве ничего не бояться это плохо? – удивился Луним

– Конечно. Когда человеку страшно, но он продолжает делать то, что должен, это называется отвага. Прекрасное качество. А если он просто хочет искоренить страх, как данность, то это ужасно. Я твердо помню одну простую истину, страх – самый большой враг циркового артиста и отбирал в команду исключительно тех, кто способен на отвагу.

– Ну а что же тот, который был не способен?

– Однажды он струсил, этого и следовало ожидать. Он пожалел врага. Сам вынес себе приговор «недостаточно беспощаден» и сам всю последующую жизнь страдал от него. Враг стоял у калитки своего дома и неожиданно улыбнулся незнакомцам. Гостям полагается радоваться, так говорят старшие. Ох уж это кто крестьянское простодушие. Он улыбался так талантливо. Врагу было лет пять-шесть. Крепкий, розовощекий, заботливо укутанный теплым шарфом и вполне довольный жизнью. Вся его последующая жизнь отныне крутилась вокруг врага. Враг перестал быть

абстрактным, выдуманным, демонизированным. У него было человеческое обличье, а главное у него была улыбка. Улыбка, какое же это великое оружие. В тот день они сожгли дотла одну словацкую деревню. Может, потому что узнали, что там укрылась маленькая девочка, оказавшаяся вне закона, может просто хотели проучить повстанцев в горах. Тогда многие словаки в Карпатах уходили в партизаны. И Анна там была.

– Почему?

– Это все война – ответил директор цирка – одна из самых страшных из всех, что я видел. А видел я их много. В иные времена он посчитал бы себя героем, но с тех пор что-то пор не давало ему покоя. Он стал жалок. И влачил своё жалкое существование, пока в парижском ресторане ему однажды не улыбнулся услужливый официант из польских эмигрантов. Он умер на месте от сердечного приступа, успев прохрипеть только одну фразу, «Чертов мальчишка!» Не то чтобы мне жаль эту фашистскую свинью, – неожиданно закончил директор – но может он все же не мучился бы так, узнай ненароком, что Лойзо Мартинец жив и здоров.

Потрясенный Луним молчал.

– Годы скитаний сделали меня черствым – после небольшой паузы произнес директор цирка – не стоило вот так, без подготовки, травмировать вас, молодой человек.

– Со мной все в порядке – заверил его Луним – как любит говорить мой дедушка кузнец «другим хуже».

– В таком случае, у меня будет к вам маленькая просьба, – почему-то немного застенчиво сказал директор цирка – когда завтра ваш новый друг скажет, что австралопитеки никогда не покидали Африку не верьте ему пожалуйста. Этот парень, конечно, чертовски умен, просто мы с ним никогда не были знакомы.

– Хорошо – тихо сказал Луним – не поверю.

И поплелся прочь.

Сэм и Франческо стелили на арене ковер поверх опи-

лочного покрова. Еще одно воспоминание, похожее на Алладина из «Тысяча и одной ночи» наблюдало за этим паря под куполом. Задача, по всей видимости была не из легких.

– Убавится от этого Карлоса что ли, – ворчал Франческо – за две минуты бы управился.

– Мальчики, может вам помочь? – спросила Анна.

– Еще чего! – фыркнул Сэм.

Франческо сердито отвесил апач в ту сторону, где, судя по всему, должен был находиться Карлос, но справился.

– Ну как, Зульяр?

– Ровно.

– Тогда спускайся, чего там без толку висеть? Вот раньше во время кавалькады я такие сальто мортале проделывал, что-толпа стонала. И это я еще тогда летать не умел.

– Да врешь ты все – сказал Сэм.

– Вру – согласился Франческо – а ты предлагаешь сидеть в скучнотище? Между прочим, чтобы придать истории ценность её надо приукрасить. Если бы Джованьоли в своё время не приукрасил историю Спартака ты бы ею сейчас не зачитывался.

– Да болтун ты, только и всего. Анна, погаси светильник, пожалуйста. Ты ближе всех.

– О нет! Он слишком горяч для меня.

– Ты же не чувствуешь боли.

– Но я все равно избегаю горячих предметов – заупрямилась Анна.

– Я сам – сказал Зульяр, щелкая пальцами.

– И как ты это делаешь?

– Ловкость рук дервиша.

Луним слишком подавленный рассказом, даже не выспросив у Сэма ничего о Спартаке, которого из-за уроков английского так и оставил нетронутым под подушкой, вышел на улицу. Огромные часы, действительно, показывали то же самое время, в которое он вошел в шатер, но Луниму это было безразлично. Он отправился в свою комнату

в общежитии и сидел в тягостных раздумьях. Как же так пан Лойзо и тетушка Михля, которые всегда были так добры к нему когда-то оказались вне закона, да еще и будучи детьми. Печаль его развеяла рыжая мордочка, которая заглянула в окно и потребовала:

– Эй, лаборант, гони Капитана Блина!

– Я сам собирался отнести. Там трудно разобраться без объяснений.

– Наш директор без сопливых управится, и не такие задачки решал.

Луним снял с полки книгу и отдал белке.

– Только поаккуратнее, пожалуйста.

– Ой, не учи ученого – отмахнулась Рататоск, сунула книгу под мышку и уже собралась было выпрыгнуть в окно, но вдруг неожиданно остановилась.

– Что ты нюни распустил? – спросила она, – с ними же все в порядке. Один к Снорри вон побежал, а вторая вяжет на веранде. А крючок, между прочим, тогда Крампус свистнул и если бы этот лакримозыч не решил повыпендриваться, то фигушки бы кто его нашел.

– Пан Лойзо бы все на..., подожди-ка, это Стефан что ли лакримозыч?

– Ну а кто ж еще? Ты при случае присмотришь к нему повнимательнее, он же и есть лакримоза в мужском обличи.

– А почему?

– Неужели непонятно? – хихикнула Рататоск.

Она сорвала с дерева орех, деловито расколола его и забросила скорлупу в кусты, откуда фыркая и чертыхаясь выскочил кот Полтергейст.

– Подслушивает – рассердилась белка – вот придурок!

– Рататоск, ты дружишь с Анной? – спросил Луним – я видел в цирке ваше совместное селфи на стене висит.

– Анна клёвая – ответила Рататоск, медленно пятясь назад – и прыгает хорошо. Ну, для бесхвостой, конечно, да...

Анна клёвая, а ты тупица и про Юпитер ничего не знаешь – с этими словами она прыгнула с подоконника на дерево и была такова.

Луним выглянул в окно и увидел, что в беседке сидели Стефан, Менаше, Виталик и Раечка, они болтали и ели ягоды, а увидав его призывно замахали руками.

Глава семнадцатая

Особый гость

– Я пойду поздороваюсь с бабушкой – сказал Стефан – а вы на ужин не опаздывайте. Эден, ты со мной?

Райка кивнула и быстро поднялась.

– Как успехи? – спросил я Лунима, провожая их взглядом.

– Пока что не плачут – отреагировал тот и я понял, что основная повестка института чудесной кибернетики успела захватить и его.

– Лакримозы ваши? – спросил Менаше.

– Да – кивнул Луним – одного никак не пойму, почему Рататоск называет Стефана лакримозычем. Он же парень. И человек. Стефан тоже никогда не плачет?

– Ну он же парень. Хотя Рататоск в чем-то права, Стефан редкий пофигист.

– Послушай, Менаше – меня вдруг осенило – а может лакримозы размножаются твоим любимым партеногенезом.

– Я прочитал про них все, что нашел, – пояснил Луним – но информации оказалось совсем мало. Их организм способен к самоисцелению при любом зарождающемся недуге. Формы размножения у них две, естественная и слезная. Только не спрашивайте меня как это, я понятия не имею. А рождаются у них исключительно девочки.

– А что с той старой лакримозой, у которой слезились глаза?

– Насколько я знаю, у неё случился конъюнктивит, который её же собственными слезами очень быстро и вылечился. Институту слез досталось всего ничего, все они ушли на лабораторные испытания. А сама лакримоза улетела. Убедилась, что потомство в безопасности и решила сменить обстановку. Здесь живут только семь её дочерей.

– А куда она могла отправится?

– Не знаю. После того, как лакримозы сформировались, как чудесный вид они постоянно нуждаются в опеке, потому что сами совершенно беспомощные. Она явно где-нибудь у наших. Филиалы чудесной консолидации находятся в Канаде, Грузии, на Филиппинах... Всего, кроме нас, их десять, у пана Лойзо есть полный список. На Куличках самый молодой филиал. Циркачи, они же не любят долго сидеть на одном месте, раньше этот филиал считался кочевым.

– Значит есть особые чудесные места на Земле?

– Да нет же, шкала чудес сегодня безупречная только там, где проживают особи чудесного происхождения. Почти все они появились на заре человечества, когда шкала еще почти не давала сбоев. И именно они влияют на место, а не наоборот. Вот почему цирк находится в самом центре кибуца, он источает чудесные фотоны.

Сказав это Луним снова погрузился в нависшее над ним с начала разговора уныние.

– Ты чего такой кислый? – спросил я – Гастон замучил?

– Вы ведь на представление приехали?

– Ну да.

– Я сегодня решил пойти посмотреть на цирк, а директор пригласил меня к себе.

– Ты видел директора цирка!? – воскликнули мы почти в унисон – И что он тебе сказал?

– Сказал, что хочет выучить каймский язык.

– И это тебя огорчило?

Луним глубоко вздохнул и выпалил:

– В детстве пан Лойзо и тетушка Михля могли сгореть заживо, если бы их не укрыла Анна, эквилибристка из труппы. Но их семьи погибли. И еще очень много людей. И сама Анна... Такой вот он, оказывается, Зеркальный мир.

– Это был один из самых страшных периодов истории. Но ты ведь не передумал здесь оставаться?

– Нет. Хотя, если задуматься, это все было совсем недавно. Даже фотосъемка уже существовала.

Какое-то время сидели молча, пока Луним, наконец, не спросил:

– Вы уже расплатились за ночлег?

– Как только приехали.

– Может ко мне пойдем? Я один в комнате. Непривычно.

– Лучше снова вместе пойдем в тринадцатый. Интересно, что они сегодня отчебучат.

– Ну можно.

– По дому скучаешь? – спросил Менаше.

Луним задумался.

– Пан Лойзо на днях начислил мне зарплату. Я снял немного наличных на всякие мелочи... – сказал он, резко поднимаясь – я тут подумал, я сбегая, надеюсь минимаркет еще открыт, а вы идите ужинать сами.

– Что это с ним?

– Менаше – спросил я – у тебя прадеды воевали?

– Ну да, за англичан.

– Союзники значит.

– Конечно союзники – немного обиженно согласился он.

– А меня однажды немцы загнали в камеру, газ пустили, а я его не чувствую. Тут время вышло, они собираются тела сжигать, а я живой.

– И что?

– И ничего. Проснулся в холодном поту.

– Послушай, Гуршумов, – сказал Менаше, доставая сигареты – вы только в тринадцатый в таком настроении не ходите, ладно?

– Ладно, забыли.

Мы вошли в столовую, где уже собрался народ.

Рядом с пани Михлей сидела неизвестная нам молодая брюнетка с пушистой челкой, с другой стороны, от нее вскарабкался маленький Илюха.

– Это Павла – шепнул нам вернувшийся Луним – программист. Госпожа доктора Арика... ну то есть жена. Это она

структурировала все данные чудесной консолидации в единой доменной области. А сейчас изучает бесконтрольные чудеса, ищет в них закономерности, чтобы создать поведенческий каталог. Серверную себе оборудовала в тринадцатом караване, поближе к реактору.

Тут Луним встретился взглядом с Гастоном и виновато отведя глаза принялся пристраивать пакет из минимаркета, на спинку стула.

– Усаживайтесь, мальчики – величественно сказала тетушка Михля – потом пошепчетесь.

– Значит ты уже и по чудесной сети прогулялся? – спросил Менаше.

– Я только приложение скачал и всё – так же негромко ответил Луним – вход во все основные ресурсы запаролен. И вне кибуца аппликация не открывается. Зато можно, например в шатрандж сыграть с реконструкцией духа Аль Хорезми или заказать что-нибудь волшебное в маркетплейсе. А ещё тут есть карта со всеми филиалами чудесной консолидации.

Стефан с доктором принесли и установили на столе большой поднос тушеного мяса. Пан Лойзо, тетушка Михля, Гастон, Павла, доктор Леший и еще несколько присутствующих выхватывали из воздуха столовые приборы. Мы уже перестали этому удивляться.

– Я левша – виновато улыбнулся доктор, меняя в руках нож и вилку – когда один все в порядке, но в большой компании всегда происходит путаница.

– Да – задумчиво протянул пан Лойзо – правоцентристское коллективное поле себя исчерпало. Пора перекоординировать.

– А у нас на острове никогда не угнетали левшей – похвастался Луним – их обычно клеймят в правое плечо, чтобы при неблагоприятных условиях рабочая рука не страдала от осложнений.

– Гуманизм высшей пробы – хмыкнул Стефан.

Он хорошенько сосредоточился и хлоп! На колени ему с лязгом свалился козий подойник.

Пан Лойзо жестом отправив подойник обратно, пристально посмотрел на руки Стефана и в них сразу оказались нож и вилка.

– Желания надо исполнять иначе они начинают преследовать и сбивать с толку – сказал он внуку – это стремление порываться в кладовке у Крампуса мешает тебе сосредоточиться на насущном. Только твоего фонарика там все равно нет, сам где-то потерял. Паулина, как наш особый гость?

– Все в порядке, я проложила ему несколько наиболее удачных маршрутов и все поблизости. Кулички он бы никак не пропустил – голос у неё был бархатный, таинственный, под стать волшебной атмосфере кибуца – зарегистрировался три часа назад. Оставил вещи и сразу уехал, но ночевать скорее всего вернется.

– Отлично. Впрочем, я не сомневался, что он нами заинтересуется – пан Лойзо посмотрел в окно, потом на часы – все, друзья, суббота, больше никому чудес не творить.

– Деда, ты же агностик – напомнил Стефан.

– Условности так сильны – ни к кому, не обращаясь задумчиво сказал доктор Леший.

Следующие четверть часа слышался только звон столовых приборов и стрекот кузнечиков за окном.

Когда мы вернулись в нашу беседку всех просто раздирало любопытство.

– Что ты бегал покупать?

– Орехи. Тут кое кто их очень любит.

Луниг открыл пакет и позвал:

– Фрекен Рататоск, можно вас?

– Ну, чё надо, шаромыжники? – белка появилась моментально, как будто кто-то включил в беседке ее 3D изображение.

– Рехнуться можно – обрадовалась она – и это все мне?

– За небольшую услугу. Ты ведь хорошая вестница?

– Да уж, покруче джимейла буду – похвасталась белка.

– А сможешь передать привет моему папе? Кузнецу Даиру с острова Кайма.

– Хе, богатенький лаборант – протянула Рататоск – а вот сколько у тебя на сегодняшний день серебра?

– Не знаю – удивленно протянул Луним, открывая в бумажнике отделение для мелочи – а тебе сколько нужно?

Но Рататоск уже и след простыл. Пакета с орехами на столе тоже не было.

– Смылась – вздохнула Райка, первой придя в себя – вот ведь... замечательная белка!

– Ну что ж – сказал Луним, подавив разочарование – это заведомо была авантюра.

– Подожди-ка – остановил его Стефан – пересчитай монеты, лишним это не будет.

– Зачем?

– Рататоск лучший гонец чудесной консолидации. Не станет она марать свою репутацию ради мешка орехов, здесь загадка какая-то.

– И если она хотела просто утащить пакет, то сделала бы это сразу – согласился Менаше – считай.

– Ну ладно – пожал Луним плечами – вот полушекелевая монетка, один десярик, две двушки... а это что? Ой, ребята, здесь симкарта, каймская, с гербом.

Райка сняла с формы значок о прохождении курсов первой помощи и протянула Луниму. Тот благодарно улыбнулся и с плохо скрываемым волнением переставил карточки в смартфоне.

– Ну что там?

– Пока пусто.

– Везде смотрел.

– Есть! Есть номер в списке контактов, наверняка матушкин.

Пока Луним переписывал номер, менял карточки и весело болтал на родном языке, Менаше в своём стремлении

во всем дойти до самой сути выпрашивал у Стефана что-то тот знает о лакримозах.

– Таких как наш директор цирка, особ чудесного происхождения, не считая его трупы в мире ещё десять – терпеливо пояснял Стефан – Один из них жил когда-то на Крите, там и заприметил хорошего алхимика, охваченного идеей создать амброзию. Согласен, так себе идея и у него, конечно же, не получилось, но отдельных успехов он все же добился и создал мощное лекарство от большинства известных в его время недугов. Правда потом он разочаровался не то в людях за то, что не верили и постоянно смеялись над ним, не то в себе, но однажды в сердцах выплеснул своё зелье на веселящую траву, что росла у него под окном. Через несколько дней он обнаружил, что по саду гуляют странные девушки. А потом выяснилось, это что чудесное зелье теперь спрятано в их слезах.

– Если это то, о чем я думаю, коллега, то речь идет о двудомной культуре. Стало быть, женские растения дали странные плоды, а на мужские зелье не подействовало. Так? Поэтому то у них и рождаются только девочки.

– Да это просто болтовня, городская легенда, так сказать. Откуда появились лакримозы никто толком не знает. Но эту версию, коллега, при желании можно и отработать.

– Каким образом?

– Сделав ставки на обратный эффект.

– А где косяк возьмем?

– У Крампуса, он все может достать. Отдам ему за это клаксон от горного велосипеда.

– Да Крампус ваш просто гений бартерных сделок.

– Какой он гений, ему главное, чтобы блестело. Ну и...

– Сенсимильи хватит на всех, пока звучит регги – встала Райка.

– Не думал, что ты знаешь эту песню.

Сестрица картинно закатила глаза.

– Не будем втягивать в это Крампуса – неуверенно ска-

зал Менаше – да и не нравится мне что-то эта затея.

– Ну вот и успокойся – победно закончил Стефан.

– Кажется, свободного места нет – оглядывался Стефан – и особенного гостя что-то тоже не видно. Наверно, дрыхнет еще.

В столовой, действительно было на редкость многолюдно.

– Присаживайтесь ко мне – неожиданно пригласил голос справа – ребята, а вы местные?

За единственным столом, где еще оставались свободные места сидел симпатичный полный парень лет тридцати пяти и ел какой-то невиданный салат.

– Интересный у вас поселок – продолжал он – знаете, что первым делом спросила девушка на ресепшене, когда я вчера приехал? Человек ли я.

– Ну, это естественно – со знанием дела сказал Луним – кого здесь только не бывает. А ты, наверно и есть особый гость? Ух ты – изумился он, попробовав салат – каймина вишня!

– Почему особый? Я обычный.

Парень вытащил смартфон.

– Кажется самое время изменить принципам и заинстаграмить завтрак, иначе Питанга мне просто не поверит. Дома мы почти каждое утро едим салат её имени, но я не думал, что здесь тоже найдется ацерола. Угощайтесь – он подвинул нам керамическую миску.

– Моя невеста – фитнес тренер и у нее индейские корни, а индейцы любят необычные имена – пояснил он, заметив, надо полагать невольное удивление – а меня зовут Виктор, я из Бразилии – тряску планету в поисках интересного.

Мы представились.

– А ты журналист? – догадался Менаше.

– По первому образованию журналист, по второму – химик. А вообще я популяризатор науки, борюсь с мракобесием на обывательском уровне. Как у нас говорят: *mente va-*

zia – oficina do diabo. Пустая голова – мастерская дьявола.

– И о нас напишешь?

– Я попробую – пообещал Виктор – даже интересно, что я найду в этот раз.

– Ты что, не в курсе зачем приехал?

– Исккупаться в Мертвом море – улыбнулся он – мне просто захотелось посмотреть, как когда-то выглядело высохшее озеро Уюни и вот я оказался здесь. Да я вообще везучий. Когда ищу одно, всегда попутно нахожу еще что-нибудь не менее ценное. Будь я верующим, сказал бы, что мне удастся не только не рассмешить, но и склонить Бога на свою сторону.

– Кофе, синьор Альвареш? – предложила неожиданно появившаяся Анна.

– Это настоящий бурбон сантос?

– Конечно.

– Ваш повар что, волшебник?

– Да – просто ответила она.

– Действительно волшебник – удивился Луним, попробовав салат – откуда здесь могла появиться каймина вишня?

– Это все наш директор цирка старается – пояснил Виктору Стефан – сегодня ты его особый гость.

– А этот директор он кто?

– Австралопитек.

– А если без шуток?

– Я не шутил.

– Австралопитеки вымерли, дружище. И потом они никогда не покидали африканский континент.

– Наш директор – исключение – твердо сказал Луним.

Глава восемнадцатая

Кузнец-психоаналитик

– Привет, папочка! Как тут наше дворянство, работать еще не разучилось?

– Рука набита.

– А я за ним.

– Вижу – проворчал кузнец – выходи, Даир, тебе пора.

Но Даир, едва заприметив темно зеленую униформу и сам уже понял, что его каникулы окончены.

– Угораздило же тебя нарваться на смену этой истерички, – заговорила сестрица, увидев его в кузнецком одеянии – бегом в купальню, приведешь себя в порядок, а потом я отведу тебя к принцессе. Да извиняйся там как следует, не будь дурак. Может простят тебя, непутёвого.

– Может и простят – равнодушно ответил Даир – только что я с этим прощением делать буду?

– На стенку повесишь. Иди, иди, давай, исчадьё Солёной долины, не задерживай.

– Успокоился? – поинтересовалась принцесса у наложника – можно тебя наконец потревожить?

– Успокоился – кивнул Даир и ядовито добавил – а вам уже не так жаль своего проекта, госпожа?

Однако в цель он этим не попал, Ния всего лишь равнодушно пожала плечами:

– А что, по-твоему, с моим проектом не так?

– Ведь её величество против строительства аэропорта в Солёной долине. Я случайно это услышал.

– И ты туда же? – Ния откровенно веселилась, – Я знаю, матушка никогда не допустит строительство аэропорта в Солёной долине, не говоря уже о северной королеве. А мне то оно зачем? На Сейшелах прекрасный аэропорт, я всегда им пользуюсь. Зато как удачно нас выручила эта всеобщая паранойя.

– Так что, получается заказа не было и стройки не будет?

– Заказ был, и стройка уже началась, это прогулочный мост с открытым музеем океана на набережной. Чтобы в буквальном смысле с корабля на бал, провинциалки такое любят. А в Соленой долине будет обсерватория, я уже выиграла тендер. Рассказала матрессе, что дочь увлекается астрономией, даже готовится в Гринвичский университет, а у нас идеальные условия для того, чтобы установить свои телескопы, прохладный океан, безоблачное небо, а на солончаке еще и озеро. Как говорят астрономы: «Никакого светового загрязнения». Стоит только заикнуться о прелестях Зеркального мира и тебе чуть ли не на блюде преподнесут любой карт бланш на создание у нас альтернативы. Красота.

Даир не знал что такое обсерватория, но понял, что дела у принцессы обстоят неплохо словесно ужалить ее сегодня, не удастся и благоразумнее всего будет просто помалкивать.

– Послезавтра рано утром еду на солончак, – продолжала Ния – хочу лично проконтролировать ход работы. А может хочешь поехать со мной? У меня в полчасе езды от стройки есть летний домик с уютной тюрьмой, еще на четвертом курсе построила, надеялась привозить тебя туда каждый год, но Кайма внесла в мои планы свои коррективы. Наконец то проведем вдвоем целый лунный. Мы ведь после того дурацкого скандала так больше никуда вдвоем и не выжирались. Ну а если захочешь буду брать тебя с собой на объект.

«Этого еще нехватало!» – подумал Даир и принялся выкручиваться, как только мог.

– Хорошо бы. Но я ведь наказание еще не отработал.

– Я тебя прощаю – махнула рукой Ния – к тому же это была чистая импровизация.

– Я уже и задание на завтра получил – не сдавался. Даир – ребят подведу, папаша осерчает.

– У тебя в запасе целый день, завтра выполнишь свое задание, а послезавтра поедем.

– Нет, так не годится. Не могу же я срамить госпожу и показываться на людях в тонкой тунике, как эдли на базаре. Я королевский наложник и мне нужен закрытый плащ с узорным покрывалом. И не один, а несколько, на каждый выход. А пока они будут готовы время пройдет.

– Кузнечик – Ния округлила глаза и снова рассмеялась – когда ты успел записаться в модники? Ну хорошо, по рукам, будет у тебя королевский гардероб. А еще безлимитный пропуск в кузницу, если уж там твой настоящий дом. Но это только после нашего возвращения.

– А на что мне в кузнице все эти плащи?

– Нет уж, раз просил, так получай.

Даир и сам, наконец, засмеялся.

– Ну что ж, ради такой заманчивой перспективы можно и в Соленую долину наведаться.

В день отъезда у ворот им встретила принцесса Ниярэ в черных джинсах, желтой майке с туристической сумкой через плечо. Она сосредоточенно высматривала что-то в гаджете. Увидев родителей, девушка встрепенулась и еще сильнее прижала к себе большой черный футляр.

– Не спится, дорогая?

– Доброе утро, матушка – пробормотала юная принцесса – машину жду, её величество бабушка обещали. Здравствуйте, папочка, какой вы сегодня нарядный – добавила она и сразу же потупилась.

Даир сдержанно поклонился.

– Куда так рано – поинтересовалась Ния.

– Еду в круиз для старшеклассниц – голос у нее был недовольный.

– Думаю будет очень весело.

– Будет очень предсказуемо – буркнула Ниярэ – днём все будут болтаться по экскурсиям и делать вид, что им интересно, а по ночам устраивать дискотеки. Надеюсь, звездное небо там хотя бы чище чем в городе и мне удастся, наконец, разглядеть латарээ.

Она погладила свой черный футляр, в котором, как догадалась Ния, находился портативный телескоп.

– Звезды?

– Да нет же, латарээ. Она где-то в Деве прячется.

– Ну хорошо, – согласилась Ния – садись, подброшу до причала.

Девушка благодарно улыбнулась и забралась на заднее сидение.

– Значит ехать ты не хочешь, но все равно едешь?

– Надо – Ниярэ теребили локон – её величество бабушка еще три лунных, как пригласили мне психоаналитика и это мое очередное задание.

– Я не знала.

– Когда у вас была очередная поездка на объект, у меня началось что-то не ладное с душой, как будто с ней играл лунный свет. По ночам она внезапно оказывалась как под очень горячим душем и вдруг начинала шевелить такими медузными щупальцами. И сразу же становится так страшно, просто ужас, я все лежала и думала, что я неудачница и ничего никогда не добьюсь. И что у меня зеленые глаза – шепотом закончила она.

– У тебя очень красивые глаза. Просто делай в такие минуты глубокий вдох и все сразу пройдет.

– Дыхательной гимнастикой мы уже занимались, но мне она не всегда помогает. Иния говорит, что надо носить желтые вещи, чтобы всегда быть у Солнца на виду. Я купила желтую пижамку, но и она не помогла.

– Все – сказала Ния, оглядываясь в поисках места для парковки – приехали, – лапочка, пообещай, что не будешь вести себя как бука, веселись там побольше.

– Спасибо – грустно ответила Ниярэ – счастливой дороги, матушка.

Свернув со скоростной трасы на грунтовую дорогу Ния, притормозила и скинула с Даира сплошное покрывало.

– Слыхал? Желтую пижамку она купила по совету стар-

шей. И это взрослые образованные девушки.

– Все охранницы носят что-то желтое. Кто браслет, кто заколку.

– Суеверные белые женщины – кивнула Ния.

Даир, похоже веселья не разделял. Ненадолго зажмурившись от яркого света, он неожиданно отчеканил:

– Латарээ это центр другой галактики, самый далекий из всех видимых на небе объектов.

– Квазар. Я уже вспомнила... – подтвердила Ния – погоди-ка, а ты откуда знаешь?

– Луним где-то вычитал.

– Ах вот оно что. Кстати, из библиотеки пропала ценная инкунабула, тебе об это что-то известно?

– Нет – быстро ответил Даир и отвернулся. Книгу он прятал под просторным плащом.

– Знаю я ваше «нет».

– У юной госпожи серьезные проблемы – не сдавался Даир – с этим надо что-то делать.

– Я предпочитаю во всем доверять профессионалам. Если у девочки панические атаки, то кто должен ею заниматься архитектор, кузнец или психоаналитик?

– Со мной было нечто подобное, я знаю, как это тяжело.

– У тебя были панические атаки? Когда?

– После клеймения, еще в ожоговом. Я тогда думал, что так приживается душа. Или это кровь с непривычки об неё спотыкается.

– Тоже переживал, что у тебя зеленые глаза?

– Что в кузницу никогда не вернусь и не свыкнусь с новым статусом. Когда стало совсем тяжело я решил выйти во двор и так ударить по наковальне, чтоб... ну не важно. Но было заперто и я со всей силы ударил по столу.

– И что.

– И увидел лунный свет, он пробежал по комнате и мне сразу стало легко.

– Резонанс. От удара покачнулись жалюзи.

– Не знаю, но легче стало.

– Самовнушение.

– Вы спрашивали почему я назвал сына Лунным светом, вот именно поэтому.

– Назвать мальчика из королевского дома Лунным светом ты посмел, хотя простаческое имя ему сегодня и на руку. А заговорить, пока с тебя не сняли покрывало ты не смеешь?

– Зачем я буду вмешиваться в женские беседы? Мужчине это не к лицу.

– Приехали. О, Кайма, какая жара.

– Добрый день, принцесса заговорила спешащая навстречу экономка – ваша спальня уже готова – спасибо что предупредили заранее, это избавляет от многих хлопот.

– Не люблю приезжать без звонка даже в собственный дом. А вот на стройки просто обожаю.

– Желаете обсудить меню?

– Некогда, Маярэ. Перекушу на объекте, а вернусь, скорее всего, поздно. Мне бы наложника устроить.

– Он смирный?

– Не обижаюсь.

– Наложники разные бывает – немного смутилась экономка.

Из-под плотного покрывала Даир почти ничего не видел. В выпрошенном у госпожи плаще в Соленой долине ужасно жарко. Самое время окунуться в прохладный бассейн.

– У меня здесь четверо молодых рабочих, безленточно клейменные – говорила Ния – после сдачи объекта надо будет подыскать им распорядительниц.

– Крепостных было бы на стойку и дело с концом.

– Кузнец был против, пришлось купить этих.

– Кузнец указывает принцессе?

– Но ведь прав же. У королевского кузнеца промашек быть не должно. И команда у него соответствующая, не стоит её разрушать.

– Ну как знаете. А привезенных мальчиков здесь любят.

Как гласит закон гиен: свежая кровь – крепкие дети.

– Поспособствуете?

– Обязательно. Что-нибудь еще?

– Больше, пожалуй, ничего, – задумчиво протянула Ния – до вечера.

– Следуйте за мной, наложник, – велела экономка – я отведу вас в тюрьму.

Даир послушно поплелся вслед за ней.

Тюрьма была светлая и выглядела просторно за счет большого окна. Вид портила только странная картина с живым огнем на стене.

– Это еще зачем?

– Успокаивает нервы.

– Смотреть на огонь в такую жару никакие нервы не выдержат.

Экономка спокойно нажала кнопку на рамке картины и огонь сразу же сменил тропический лес в сезон дождей.

– Так лучше?

– Я больше люблю гремучих змей, – хорохорился Даир, обиженный тем, что его называли смирным – нельзя ли мне вытащить оттуда парочку?

Экономка же казалась человеком, вообще никогда не испытывающим никаких эмоций.

– Отдохните с дороги, наложник. Обед подадут через два часа.

– Я не люблю спать днем.

– Тем не менее лучше это сделать. Вам следует быть свежим и бодрым к возвращению принцессы.

Щелкнул замок и Даир, наконец, остался один. Он выкупался, с восторгом удовольствием облачился в новенькую домашнюю тунику и отправился исследовать белый двор, зажатый между двумя флигелями, одним из которых была сама тюрьма, а вторым очень неплохо оснащённая для такой забытой Каймой глухомани кузница. Подойдя ближе Даир со знанием дела взялся было за тавро, но его остановил

властный окрик:

– Эй, мальчишка, ты кто такой?

– Какой я мальчишка? – миролюбиво ответил Даир – у меня уже и сына продали.

– А ты и отдал?

– Не лишать же ребенка личной жизни.

– Кто бы ты ни был, отойди-ка лучше в сторону.

Даир вдруг заметил, что собеседник аккуратно держал за шею извивавшуюся змею.

– Куфия – определил кузнец – Это ты их вызвал?

– Н-нет – недоуменно протянул Даир – я не умею.

Кузнец опустил змею на крупный камень, где уже была одна такая же, отошел на безопасное расстояние и scomандовал:

– Уходите откуда пришли!

Рептилии не шелохнулись.

– Прогони их – велел он Даиру.

– Уходите!

Змеи неожиданно исчезли.

– Что это было?

– Гремучие змеи. Пара. Значит это всё-таки твоя работа?

– Я пошутил – пробормотал крайне озадаченный Даир.

– Больше не шути, здесь это чревато. Ты вообще откуда взялся? Белый, кузнечить, смотрю, можешь, а одет, как эти и клеймо на плече гербовое.

– Я из столицы. Там нынче в моде брать в наложники кузнецов, слышали? Ах да, здесь же не шутят. Но я действительно наложник принцессы и повсюду сопровождаю свою госпожу. У нее без меня депрессия.

Кузнец только рукой махнул

– Ну и болтун же ты, парень.

Разговор не заладился и Даир направился к себе. Странные змеи не уходили у него из головы. А ночью его ждал еще один неприятный сюрприз. Как только Ния традиционно сняла с него покрывало, обнаружилось, что она,

обычно уверенная и жизнерадостная пребывала в крайне унылом расположении духа.

– Что-то пошло не так, госпожа?

– Все не так. Я такая несчастная, – всхлипывала она – матушка ретроград, дочь анахорет, сын контркультурщик, еще и прораб тупица, а наложник так вообще за человека не считает. Для любого порядочного наложника его госпожа это Кайма на земле, а у него, оказывается, панические атаки от моей души. И признаться ведь не стыдно.

– Наложник исправится, – живо пообещал Даир – прораб тоже. Остальные и так хороши.

– Чудо, как хороши – не унималась принцесса – Иния песенки распевает:

Кайма Всемогущая,
Купи мне Мерседес Бенц.
Северянки ездят на Порше,
А мы же патриотки, мы на Антилопах катаемся.

– И что?

– Я ей всего то купила новую модель Импала Рекорд дабы поддержать отечественного производителя. И получила вот такое спасибо. А северянки ездят на Порше потому что у них и машин то своих нет.

– Обычно вы над подобными историями смеетесь.

– А как я живу? Построила сестрице загородный особняк о каком всегда мечтала, а сама не имею права жить вне дворца. А она всего на четырнадцать минут моложе меня. Посмеешься тут.

«Похоже, я снова неудачно пошутил» – отметил Даир про себя, и, в надежде, что удастся избавиться от наваждения, так же, как и от змей, негромко, но отчетливо прошептал:

– Уходи, депрессия!

– Что? – удивилась Ния.

Он быстро сказал первое, что пришло в голову:

– Зачем нам какой-то особняк с тюрьмой на крыше? Наша анфилада намного лучше.

– Да? – доверчиво переспросила принцесса, подняв глаза.

– Конечно.

– Тебе что, нравится жить в тесноте?

– Ну это смотря с кем. Дед ваш, правда, тот еще фрукт, но отец у вас замечательный. Когда-то он мне очень помог освоиться в паноптикуме. А как он барабанит разные песни по столу, заслушаешься.

– Я об этом даже не знала.

– Он родом из маленького лиманского городка у самого мыса, где так хорошо и солнечно, что все постоянно поют. Если в это верить, конечно. Её Величество там его и купила совсем юным.

– Наверняка он был сыном какой-нибудь представительницы местной ветви Каймы?

– Нет, он работал в гостинице у своей матушки и приносил принцессе по утрам свежие фрукты. В автономии довольно свободные нравы, мужчины там даже покрывал не носят.

– Знаю. А тебе-то откуда все это известно?

– Каждый год, где-то в середине лета, на Манговый лунный моя сестрица приносила нам запеченные груши с сыром и кайминой вишней, Луним их очень любит, и говорила: «Брательник у меня, конечно, исчадьё Солёной долины, но племянничка я люблю.» Луним звал деда, мы втроем ели груши и пели песни. Ну и о жизни болтали.

– Кайма! Какая же я ужасная – снова запричитала Ния – когда у сына день рождения не помню, что у дочери повышенная тревожность понятия не имела, даже откуда у Инии абсолютный слух определить не смогла. И тебя из привычной среды вырвала. Если бы не папочка как бы ты с этими заносчивыми мальчишками... – она всхлипнула.

– Ну что теперь поделаешь, зато вы крепкий профессионал.

– Кто тебе такое сказал? Ах да, сама же и хвалилась. Ну вот, еще и матушку разочаровала, не стала политологом. Как ты думаешь, я так ненавижу политологов, потому что они генерируют у меня чувство вины?

– Не знаю, госпожа. Но если бы вы не разочаровали тогда Её Величество, то архитекторов сейчас ненавидели бы намного сильнее.

– И то верно. А ты меня любишь?

– Люблю, принцесса, очень люблю.

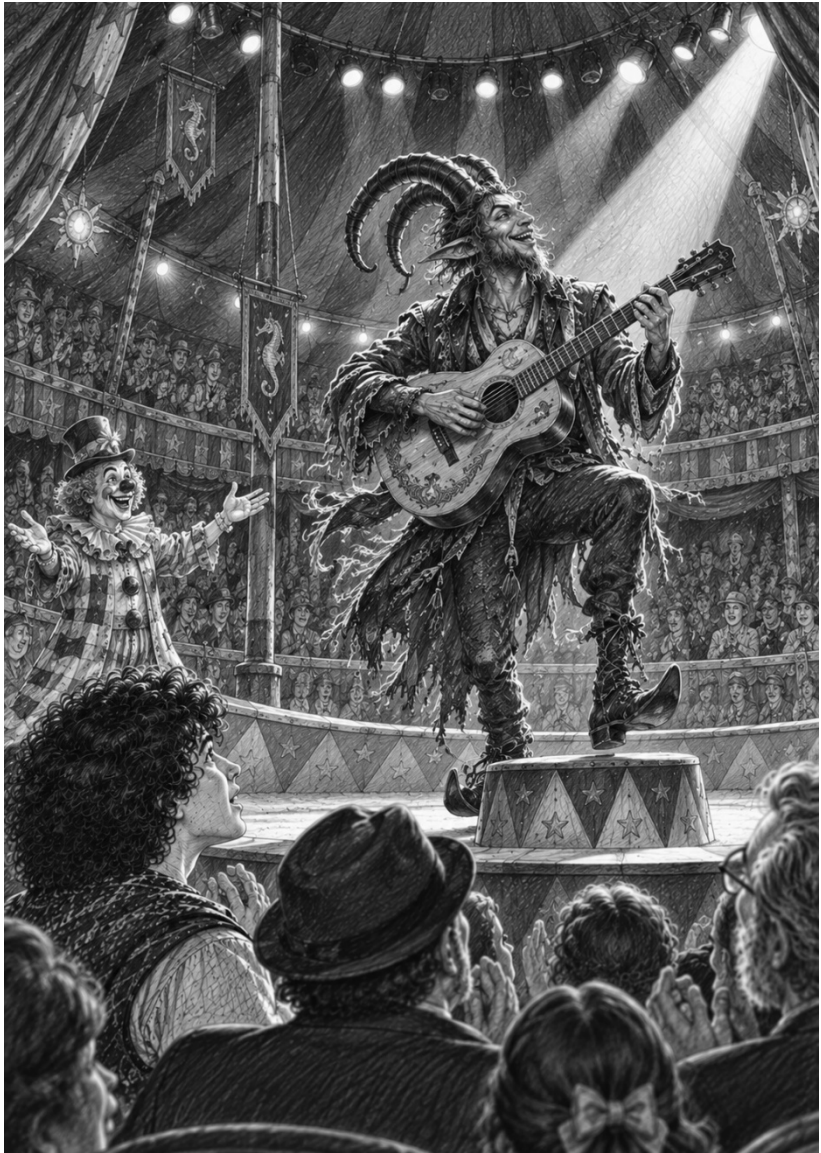
– Как жаль, что я, а не Мая оказалась старшей. – Пробормотала немного успокоившаяся Ния, забираясь в постель и увлекая наложника за собой. – А эта дуреха всегда мне завидовала, нашла тоже повод.

И почти совсем повеселев добавила:

– Значит, матушка купила папочку не рациональным решением, а по большой симпатии? Когда-нибудь я ей это припомню.

– А какой в этом смысл – резонно подметил Даир, – глаза то у него все равно голубые.

А про себя подумал: «Ну и местечко».

Глава девятнадцатая

Представление

Первым на арене цирка появился Крампус с гитарой. Наконец-то мне удалось разглядеть его как следует, у него были острые рога, длинные пальцы и нагло-озорная улыбка. Крампус ударил по струнам и затянул нарочито фальшиво:

But the fool on the hi-iiiiiiiill
Sees the sun going do-oooooown...

– Попал – закричал неожиданно появившийся клоун – Ура, попал! Пропорил! А хвалился-то как! Спою, дескать, «Дурака На Холме» и ни в одну ноту не попаду. Попал! Я все вижу, все слышу, все замечаю, у меня абсолютный слух, абсолютный нюх, абсолютный вкус...

– Нет у тебя вкуса – сказал Крампус – мой дядька, старый хипстер из старой табакерки и тот более стильно одет.

На противоположном краю арены зашевелился сундук, как будто кто-то пытался выбраться из него наружу. Крампус перекинул за плечо гитару, за один прыжок оказался рядом и крикнул:

– Ни слуха, ни вкуса, ни стати, а спесь одна...

– Постой ка, приятель, – опомнился клоун – а где же наша луна?

Завязалась отчаянная перепалка, сопровождаемая первоклассной капоэйрой. Гибкий Крампус отчаянно защищал сундук, Клоун пытался прорваться к нему.

– Вот пройдоха, ты и её открутил?

– Я?! Да Клуб 27 у Владыки на шабаше так бы не нажестил.

– А ты и один нажестил! Без Луны бедный купол, считай, negliже.

– Не обессудьте, коллега, был в творческом кураже.

Ты же знаешь, как это обычно бывает, братан,
Без всякого злого умысла, just for fun.

– Уже кое-что. И давай разойдемся красиво, просто
верни Луну.

– При настроении может когда-нибудь и верну.

– Проклятье! Теперь догадайся, за что я тебя не люблю?

– Не любишь проворных и ловких?

Тоже мне, out of the blue.

А как уроженец Неаполя мог бы меня и понять.

– Стереотипным мышлением я б здесь не стал щеголять.

– Впрочем, о чем я?

У вас в терруаре на каждом бульваре

Можно собрать на раз-два эксклюзивный гербарий.

А если пожаловать в наши реалии,

Бездонный, заброшенный ящик Пандоры,

Где даже надежда отборно ругалась, курила как лошадь,

Что взять с меня, бессменного адского амбассадора,

Кроме этой Луны и вообще воровского задора?

Ой, надоела ты мне, отправляйся обратно к хорошим.

Крампус распахнул сундук, и полная луна выплыла под купол цирка. Пещерный лев Твамбо моментально выскочил за ней, оскалив клыки. Спорщиков как ветром сдуло. На арене появился дрессировщик Сэм в дирижерском смокинге. Повинуясь его команде Твамбо разделил луну на две равные части, устроился за ней, как за роялем и, к недоужинному удивлению публики, заиграл Пещеру Горного Короля.

– А без Вагнера вообще не вариант? – сердито прошипел сидящий впереди Раду.

– Это Григ, дурачина – фыркнул Марик.

– Черт! Вечно их путаю.

– Чего звал? – спросил неожиданно появившийся и повисший в воздухе Крампус.

– Сорян, братишка, – пробормотал Раду, – тупанул.

– Ну, как знаешь – протянул Крампус и исчез.

Тем временем удивительный спутник, очертив орбиту

вокруг Сэма не переставал вращаться, а Твамбо ловко перемахивая через препятствия не переставал играть. Музыка все ускорялась, на арену неожиданно выбрался небольшой морской конек и пустился в пляс. За ним появился второй, третий и вот уже на арене яростно отплясывала целая компания. Для пущего веселья они разожгли костер и водили вокруг него хоровод. Твамбо отыграв финальную часть закрыл свой рояль – луну и взобрался на нее верхом. А улучив момент, когда Сэм отвернулся на поклон неожиданно прыгнул в костер. Морские коньки дружно ахнули. Дрессировщик на секунду изобразил испуг, но костер неожиданно рассыпался на сотни ярких брызг, под которыми в прозрачном бассейне спокойно плавал пещерный лев. Публика разразилась овацией. Твамбо неспеша выбрался, отрехнулся и важно убежал за кулисы. Сэм снова раскланялся, пока команда морских коньков пища и толкалась наводила на арене порядок.

– Достопочтенная публика, – объявил вернувшийся клоун – похоже, наш шпрыхшталмейстер убежал сушить штанишки. Теперь я за него. Итак, на арене воздушные...

Разодетый в пух и прах Крампус выбрался, наконец, из своего сундука.

– Я переоделся, потому что этого требуют правила этикета – важно заявил он – открою секрет, объявлять каждый номер в одном и том же моветон. Вечно в одном и том же здесь ходят только ты и Твамбо, ума то у вас одинаково. Достопочтенная публика, на арене воздушные гимнастки, несравненная Анна и – он заглянул в программку – непромокаемая... тут неразборчиво... а, неподражаемая Рататоск. Несравненная Анна и непромокаемая Рататоск. Встречайте!

Он тут же получил по физиономии рыжим хвостом, отлетел в сторону и на всякий случай забрался обратно в сундук. Клоун, победно задрал нос, удалился за кулисы.

Рататоск запрыгнула на луну и, вооружившись лобзиком с фантастической скоростью превратила её в огромный золотистый орех. Затем подпрыгнула повыше и с разлета расколола его зубами. Должно быть, любая девушка, случайно попавшая внутрь висящего в воздухе ореха при этом расколе свалилась бы вниз, но только не Анна. Она сделала сальто назад, где ее пушистая ассистентка успела приготовить реквизит. Анна творила такие чудеса на полотнах, что редкая гимнастка Цирка Дю Солей могла с ней сравниться, хотя чему тут удивляться, она всё-таки без малого десяти лет в этом спорте. Рататоск не мешкая извлекла из своего волшебного ореха трапецию и Анна переместилась на неё и в один момент всё-таки соскользнула. Зал ахнул, а Анна полетела вниз, одновременно скутившись в спираль, оплетая и гся нарастающий на сцене ураган, запущенный Рататоск.

Гимнастки синхронно прыгнули на арену. Вслед за ними прыгнул Крампус, он схватил всеми забытый орех и с победным криком «Украл!» пустился наутек. Однако, преследовать его никто не стал. Рататоск сдержанно поклонилась и указала лапкой на Анну, мол, главная заслуга принадлежит ей. Анна лучезарно улыбалась. Фокусник, похожий на Алладина наколдовал им по букету цветов, а потом мягко попросил:

– Отдай луну, Крампус.

Крампус вытащил из кармана маленький телескоп, приподнял крышку заглянул в сундук и уверенно сказал:

– Ей и тут неплохо.

– Ну хорошо – согласился фокусник, спокойно достал луну из кармана и забросил на место. Луна рассыпалась на стаю морских коньков. Крампус растерянно следил за ними, пока неожиданно не повис в горизонтальном положении над ареной. Фокусник сделал кистью в воздухе воображаемое глиссандо и обрадованные морские коньки весело запрыгали по материализовавшимся струнам, выстукивая веселую песенку.

– Челеста? – предположил Марик
– Калимба – со знанием дела сказал Раду
– Да тихо вы – зашипел на них какой-то парень слева – сейчас опять довыпендриваетесь.

Крампус меж тем принимая все более абстрактные очертания превратился в облака, которые разлились дождем с грозой.

– Публику приветствуют гиппокампусы и гидрокрампус – сказал фокусник.

– И непромокаемая Рататоск! – белка носилась с зонтиком по арене, ловко уворачиваясь от молний и то и дело выкрикивая – давайте, давайте, я тоже сегодня в ударе!

Внезапно она остановилась и позвала:

– Эй, Зульяр, иди сюда, что ты там мокнешь.

– А я люблю дождь – спокойно сказал тот и уже приготовился сделать новый трюк, как вдруг Рататоск со смехом подбежал к нему, накрыла зонтом и смылась. Дождь прекратился, с последней его каплей на арену свалился Крампус в обычном своём обличьи и запричитал:

– Только решил помочь бедному дервишу, только отвлекся на минутку, а Зульяра-то нашего и умыкнули. Да что там Зульяра, луну умыкнули. Где вот теперь луна?!

Крампус подбежал к лежащему на арене зонтику и в сердцах вогнал в него одну из последних своих молний. Раздался гром и из-под взорвавшегося зонтика появился Зульяр. Морские коньки снова дружно ахнули и выронили свою калимбу, она упала на Крампуса и превратилась в луну. Крампус, конечно, бросился за ней, Зульяр жестом примабил луну к себе и превратил ее в вертолет, а уменьшившийся Крампус в летной фуражке сидел за штурвалом и лавировал между суесящимися коньками. Зульяр собрал гиппокампусов на ладонь и объединил в уже настоящую луну, которая каждый раз, когда Крампус приближался к ней в своем вертолете ускользала и попадала в руки к фокуснику и оборачивалась сначала яблоком, потом котом и, наконец, слоном.

Закинув слона-луну обратно под купол, Зульяр отвернулся на поклон и малюсенький Крапус разогнавшись схватил ее за один из кратеров и не мешкая влетел в собственный сундук. Зульяр приманил к себе сундук, все тем же волшебным жестом повелел ему раскрыться и из сундука вскочил Твамбо, он весело пробежался вокруг арены и запрыгнул обратно. Зульяр закрыл и снова открыл крышку и из сундука появилась Анна, она оперевшись на протянутую фокусником руку выпрыгнула на арену и одарила всех своей коронной улыбкой.

Зал рукоплескал и только обиженный Крампус надувшись, сидел в углу.

Силач с закрученными усами появился на арене последним, он деловито скинул бархатный халат, продемонстрировал мускулатуру, вытащил из пояса пару булавок, стукнул друг о друга, от чего они сразу стали большими и очень тяжелыми на вид балибансами. Силач жонглировал балибансами пока в поле его зрения не попала местная многофункциональная луна. Сделав вид, что он очень заинтересован, силач спокойно поймал балибансы, заткнул обратно за пояс и приблизился. Луна упала ему на ладонь, силач несколько раз перебросил её с руки на руку, опустил на арену и вернулся к жонглированию. Оживившийся Крампус подкрался поближе, но не смог сдвинуть луну с места даже на миллиметр.

– Это же не луна, – рассердился он – это, судя по плотности, белый карлик. Вас обмывают, господа!

– Крампус – спросил силач – хочешь побыть моим ассистентом?

– За луну?

– Нет. Просто так.

– Ищи дурачка за четыре сольдо – фыркнул Крампус и забрался в сундук.

– Тогда мне нужен доброволец из зала – сказал силач – можно попросить вас, синьор Альвареш?

– Увы, я потерян для спорта – отозвался Виктор.

– Я постараюсь вас в этом переубедить – настаивал силач.

Виктор без особого энтузиазма спустился на арену. Привлекать к себе внимание он, явно, не хотел, но как отказать, когда так просят.

– Возьмите это, – силач протянул Виктору серебряный поднос, опустил руки в порошок и подхватил лежавшую на арене луну. Крампус подбежал с другой стороны и потащил на себя. Луна, подобно раскаленной стеклянной капле принимала форму гантели, причем шар со стороны Крампуса был значительно меньше. Наконец, силач полностью завладел луной-гантелью и поднял высоко над собой. Поднос с мелом в руках Виктора превратился в секундомер и стал отсчитывать время удержания тяжести. Но внезапно вредный Крампус схватил брошенный силачом бархатный халат и накрыл обоих с головой.

– Пропали – запречитал он, когда в его ловушке никого не обнаружилось – я же видел, что под ковром есть расщелина.

Он вытащил из кармана лупу и принялся рассматривать ковер, что, разумеется, не дало никаких результатов.

– Этот Карлос! Сам свалился куда-то, да еще и иностранца за собой утянул – не унимался Крампус – теперь не избежать международного скандала, а виноватым во всем сделают меня, это уж как водится.

Он с досадой что есть силы швырнул халат на арену и тот чудесным образом обернулся силачом.

– Благодарю вас, сеньор Альвареш – он помахал рукой в зал, где Виктор, как ни в чем не бывало сидел на своем месте. Крампус, не это ли ты ищешь? – с этими словами Карлос извлек из кармана и протянул чёртику луну. Настроение у него было, явно, хорошее.

– Финита! – громко выкрикнул Крампус любуясь добычей – Достопочтеннейшая публика, вас приветствует дирек-

тор цирка!

Долгожданный директор просто и уверенно появился из-за кулис. Это был довольно высокого роста, около полутора метров австралопитек, одетый в строгий ченый костюм с высоким цилиндром. С ним вышли клоун, Анна, Зульяр, Сэм, Твамбо и Рататоск, а команда морских коньков, освещающая дорогу разноцветными фонариками летели рядом. Крампус припрятал свою луну подальше в сундук и присоединился к финальному шествию.

– Цирковых артистов часто называют волшебниками, чародеями небожителями, – заговорил директор – а мы обычные менеджеры чудес и для нас самым большим чудом являются ваши улыбки. Спасибо, друзья, что сегодня не скупились на них, это делает нас счастливее.

Раздались громкие аплодисменты, представление было окончено.

– Что вы здесь делали все это время – шепнул Виктор, выходя – неужели просто сидели и ждали нас?

– Но вас же не было несколько секунд?

– Ничего не понимаю. Я, конечно, слышал, что Земля, как любое массивное небесное тело сжимает время вокруг себя, но не так же.

– Еще успеешь во всем разобраться – пообещал Стефан – идем, покажем тебе одно удивительное местечко.

Виктор кивнул и все вместе мы отправились в тринадцатый караван.

– Знатная была капозйра – задумчиво сказал Виктор – правда ведь?

– Конечно – согласился Менаше.

Глава двадцатая

Обсерватория Гипатии Александрийской

Утром Даира разбудила жизнерадостная музыка и веселые девичьи голоса с улицы. Он быстро умылся и отправился на белый двор, узнать причину всеобщего приподнятого настроения.

– Клеймение сегодня, – равнодушно пояснил кузнец – только и всего.

– А шуму то, как на Каймин день.

– Это ещё что, вот вечером хлопушки взрывать начнут, песни голосить на все лады. Много ли в поселке развлечений, чай не столица.

Кузнец готовил инструменты к работе.

– Я помогу – решил Даир.

– С чего бы?

– Но я ведь тоже кузнец и не самый плохой. Лишние руки никогда не помешают.

– Вот что, парень, иди к себе и не вздумай здесь крутиться, когда все начнется. Не хватало только, чтобы какая-нибудь из девиц застучала королевского наложника за работой с открытым лицом. Молва в поселке расхочется со скоростью фрегата, сраму не оберешься. А мне потом отвечать.

Кузнец предупредительно, но твердо отвел Даира обратно и закрыл за ним дверь.

– Закончу тут и сразу выпущу – пообещал он.

Выйти Даир больше не мог. Ни замка, ни даже какой-либо подпорки у кузнеца не было, но дверь во двор как будто чудесным образом срослась со стеной и ему не осталось ничего, кроме как смириться с тем, что всё сегодняшнее утро он проведет в своей тюрьме.

Над кроватью зажглась и сразу потухла яркая лампочка, Даир накинул покрывало и нажал на кнопку под ней. Это был сигнал, позволяющий горничной войти. Сразу же открылась дверь и появились две молодые девушки –

эдли в желтых форменных блузах и пестрых деревенских юбках, со множеством тонких косичек, которые, по их мнению, делали их похожими на знать. Даир, как человек из народа невольно залюбовался таким великолепием. Девушки же сервировали стол к завтраку, увлеченно болтая и не обращая на него никакого внимания.

– Так вот, она говорит, что в Зеркальном мире есть такой Китай, там можно купить все, что угодно.

– Врет небось?

– Я сама видела – не уступала первая – берешь любой гаджет, находишь Китай и выбирай. Там полно всякой всячины и все такое баское. Я вот сережки купила.

– Ну и где эти сережки?

– В пути. Мне так и написали, ваш заказ в пути.

– Давно?

– Уже пятый день пошел.

– А мне, когда я варенье варила, стеклянные банки из Южной столицы уже на следующий день доставили – подметила недоверчивая горничная.

– Сравнила, тоже мне! Одно дело столица, а другое – Зеркальный мир.

– По-моему они не спешат, потому что диверсию готовят. Вот явятся сюда, что-тогда делать будем?

– Зачем, за твоим вареньем что ли?

– Чтобы разбудить Эшуара и посеять на острове смуту.

– Зачем?

– Потому что весь Зеркальный мир спит и видит, как бы завладеть островом, а такие несознательные, как ты им сами и помогают.

– Не говори глупостей, никто сюда не явится и не отберёт у тебя ни остров, ни варенье. – девушка кивнула в сторону белого двора – Скоро начинают, вот бы глянуть.

– Грех большой за клеймящимся подглядывать.

– Да и старушка Маярэ голову оторвёт, если узнает.

– Своего лучше купи и любуйся. Вон на стройке хотя бы четверо новеньких, да еще и с красивым гербовым клеймом, кузнецу платить не придется.

– А перетекание душ как же?

– Ваша первая ночь должна случиться в новолуние – назидательно сказала девушка – ленточку ему на запястье повяжи и, если лунный свет не сможет вам помешать, то перетекание душ пройдет само собой и очень гладко. Ладно пошли.

– А ты не знаешь, для чего нужна эта обсерватория?

– Понятия не имею. Лучше бы торговый центр построили, как в столице.

Даир все это время молча созерцал живую картину на стене, по которой уже разгуливали дикие звери.

– Ты заметила, что наш затворник белый? – послышалось уже из коридора.

– У принцессы белый наложник? Не может такого быть.

– Ну правда, я сама удивилась.

– Да и как ты могла увидеть, лицо то у него закрыто.

– Лицо закрыто, а руки открыты.

– Ну и что? У всех клейменных так.

– Да говорю же, у него белые руки.

– Ну раз он белый пусть тогда сам себе на стол и накрывает.

Голоса стихли вдали коридора

«Вот паршивки!» – подумал Даир, Впрочем, без всякой злобы.

Обильный деревенский завтрак его совсем не интересовал и, соорудив из двух стульев стремянку, он стал смотреть во двор через небольшую щель между дверью и потолком.

Разодетая, по провинциальному ярко накрашенная девушка-эдли привела за красную ленточку, обвязанную на запястье смуглого парня в белой тунике. Пока что ничего необычного. Но когда с наложника сняли тунику и поставили к столбу, кузнец даже не попытался его привязывать, а про-

сто скомандовал:

– Окаменей!

Потом самым странным образом застыл и больше не двигался, а кузнец сдул с его головы все волосы и выжег метку на плече. Парень стоял, как колонна в парадном дворе. Цветом он совсем как Луним, и несложно было догадаться, что девушка из простой, но зажиточной семьи решила породниться с местной знатью.

– Оживи! – позволил кузнец.

Молодой наложник очнулся, глубоко вздохнул и сполз по столбу вниз.

– Готово, барышня – пробасил кузнец – забирайте.

– Ему хотя бы больно? – недоверчиво спросила девица, возвращая все еще безмолвному наложнику тунику.

– А сами-то как думаете?

– Ну наверно – протянула она неуверенно.

Когда высокие ворота за девушкой закрылись, с улицы сразу же донеслись радостные возгласы и хлопки.

Не успел Даир посочувствовать пареньку, которого вместо того, чтобы отправить в ожоговый карантин и сделать обезболивающий укол или хотя бы предложить напиться воды повели показывать подругам, подобно экзотическому зверьку или сережкам из далёкого Китая, как услышал грозное:

– И ты туда же!?

Дверь распахнулась, у входа стоял кузнец.

– Здешним девицам я подобных выходов не прощаю – пробасил он – а ты не свалился отсюда, только потому что статусом повыше их будешь. Ну, что мне делать-то с тобой прикажешь?

Даир быстро спрыгнул со своей незатейливой конструкции и любезно предложил:

– Разделите со мной трапезу, уважаемый. Эти сударыни, кажется, перепутали меня с тигром, столько всего принесли.

– Ох и хитрый же ты парень. Ну что ж, это можно.

– Я же из крепостных, мне иначе никак – согласился Даир.

К вящему его удивлению, кузнец подошёл к живой картине и засунул руку внутрь. Картина неожиданно обернулась зеркалом, отражающим комнату и стол с завтраком. Именно оттуда он взял лепешку, налил молока из кувшина, съел все это, закрутил ус и сказал.

– Вот спасибо тебе, добрый наложник – ну, пошли, помогать мне будешь, раз уж так рвался. Будем нынче зеркало готовить для телескопа. Слыхал про такое?

Даир перевел взгляд с кузнеца на стол, лепешки там, действительно, не было, молока в кувшине осталось всего ничего, а более изысканные яства, которые кузнец не тронул стояли, как и раньше.

– Вы кто такой? – не выдержал он.

– Просто зови меня Эри.

Он вышел во двор, опустил тавро в печь и извлек оттуда небольшую стеклянную каплю. Капля повисла в воздухе, и кузнец принялся надувать её, согнув ладонь трубочкой, пока она не достигла размера в половину двора. Тогда кузнец жестом велел ей опуститься на землю, капля повиновалась. Под ногами у пораженного Даира стояло огромное, идеально ровное блюдо.

Однако, удивляться ему пришлось недолго, кузнец, полил блюдо водой и скомандовал, подавая швабру:

– Давай полируй!

«Ладно – подумал слегка задетый таким некоролевским поручением Даир – посмотрим, что из этого получится».

За воротами взорвалась первая хлопушка. Блестящая гирлянда прилетела во двор и вознамерилась упасть прямо в самом центре будущего зеркала. Правда, Эри её планов не разделял, а ему здесь подчинялось абсолютно все. Гирлянда растерянно повисла в воздухе и, повинаясь жесту кузнеца, упорхнула обратно.

– Сейчас подсохнет и будем серебрить. Сдается мне, не дадут они нам сегодня покоя.

Он вытащил огромный флакон одеколона и сбрызгивал из него блюдце, которое на глазах у Даира постепенно превращалось в зеркало.

– Как вы это делаете? – поразился он.

– Умеючи. Да не лови ворон, края шлифуй.

Так за работой их и застал полдень. Оба уселись в тени и доедали успевший остыть обед. Причем Даир обыкновенно взял свою долю со стола, а Эри снова воспользовался диковинной картиной. Готовое зеркало по-прежнему лежало на земле. Эри движением руки приказал ему встать на ребро подкатиться к кузнице и скрыться внутри.

– Какое же оно огромное – сказал Даир, давно переставший удивляться происходящему.

– В самый раз – отвечал кузнец.

– Ну а вогнутое почему?

– Парень, ты телескоп видел?

– Это такой великан одноглазый? Нет. И если он такой же огромный и гнутый, то и не видеть не хочу.

– А может у него доброе сердце?

– Тогда бы он не стал пугать людей своими зеркалами.

– У страха глаза велики, – засмеялся кузнец. – Одноглазый великан-то циклоп будет, а телескоп – инструмент. Как тавро.

– Тот телескоп, что инструмент к моей юной госпоже в сумочку помещается – не поверил Даир.

– Телескопы же разные бывают.

– Ну а зачем инструменту зеркало? У тавра зеркал нет.

На это Эри только вздохнул и одарил его таким взглядом, что Даиру сразу расхотелось расспрашивать дальше.

Сгущались сумерки. Девушки на улице громко пели под четырехструнную камитару:

День оставляет на потом все лучшее,

Закат, горит и светится и тьма нам не страшна.

– Похоже, за тобой пришли, – кузнец кивнул на дверь в комнату Даира. Через щель в двери мелькнул световой сигнал. Уходить не хотелось, но Даир все же поднялся и вежливо сказал:

– Ну что ж, рад был помочь. Спокойной ночи, Эри.

– Заглядывай – пробасил кузнец.

– Тебе не скучно здесь одному? – спросила принцесса, сняв с Даира покрывало – У меня, к сожалению, совершенно не остается свободного времени.

– Со здешним кузнецом не заскучаешь.

– Значит вы подружились? Это хорошо. Но завтра я все же возьму тебя с собой, посмотришь на обсерваторию. Примерь вон тот плащ, это чистый хлопок. А тот саркофаг, в котором ты приехал, спрячь подальше, на него даже смотреть жарко.

Даир встал и надел синий плащ, висящий в углу, полностью закрытый, но не такой тяжелый, как его предшественник.

– Прости меня, пожалуйста – снова заговорила Ния – я должна была предусмотреть, что тяжелому шелку в Солёной долине не место.

– Бросьте, госпожа. Я же сам его выпросил.

– Этот тебе даже больше идет.

Даир благодарно улыбнулся, снял плащ и повесил его на место. И неожиданно почувствовал, что забота принцессы ему приятна.

Наутро они, как и планировалось отправились на стройку вместе.

– Обсерватория Гипатии Александрийской – кокетливо как будто хотела представить наложнику саму Гипатию Александрийскую проворковала принцесса, – Ну не прекрасней ли это Софии Константинопольской?

– Нет, не прекрасней, – реагировал вредный наложник, – но тоже неплохо.

Ния сразу повеселела либо от похвалы, либо от того, что

Даир наконец то становится прежним и сегодня, безусловно в ударе. А работой она действительно была довольна.

– Вы что, принцесса, с наложником советуётесь?

– Да, с наложником. Закрыв лицо, он не ослеп и не онемел.

Высокая женщина с золотой пчелой на массивной цепочке на шее подошла ближе, бросила на Даира презрительный взгляд и продолжала:

– Мужчины ничего в этом не понимают.

– У моего наложника отличный вкус и чувство стиля – с достоинством ответила Ния – и я дорожу его мнением.

– Ну как знаётё, принцесса. По мне так вот для благоразумного наложника и вкус, и чувство стиля, и всё остальное – прораб указала на розовые треугольники на плаще у Даира – а внушать мужчинам, что они могут влиять на какой бы то ни было результат – только развращать их. Мораль же должна быть.

«Прораб, – сообразил Даир, – и правда тупица, даже не замечает, как госпожа испепеляет её взглядом. Хоть бы о своей дальнейшей работе здесь подумала».

– На стройке в первую очередь должна быть дисциплина – подчеркнуто спокойно произнесла Ния – идите работать, что вы здесь прохлаждаетесь.

А оставшись наедине обратилась к наложнику:

– Не обращай внимания на подобные перегибы. Что делаешь, дикий Север через дорогу.

– Я прислушиваюсь только к вашему мнению, госпожа принцесса.

– Да и то не всегда – согласилась Ния и быстро добавила – тогда пойдем посмотрим на готовый купол изнутри.

– Как пожелаете – покорно ответил наложник, втайне давно уже ждущий возможности унести ноги подальше от этой жуткой северянки.

Глава двадцать первая

Орехи творят чудеса

На следующий Даир сидел и уныло наблюдал за картиной, показывающей бескрайнюю саванну с одиноким баобабом в центре. Эри готовился к очередному заказу, на этот раз из соседнего поселка, и снова закрыл его у себя. «Скучно – думал Даир – ну хоть бы какой-нибудь жираф забрёл». Вдали неожиданно появилась точка, которая все приближалась и приближалась, пока Даир отчётливо не разглядел джип и нездешнего рыжего зверя за рулём. Зверь тоже явно видел его. Наконец, джип остановился, рыжий выглянул из кабины и сделал лапой подзывающий жест.

Даир приблизился.

– Закрой лицо – неожиданно скомандовал зверь – я всё-таки дама.

Даир немного замешкался, но опустил покрывало.

– Чем обязан? – осведомился он.

– Принимай мессендж – рыжая дама раскрыла небольшой тубус, вытащила оттуда свиток, развернула его, запрыгнула на кабину и громко продекламировала:

– Привет, папа!

Отправитель: лаборант Луним Бонд, Ближневосточный филиал Чудесной консолидации Кулички.

Доставить: кузнецу Даиру, Королевство Южная Кайма.

Приняла: Рататоск. Год 5780 от Сотворения мира, месяц Нисан, число седьмое.

Доставила: Рататоск.2285 год Матриархальной эпохи, числа 28 Имбирного лунного.

Всё. Ответ писать будешь?

– Я не грамотный – сказал Даир, – можно я ответ на словах передам?

Луним прислал ему весточку! Вот так событие.

– Ну ладно – милостиво согласилась Рататоск, пряча свиток обратно в тубус – орехи-то есть?

– Сейчас будут – пообещал Даир.

Он зажег лампу над кроватью и через пару минут появились обе горничные и встали у дверей. Вся их уверенность неожиданно улетучилась.

– Вот что, любезные – потребовал Даир – орехов принесите.

– Какие орехи предпочитаете – спросила одна из девушек.

– Несите все, что есть. Я тут сам разберусь. И побыстрее пожалуйста.

Горничные ушли.

– Слыхала какой важный – послышался шепот из-за двери – а ты говоришь белый, белый...

– Ну честное слово, мне показалось – неуверенно отвечал другой голос.

Рататоск снова выглянула из кабины, на этот раз у нее в лапах был блокнот и ручка.

– Диктуй! – велела она.

– Я очень рад, что тебе хорошо.

– Хо-ро-шо... записала, гони орехи!

Даир перевел дух.

– Вы знаете моего сына, сударыня? Он действительно счастлив?

– Ну он же теперь на Куличках живет, а у нас на Куличках иначе никак, шеф-инженер не допустит. Ты что, не в курсе?

– Нет.

– Темнота – фыркнула Рататоск – а портал ничего такой, даже хороший, просто рококо на минималках – она кивнула на рамку картины – сам сделал?

– Нет.

– Да где уж тебе. Рун не должен резать тот, кто в них не смыслит.

От ответа Даира избавил загоревшаяся лампа. Вернулись горничные. Рататоск сделала невероятный кульбит,

юркнула к себе в джип и тихонько сидела там пока снова не осталась наедине со своим адресатом. Когда она вернулась в лапах у неё был холщевый мешочек, а картина, как и у Эри неожиданным образом превратилась в зеркало.

– Орехи мои вкусные, орехи мои сладкие... – напевала где-то Рататоск.

– Кушайте на здоровье – вежливо сказал Даир, глядя как одновременно на столе и в зеркале пустеют два больших подноса – правда я думал, что тигры, даже карликовые предпочитают мясо.

Рататоск опять появилась на картине. Она прыснула, покрутила у виска лапой, запрыгнула в машину и растворилась вдали. До него донеслось только хохочущее эхо:

– Я белка, остолоп.

Провожая взглядом удаляющийся джип Даир увидел красивую островную гиену, сидевшую неподвижно и как будто тоже провожавшую взглядом Рататоск.

Эри уже успел открыть дверь.

– Готово? – спросил Даир, выглянув во двор.

– Долго ли умеючи. Я услышал, что у тебя гости и не стал мешать – деликатно сказал кузнец, приглашая жестом выйти к нему.

– Послушай, Эри, ты не знаешь кто такая белка?

– Зверь такой, вроде мангуста.

– А она, эта белка, может говорить человеческим голосом?

– Если она пришла из картины, то не удивительно.

– Именно оттуда. Она еще сказала: «хороший портал, мне нравится».

– Он не со всеми такой хороший – подметил Эри, – еще когда здесь постоянный двор был этот портал никому не открылся. И у принцессы частенько подружки гостят, но ни один из их наложников так и не догадался, что перед ним не простая картина. А ты, надо сказать, настоящий сюрприз под покрывалом, то змеи, то белка. С чего бы это?

– А я почему знаю.

Даир не был уверен, что можно рассказывать о полученном письме даже Эри.

– Это моя картина – продолжал кузнец – и много лет она слушалась только меня. Но недавно здешняя экономка распорядилась, видите ли «убрать эту рухлядь» и повесить мультимедиа экран. Я промолчал, но мне пришлось той же ночью вмонтировать свою старую картину в эту её новую. Может с тех пор и барахлит что-то? Надо бы перебрать, посмотреть. Не подумай худого, дело не в тебе, но мало ли что ты по незнанию можешь еще натворить. Слоны или там исполинские черепахи нам здесь точно не нужны.

– Не надо – быстро сказал Даир, испугавшийся остаться без только что налаженной связи с Лунимом – то есть зачем её перебирать, можно еще что-нибудь ненароком испортить. Я просто занавешу её полотенцем и все.

Если уж Рататоск смогла открыть такой сложный портал, то справиться с каким-то полотенцем ей, как орешек расколоть.

– Даже не вздумай... – начал было Эри.

Но тут со стороны парадного двора послышались голоса:

– Это не наложник, это мой младший брат. А у меня нет наложников, я не нашла кузнё... кузнеца.

Акцент явно указывал на северное происхождение новоприбывшей.

– К слову, у нас отличный кузнец – отвечала экономка – чудеса творит.

Даир невольно повернул голову в сторону парадного двора.

– У моей госпожи, похоже, гости.

– Сегодня полнолуние, – вдруг заговорил Эри – клейменым нельзя находиться под таким сильным лунным светом. Иди к себе, завтра поговорим.

– Я и так всё утро просидел взаперти – запротестовал

Даир – да и стемнеет еще не скоро.

– Иди, иди – сильный Эри подтолкнул его к дверям – ты, братец, здесь затворник, а не кузнец, а доброму наложнику затвор не в муку.

Даир подчинился, но, чтобы не оставаться в долгу все же ответил недовольным голосом:

– Ну и порядки тут у вас.

– А что ты хочешь, парень, дикий Север через дорогу.

Долго находиться одному Даиру все же не пришлось, зажглась предупреждающая лампа, и после его ответа, дверь распахнулась, появилась экономка Маярэ, вслед за которой шли обе горничные, а замыкал эту короткую процессию мужчина в темно-серой тунике с чёрной молнией там, где у Даира были два розовых треугольника.

Девушки молча постелили в углу надувной матрас, застелили его темным пледом, а Маярэ указала новичку на импровизированное спальное место, после чего вся троица удалась, так и не проронив ни слова.

Даир принял попытку разбавить повисшую тишину, но безуспешно.

– Можешь снять покрывало, я здесь один – сказал он незнакомцу.

Тот не шевельнулся.

– Ну как знаешь – Даир уставился на картину.

Снова загорелась спасительная лампочка, это вернулась экономка и объявила:

– Вы сегодня ужинаете с принцессой, наложник. Следуйте за мной.

Он никогда еще так не радовался, что госпожа хочет его видеть.

В её спальне Даир уединился за низкой ширмой в углу и стал ждать. Принцессы не было, только две хорошо знакомые ему горничные накрывали к ужину.

– Я впервые так близко видела грязного мужчину – поделилась одна – ужас, просто ужас. Сердце до сих пор коло-

тится.

– Перестань – успокаивала её подруга – ничего ужасного не случилось. Надо просто придерживаться инструкции, не говорить с ним ни при каких обстоятельствах, а если начнет подозрительно себя вести – то сразу шокером.

– Какой ужас – продолжала перечитать первая – шокером!

– А давай пойдем после работы мороженого в гигиенем парке поедим – предложила после паузы более хладнокровная девушка – покажу тебе новые серёжки.

– Да, давай. Как говорится, снимем стресс.

Горничные ушли, а принцесса появилась почти сразу, она держала возле уха то, что Луним называл гаджетом и говорила:

– Если речь идет о резорте на небольшом коралловом острове, то зачем обязательно нужна высотка? Это в конце концов не безопасно, коралловый известняк не самая надёжная основа, каверны повсюду. А если шторм? Высотка просто не устоит. Что? Да при чём тут Сингапур? Не сравнивайте Сингапур с коралловым островом, там стабильный грунт, но и там есть ограничения по высоте зданий. Ну хорошо, я приеду и все решим на месте.

– Северянки любят неуместный размах – вздохнула Ния, отбросив гаджет в сторону – вот новая заказчица атолл выкупила, а рационально распорядиться не может.

– Бунгало надо ставить – со знанием дела заявил Даир – на сваях.

– Даже наложник это понимает.

– Разумеется. Ведь закрыв лицо он не ослеп и не онемел.

– Ты у меня умник – кивнула Ния, – вот я однажды на Сейшелах видела бунгало с прозрачным полом. Коралловые рифы окрасили песок в розовый цвет, удивительное было зрелище. Всё, давай ужинать.

Ния усадила наложника за столик у стены, сама села

напротив него, подняла клош с подноса и с аппетитом принялась за большой страусиный стейк с соусом из кайминой вишни. А вот у Даира кусок в горло не шел.

– Тебя что-то печалит, любимый? – заботливо спросила принцесса.

– Очень многое. Во-первых здоровье моей юной госпожи.

Ния пожала плечами.

– А что с ней не так? Девочка уехала в круиз, она совершенно здорова.

– Ехать она не хотела – упрямо твердил Даир – мы обе это видели.

– Брось, она просто не выпалась. Наверняка какой-нибудь сериал пол ночи смотрела.

– Хочется надеяться. А у вас гости, госпожа?

– Да, барышня Альна с Севера. Её невзлюбила северная королева и они с братом бежали на Юг.

– Она ваша подруга?

– Я просто пригласила её на работу в новую обсерваторию. Кто-то же должна будет её возглавить после сдачи в эксплуатацию, а Альна идеально для этого подходит, она физик со стажем.

– Разве наша матресса не сама должна этим заниматься?

– Считай, что я ей помогаю.

– Значит этот сосед ко мне надолго? – помолчав спросил Даир.

– Он будет молчать.

– Разве в этом дело?

– Ах вот что тебя волнует – догадалась Ния – а я думала твоя позиция против травли в мужском коллективе крайне однозначна, а она была таковой пока к тебе подселили мальчика на инкоммуникадо? Хорошо, я с этим разберусь.

Повисла пауза.

– Я не прав, госпожа – сказал, наконец, пристыженный Даир – все дело в том, что кузнец больше не выпускает меня

во двор и я поддался порыву эгоизма.

– Бедняжку оклеветали на родине, чтобы дискредитировать старшую сестру. Тебе не стоит вдаваться в грязные подробности. Зато моя адвокат уверила меня, что снять все сфабрикованные обвинения не составит труда, а это значит, что совсем скоро его удастся продать. А что касается кузнеца, то здесь ему не Север. Я запрещаю лишать тебя прогулок, так ему и передай.

– Передам – кивнул Даир – а как дела в морском музее?

– Отлично. Индийский океан щедр на сюрпризы музеев обещает растянуться почти на всю старую набережную. Поначалу я хотела ограничиться прозрачной стометровой аркой от района порта до перекрестка Розалин Факлин, а материала оказалось так много что арок будет три, а между ними два больших фонтана и так до улицы Мэри Сомервилль. И хоть я и планировала сделать обновлённую набережную полностью пешеходной пришлось пустить через неё небольшой трамвайчик не каждая выдержит такой марафон. Ах Даир как жаль... жаль, что остров не принимает Экспо уж я бы постаралась удивить гостей.

– А как там международный аэропорт? – ехидно продолжил Даир.

Ния мгновенно вернулась с небес на землю.

– Ой да ну тебя – обиженно фыркнула она – ешь. Хотя может всё-таки расскажешь куда подевалась из библиотеки книга на эшуаровом языке она могла бы стать жемчужиной нового музея.

– Понятия не имею, где она могла затеряться, принцесса – отчеканил наложник, пряча взгляд.

Он немного помолчал, а потом вежливо поблагодарил госпожу за ужин и заботу, а та поделилась с ним тем, ради чего и пригласила к себе:

– Послушай, Даир, мне придется уехать на несколько дней, и я хочу, чтобы ты остался здесь.

– Как угодно, госпожа. Но почему я не могу вернуться

во дворец?

– Я не собираюсь возвращаться во дворец. Мне предстоит немного необычное путешествие, и я не очень хочу посвящать в это кого бы то ни было. Ты тоже смотри не болтай.

– Разумеется – смиренно ответил Даир, а про себя подумал, что уезжать от Эри и его удивительной картины он, пожалуй, совсем не хочет. И вспомнив, наконец, что перед ним на тарелке так и лежит нетронутый стейк, задумчиво принялся за еду.

Глава двадцать вторая

Странные сны

– Across the Universe на угнанной комете
Со скоростью одной сверхзвуковой волны,
С поправками на каждый свежий встречный ветер,
Влюбленный, как и я в дыхание весны, –

пищал кто-то в углу –

Я кланяюсь вдали оставшимся закатам,
Захватывает дух простор небесных карт.
Все дышит волшебством, его координаты
Найдет без GPS мой внутренний Декарт.

«Надо же, как малявки разогнались» – подумал я и внезапно услышал, как сильные капли дождя забарабанили по крыше. Начинаясь гроза, должно быть последняя в этом сезоне.

Дождь лил мелкий, холодный, ощутимо колючий. Под липой высокий крепкий, крестьянского вида молодой человек поддерживает раненого за плечи, говорит, скорее не в назидание, а чтобы удержать товарища в сознании:

– Я вам, боец Гринвальд, как командир отряда за самовольную диверсию должен бы выговор объявить.

– Ну валяй – выдохнул тот – объявляй.

– Где ты их застал?

– В избушке старого мизантропа. Кто-то из местных подал знак, опрокинул ведро у колодца.

– А хозяин?

– Молча подпёр дверь и увел пса подальше. Ты же его знаешь. Один из фрицев пнул его собаку и подписал себе приговор.

– Мы должны были дожждаться подкрепления.

– До греческих календ прождали бы. Тех, что меня зацепили нет в живых, подорвал гадов. А больше меня никто не видел.

– Красные идут через Карпаты, со дня на день будут здесь.

– Это хорошо. Послушай, ты ведь позаботишься о моей сестре? У неё кроме меня никого не осталось, а теперь вот, кроме тебя.

– Перестань, Марик. Ты еще сам о всех нас позаботишься.

– Сам видишь, мне не выкарабкаться, пообещай сейчас, Стефан.

– Пока я жив ни один волосок с её головы не упадет – горячо ответил командир.

А потом над раненым склонилась девушка, на удивление знакомая девушка.

– Анна – узнал тот – а, знаешь, первую сестру милосердия звали Флоренс, так странно, такое звукоёмкое имя. А Анна это просто выдох, даже самый обессиленный справится. Всех сестер милосердия должны звать Аннами.

– Марик, ты ведь не умрешь? – стараясь не выдать слез в голосе спросила Анна.

– Конечно нет. Ведь тогда Иржи придется признать меня героем, а это в его планы не входит.

– Все шутишь?

– Виноват – прошептал Марик – издержки культурного кода.

И закрыл глаза.

Рыжий, щедро украшенный веснушками худой паренёк в очках все это время растерянно грыз ноготь. Наконец, он тоже нарушил молчание:

– Никогда его толком не понимал.

– Еще бы – подала голос угрюмая девушка с пшеничной челкой – с цыплячьими-то мозгами.

– Да помолчите вы хоть сейчас – рассердился Стефан – как сцепятся, так не знаешь куда и деваться. Ночью мы с Иржи отнесем его в деревню. А пока просто ждём. Анна, если хочешь, поспи у меня на плече. Малгожата, ты тоже.

– А я? – спросил Иржи.

– А ты воды принеси. Девушек надо беречь, им еще детей рожать.

Анна послушно уткнулась лицом в сильное плечо Стефана, тихонько заплакала и, наконец, крепко заснула, а худая, бледная Малгожата с пшеничными волосами только отвернулась и закурила. Она не была такой же красивой, как подруга, хотя возможно при более счастливой жизни, она была бы вполне миловидной. А в наше время, неожиданно подумал я, многие модельные агентства еще поспорили бы за такой ценный типаж. Это была одна из тех женщин, которые в умелых руках кутюрье и визажистов могут выглядеть, как угодно, просто чистый лист для творчества и креатива. Однако, судьба сыграла злую шутку, вынудив демонстрировать не пластичность образа, а стойкость характера и девушка с красивым именем Малгожата справлялась и не роптала.

А спустя несколько дней вся четверка была разоблачена.

– Мы должны доставить их в штаб, так ведь, Отто? – заискивающе спрашивал один молоденький, эсэсовец, корытщик с крысиным лицом.

– Разумеется – отвечал второй, холёный, самодовольный на голову выше Стефана солдат – немецкая молодежь всегда верна своему долгу, не так ли, фройлян Штольц?

– Geh zum Teufel – сухо бросила Анна.

Почти сразу же глухо щелкнул затвор и Анны не стало. Я заметил, как в глазах Стефана рухнули небеса, но он не шелохнулся.

– Остальные так просто не отделаются – глумливо сказал солдат – это была не более, чем этническая солидарность, хотя девчонка её и не стоила.

И тогда, понявшая что-то Малгожата незаметно стянула с Иржи очки и сунула ему в карман.

– Зачем, Гося – шепотом спросил тот – я без них почти слепой.

– Береги глаза...

Я сел в постели, трясая головой, чтобы разогнать сон. Менаше оказался прав, в тринадцатый караван в абы-каком настроении идти не следовало.

Когда я, наконец, снова заснул меня встретил погожий мирный летний день, У колодца стоял высокий камень с выбитой надписью:

Здесь нашли вечный покой
герои народного сопротивления
Стефан Мартинец
Марк Гринвальд
Малгожата Сольска
Анна Штольцова
Иржи Полак,
студенты братиславского университета,
которые уже никогда не получают диплом.

– Прощай, братик! «Прощайте славные ребята!» – грустно сказал подошедший поближе молодой человек.

– Мой братик тоже здесь – напомнила стоящая рядом девушка.

– А мы теперь куда?

– Сейчас в Банску Бистрицу, оттуда поездом до Братиславы, а в полночь надёжные люди перепрят нас в Бухарест.

– Бежим из родной страны, как воры – задумчиво сказал парень – ты точно решила?

– Я не жена Лота, я не оглядываюсь назад.

– Может всё-таки не сегодня? Давай подождем?

– До греческих календ прождем.

– Надо хотя бы её предупредить.

– Она всегда и везде сама нас находила. И там найдет. А помнишь, как она тебе подсказывала, когда ты чуть не завалил экзамен по космологии? «Чтобы узнать какова яркость звезды в солнечных яркостях нужно массу звезды в

солнечных массах возвести в четвертую степень». Никогда теперь не забуду это правило.

– Я бы сам вспомнил – сказал он, но всё-таки улыбнулся.

– Представляете, братцы – продолжала девушка, обратившись к камню – наш золотой мальчик однажды чуть не завалил космологию... И неожиданно зашла в рыданиях:

– Лойзо, ты же знаешь, я тоже не хочу уезжать, но я должна. Хоть кто-то из нашей семьи должен добраться... иначе зачем все это...

Лойзо обнял молодую жену за плечи и мягко сказал:

– Идём, Михля, пора.

– Помнишь старика из этого дома? – шепотом спросила Михля у края улицы – я его ужасно боялась, он ненавидел решительно всех цыган, евреев, чехов, коммунистов.

– Помню – кивнул Лойзо – причем цыган, евреев и коммунистов он ненавидел из конъюнктурных соображений, а чехов смачно так, от души.

– И тем не менее никого из наших он не выдал.

– Оно и понятно. Немцев то он еще меньше любил. А впрочем он и словаков не особо жаловал, что и говорить, вздорный был мужик.

Они ушли. Пани Михля и правда так ни разу и не обернулась.

А когда я закрыл глаза в третий раз случилось самое страшное. Я давно заметил, что ужас во сне наводят не события, а атмосфера. Появившийся человек был насквозь пропитан ужасом. По совести, говоря его и человеком то назвать было тяжело, это была его жалкая тень, искавшая что-то или кого-то безнадежно утерянного. Он знал, что никого не найдет, но не мог с этим смириться и продолжал хаотично бродить от калитки к калитке, всматриваться в каждый куст, а потом вдруг громко и страшно рывкнул от досады:

– Виталик агностик!

– Виталик-агностик, просыпайся! – повторил более тонкий голосок – Виталик-агностик, тебе приснился страшный сон!

Уцепившись хвостом за занавеску, как за коралл прямо передо мной беззаботно раскачивался морской конёк. С пол минуты мы неподвижно смотрели друг на друга.

– Да настоящий я, настоящий. Я Си Бемоль, – представился конёк – мы здесь поблизости в бассейне всей семьей живем и работаем в цирке вышибалами.

– Кем?!

– Ну вышибалами, музыку из калимбы вышибаем, чего непонятного? И вообще создаем настроение. Ты только не подумай, я парень не трусливый, просто публика любит, когда маленькие существа все время охают и ахают. Эффект иллюзорной правды.

– Ах вот оно что. А сюда ты как попал?

– У меня триста братьев и сестер – посетовал Си Бемоль – а я стихи пишу, мне просто необходимо иногда уединяться. Я вообще частенько сюда заглядываю, здесь случается столько всего вдохновляющего. Вот послушай:

Мой внутренний Дедал упорно ищет выход

Из цепкой западни средне карпатских гор.

Под куполом души так непривычно тихо

Отстукивает сны мой внутренний Дэйв Грол.

– Это так наброски – уточнил морской конек – в окончательной редакции будет поинтереснее.

– Так ты знаешь, Си Бемоль, что мне только что приснилось?

– Знаю – кивнул он – я тут все знаю. А эту историю вообще весь кибуц знает.

Мы помолчали.

– Хочешь что-то спросить?

– Кто был тот парень, командир партизан?

– Стефан Мартинец, старший брат Лойзо.

– Он любил Анну?

– Не мудрено. Все любят Анну, даже эта безбашенная белка. И даже немножко я.

– А подруга у неё гордая была.

– Поляки, они такие.

– Не знаю – задумчиво сказал я – хотя я и сам наполовину поляк. А кто был тот, последний, самый страшный?

– Тот, кто потерял душу. Они всегда самые страшные, особенно во сне.

– Согласен – кивнул я и решил сменить тему – кстати, пора будить Менаше.

– Даже не вздумай – запротестовал морской конёк – полковник Коэн на задании.

– Вообще-то он сержант.

Си Бемоль только глаза закатил.

– Ну, как скажешь – согласился я, взял куртку и вышел навстречу новому дню, а позади меня Си Бемоль уже снова сочинял, бормоча себе под нос:

Не ставьте мне на вид размытые границы,

Не видеть берегов здесь фича, а не баг.

Мне снова не до вас, я с вами битый пиксель,

Мне снова хорошо в компании бродяг...

А впереди ждал звонкий, нарочито громкий голос Рататоск:

– Мэй! Ты что, куришь!? Doamne fereşte, Раду, doamne fereşte!

Глава двадцать третья

Дорога жизни

– Я так рад что у меня появился друг. Давай договоримся что всегда будем друзьями, даже когда новая госпожа заберёт меня к себе.

Даир впервые видел соседа без покрывала и поглядывал на него с интересом. Это был настоящий представитель северные знати, голубоглазый и чернокожий, причем такой темный, каких редко Даир встречал даже при дворе. «Моя зелёная туника совсем не подходит к его голубым глазам – думал он, почти не слушая собеседника – принцесса подбирала её специально для меня».

– Наконец-то кончился весь этот ужас – продолжал мальчишка, не обращая внимания на молчание соседа – южная адвокатесса доказала, что я чистый, теперь моя сестрица продаст меня какой-нибудь мёстной барышне. Но даже то, что ты бёлый мне нё помёшает всю жизнь считать тебя другом.

«Когда ты молчал ты мне больше нравился» – просто-душно думал Даир.

– Ты и правда настоящий кузнёц?

– Чистая правда.

– И наложников клеймил?

– Доводилось.

– Дай мне слово, что если сестрице удастся продать меня в поселке, то клеймить меня будешь ты.

– Не могу – покачал головой Даир – я уже дал слово своей госпоже завязать с прошлым. Эри будет тебя клеймить. Могу заверить, что он отлично справится.

– Я нё сомневаюсь, что ваш Эри очень хороший кузнец, но мне почему-то кажется, что я обязательно буду счастлив с твоёй руки.

– Ну ладно, я что-нибудь придумаю – пообещал Даир.

– Правда придумаешь? не отставал парень – А ты помнишь, как тебя клеймили, это же такое важный, волнующий день.

– День, когда брат и два лучших друга скрутили тебя по рукам и ногам и привязали к столбу, а отец всадил раскаленное тавро тебе в плечо тяжело назвать счастливым.

– Ты должен благодарить судьбу за такой подарок, – отрезал парень – а ты еще недоволен. Кузнец стал наложником принцессы, вот дают южанки.

От ответа Даира спасла загоревшаяся лампочка, вошла экономка, а вместе с ней две женщины, одной из которых скорее всего и была астрофизик Альна, а другая, молоденькая мулатка из поселка, вероятно пришла на смотрины. Даир украдкой поглядывал на девушку, она была милая и такая похожая на его госпожу, пока та не начала увлекаться диетами. Даир сразу вспомнил какой аппетитной была когда-то принцесса и поймал себя на мысли, что раньше не думал о ней с такой нежностью.

– Вон отсюда! – грубо потребовала Альна.

Даир даже не пошевелился, он спокойно смотрел на картину, по которой разгуливали жирафы и зебры.

– С королевским наложником так не разговаривают, сударыня – вежливо, но твердо сказала экономка.

Альна смирила высокомерным взглядом и её, но промолчала.

– Вы любите животных, наложник? – спросила экономка – Пойдёмте я покажу вам наших коров.

Даир молча последовал за ней.

– Надо же какой чёрный – громко восхищалась меж тем мулатка, пытаясь развеять неловкость – дорогой небось?

– В пределах разумного – отвечала Альна противным голосом.

– Смотрите, наложник это наша козы, а там коровы. Еще моя бабушка когда-то была здесь пастушкой. Не знаю, насколько это удивительно, но неё была ручная гиена,

другие гиены не подходили близко и не трогали коров. Теперь это не практикуется, но раньше считалось делом обычным. Золотистые гиены живут в местной пустыне в горных расщелинах, они гораздо красивее материковых и довольно сообразительные, но опасные. У самой Каймы была такая. С гиенами общаться надо уметь, а моя бабушка умела.

Даир вежливо кивнул, демонстрируя интерес.

– Наш поселок стоит в оазисе – продолжала экономка тоном знатока – трава здесь сочная, а Солёная долина совсем рядом, сразу после улицы Хильдегарды Бингенской. Вон видите, королевская солеварня. А чуть поодаль Соленое озеро, где спит ваш далекий предок и новая обсерватория. А когда-то эти места считались дорогой жизни, северянки подкупали блокпосты и проходили десятки километров через солончак, спасаясь от голода. Многие оставались на солеварне, кто-то подался в крупные города. И местное население никого не бросило, каждая помогала как могла.

Даир кивнул еще более почтительно.

– Я рада, что вам здесь нравится. А как у вас отношения с местным кузнецом? Удивительный мужчина этот кузнец, я должна вам сказать. В это с трудом верится, но он клеймил еще моего прадедушку. Ну что ж, пора возвращаться, наложник.

Они вышли с огражденного поля, пересекли улицу и направились обратно к дому принцессы. Даиру удалось немного разглядеть поселок. Их улица, определенно исчиталась самой фешенебельной, дорогие автомобили, роскошные виллы пастельных оттенков, статуи Каймы у ворот. Вдали стояли две большие каменные высотки для особ по-проще, но тоже очень добротные.

– Не держи зла на мою сестрицу – робко попросил юный сосед вернувшегося Даира – на нас столько всего навалилось, она до сих пор сама не своя.

Его утреннюю эйфорию как рукой сняло, сейчас он выглядел растерянным и озадаченным, но по-прежнему слово-

воохотливым.

– Хорошо, не буду – равнодушно кивнул Даир.

– Она когда-то ходила на студенческие митинги в северной столице против старой королевы.

– Ты знаешь, что такое студенческие митинги?

– Нет, но это наверно что-то очень страшное, потому что всех задержали и оштрафовали. Но королева её неожиданно простила, даже назначила небольшой продуктовый паёк, чтоб мы выжили. Это когда стало известно что случилось. А молодая королева за этот паёк считает нас предателями.

– И что же случилось?

Говорить на эту тему ему было тяжело, но он ответил.

– Голод. Кажется, он и унес всю семью. Мой старший брат однажды взял меня на руки, сунул мне корочку хлеба в рот и так мы оба уснули. Когда нас нашли брат был мёртвый, а я еле живой.

– Когда новая госпожа заберёт тебя? – спросил Даир после паузы.

– Завтра утром.

– Значит, у нас мало времени. Опускай покрывало. Да не так. Что, не привык к южной одежде?

– Пока не очень – отвечал мальчик, путаясь в тунике – ведь наши покрывала прочнее и их нельзя снимать и снова надевать в течение дня – но я привыкну.

– Вот и отлично.

Даир зажег лампу вызова и вскоре появилась вежливая горничная.

– Приготовьте ристретто, любезная. Нам нужно взбодриться.

– Одну минуту, наложник.

– А зачем нам взбодрятся? – удивился мальчик – я совсем не устал.

– Сейчас узнаешь.

Даир поднялся и вышел во двор. Кузнец был занят работой, напевая в пол голоса:

Ты ведь помнишь мыс Доброй Надежды? Он все еще проклят и пуст

Спит, покрытый пологом легенд до последнего дюйма.

Храбрецы безрассудно бросают им вызов и пусть,

Ономастика моря насмешлива, но предсказуема...

– Эри – позвал он – завтра утром у нас обряд клеймения.

– Знаю – пробасил кузнец, не отвлекаясь от работы, он всегда был чем-нибудь да занят, во всяком случае Даир ни разу не видел, чтобы Эри слонялся без дела. Он немного поколебался и впервые вошел в кузницу.

– Можно я его проведу?

– С чего бы это?

– Допустим, хочу поразмяться, теряю навык.

Эри наконец взглянул на него

– И правильно – в твоём положении давно пора его потерять.

Даир миролюбиво улыбался

– Сколько можно работать? Заходи, пожалуйста в гости, сядем и спокойно побеседуем, твой кофе уже в картине.

– А чего не побеседовать – согласился Эри – тем более, когда кофе в картине. Но о клеймении забудь.

Наложник уже собрался что-то ответить и тут его взгляд остановился на стене напротив кузнецкого горна.

– Послушай, Эри, а что это за штука такая?

– Штука... это же молот Гефеста.

– Я как будто такой отпечаток уже где-то видел.

– Вспомни! – Эри мигом посерьезнел.

– Вспомнил. Это было написано на эшуаровом молитвеннике, который я нашел в кузнице у своего папаши. А что именно тут написано?

– Служитель Гефеста капитан Эвандр Критский. Так значит вы нашли бортовой журнал моего отца? Ну и где он сейчас?

– Отдам за небольшую услугу – хитро сказал Даир.

Кузнец ненадолго задумался.

– Мальчишка точно не проболтается? – спросил он, наконец.

– Вряд ли. А ты, Эри, оказывается, принц?

Тот только громко расхохотался:

– Понапридумывали. Мой отец не был ни царём ни королём, он был обычным кузнецом с берегов Средиземного моря в юности похищенный иллирийцами. Он был единственным грамотным членом экипажа и его ценили. Так он и стал капитаном, первым иллирийским пиратом покинувшим Адриатику.

Даир не знал ни кто такие иллирийские пираты, ни что такое Адриатика, но слова Эри прозвучали весомо. К тому же обстоятельства снова складывались в его пользу, что не могло не радовать.

– А правда, что ты клеймил прадедушку нашей экономки? Сколько же тебе лет?

– Может и клеймил, всех разве упомнишь за пару тысячелетий-то.

– Удивительно – сказал Даир, открывая пошире дверь и приглашая Эри войти.

– Ладно уж – согласился тот, отхлебнув кофе – знаю я один фокус, правда не очень люблю им пользоваться. Девушка ничего не будет помнить.

– А как это? – удивился мальчик.

Кузнец только окинул обоих таким взглядом, что вопросы мгновенно иссякли.

– Готов? – спросил утром Даир.

Парень собрал воедино последнее самообладание и важно ответил:

– Конечно. за меня ведь дали восемьсот солёных.

Даир, в своё время обошедшийся госпоже почти в четверо дороже сделал вид что впечатлен. Он накинул покрывало, помог юному наложнику надеть белую тунику и вывел во двор, где уже ждали Эри и молодая госпожа.

– Дыши глубоко – напутствовал Даир – я все сделаю

очень быстро, даже испугаться не успеешь.

– Спасибо – дрожа всем телом прошептал парень.

– А как тебя зовут? – спросил Даир.

– Лаян.

– Ты будешь очень счастлив в новом доме, Лаян.

Пышнотелая мулатка, как будто все это время пребывала в полудреме, но красную ленточку из рук не выпускала. Когда клеймение закончилось Даир дал мальчику напиток из заранее приготовленной манерки, а Эри указал на парадные ворота.

– Вам туда, барышня.

Девушка захлопала ярко накрашенными ресницами:

– Что? Где? А шарики уже надули?

Но послушно отправилась по, указанному ей направлению.

– Спасибо – шепнул Даир кузнецу, когда ворота за девушкой закрылись.

Удержание чужого сознания оказалось крайне энергозатратным процессом. Эри выглядел изнеможенным, однако он мужественно расправил плечи, несколько раз глубоко вздохнул и напомнил:

– Долг платежом красен.

Наложник поспешил к себе вытащил из небольшого проёма между картиной и стеной старую книгу и отнёс ее Эри.

– Сейчас опять петь начнут? – спросил он, стараясь казаться как можно более равнодушным.

– Это уж как водится.

– Ну, я пошел. Спасибо тебе еще раз.

– Что, не терпится узнать о чем там написано?

Даир даже отрицать не стал, просто кивнул.

– Я не по совести говоря не хотел читать эту книгу, хотел просто сохранить. Может быть когда-нибудь потом, когда соберусь с духом.

– Но почему?

– Видишь ли, наложник... когда она писалась я был абсолютно счастлив.

– Прости меня Эри, я об этом не подумал. Конечно, книгу лучше убрать подальше от соблазна. А хочешь, я верну её на старое место?

– Нет уж – Эри крепко сжал книгу в сильных руках – ладно, садись, полистаем вместе. Знаешь, удерживать чужое сознание – это так утомительно.

Эри устало опустил на крыльцо и прочитал:

Этлева лицом красива, как лесная нимфа, телом вынослива, как Артемида, характером горяча, как южная буря. Пришла она на рассвете и сказала: «Возьми меня кормчей, капитан, не пожалеешь». «Ардиейка – думаю – только ардийские женщины так вольно держатся». Но я отказал, где это видано, брать девицу кормчей. А глаза у неё зелёные, как волны, мужчину с такими глазами я взял бы не задумываясь, зеленоглазые кормчие непостижимым образом видят правильный путь, Вспоминая этот случай, я ловил себя на мысли, что, если Этлева вернется, я возьму её вопреки всем предрассудкам и за день до отплытия она действительно вернулась.

Эри пролистал ещё несколько страниц.

Как широка дорога Гелиоса! Всё новые звёзды встречаются нам на новом небе.

И Этлева своим зелёным глазом снова видит больше остальных.

На семнадцатый день плавания когда стемнело, она указала мне на новичка.

– Посмотри, капитан. Эта звезда особенная. Она играет с нами, зовёт за собой. Но пока не разберу: друг она нам или враг.

– Кто такая эта Этлева? – спросил Даир.

– Это моя мать – Эри быстро захлопнул книгу и решил сменить тему – зачем ты пошел на поводу у мальчишки? Разве трудно было просто сказать нет?

– Не трудно, конечно, но нет он в своей жизни слышал, наверно, чаще, чем доброе утро, пусть начнет новую жизнь со слова да.

Эри рассеянно кивнул и снова пролистал книгу.

– Ну что там еще? – не выдержал Даир.

– Четвертые сутки следуем за Южным глазом. Экипаж впервые после гибели капитана Скердилаида воспрял духом. Бато даже наточил осколок бутылки, обернул его козьей шкурой и смотрел на небо.

– Смотри, госпожа Этли – похвастался он, так лучше видно – не мешает посторонний свет. Сегодня не лучшее время, сегодня полная Луна, а ты попробуй в темную ночь.

– И правда, так лучше – согласилась Этлева – сколько тебе лет, Бато?

– Не знаю, госпожа Этли, мать говорила, я родился в год большого наводнения.

– Ты совсем юный и уже столько всего умеешь. Зачем ты отправился с нами в это опасное путешествие?

– Лучше погибнуть морским бродягой, чем болтаться на виселице – сказал Бато.

– Да капитан же принял его в команду, чтобы спасти от смерти, – захохотал Ликон. – Ты что, госпожа Этли не знаешь? Эй, Бато, зачем ты утащил козу у этого старого черта Плеврата, тебе что, других коз мало?

– Мне-то она больше была нужна – сказал Бато, достал из-за пазухи костяную флейту и заиграл.

Двадцать пятые сутки плавания. Следуем за Южным глазом. Изобретение Бато здорово облегчает жизнь. Перед бурей Южный глаз мечется и делается необычайно ярким, перед штилем светит ровным звездным светом. Воистину это подарок Гелиоса. Пусть остров с несметными богатствами, к которому рвался Скердилаид мы не нашли, но я верю, что Южный глаз приведет нас к особенной цели, какой пока не знаю.

– Что это за Южный глаз? – спросил Даир после паузы.

– Наверно то, что на острове называют Рэлата.

– Дальне-близкая звезда – вспомнил Даир – помню папаша показывал мне её, когда я был маленьким – и помолчав, добавил – а знаешь, Эри, если моя юная госпожа узнала бы об Этлеве, она бы гордилась, что у неё зелёные глаза.

Глава двадцать четвёртая

Язык до Рима доведёт

Готов поклясться чем угодно, этот день начинался отлично. Подгоняемый весенним дофамином, я вышел на улицу, цветущую под воздействием сверхактивного весеннего фотосинтеза, блаженно потянулся и запрыгнув в родной одиннадцатый, подгоняемый дизельным топливом отправился к месту учёбы в потрясающем настроении. Все кончилось у кофейного автомата проглотившего пятишекелевую монетку, как жертвоприношение Персефоне, насмешливо подмигнувшего лампочкой и застывшего как ни в чем не бывало. Вслед за грустно звякнувшей откуда-то снизу монеткой рухнул и весь остальной мир.

– Проклятье! – зло прошипел я, угнетенный весенним кортизолом.

И тут предусмотрительный Менаше спасительно помахал мне со скамейки и указал на картонный держатель с двумя стаканами. Мы, как последние злорадники распивали наш любимый капучино с фундуком в тени кипариса, наблюдая, как люди подходили к автомату, жали кнопки, ругались и уходили.

– А вот как по-вашему, коллега, – театрально поинтересовался Менаше – какой дорогой шло общество, чтоб прийти к такому жёсткому матриархату, как на острове?

– Трубку купи – засмеялся я – Шерлок.

– А правда, неужели тебе не интересно? Уникальный же прецедент.

– Банальная ситуация, какие-нибудь древние межплеменные разборки, большинство мужчин погибает и женщинам приходится взваливать остров на свои хрупкие плечи.

– Восьмой век, период мусульманских завоеваний – напомнил Менаше – проблема нехватки мужчин была решена распространением многоженства. Не сходится, тут более глобальный случай.

– Тогда будем отталкиваться от того, как сформировался патриархат у древних. Гоминид,двигаемый желанием оставить генетический след в веках понимая, насколько беспомощно потомство без матери и насколько уязвима кормящая самка, берет под защиту обоих. И вот этот древний мужчина со своим древним топориком шагает во главе семейства и уже чувствует некую ответственность, а ответственность кроме прочего – это право принятия всех основных решений в коллективе. И пошло-поехало.

– А потом первобытный строй сменился феодальным – продолжил Менаше и женщина из оберегаемого субъекта становятся разменной монетой без права голоса, как говорится с поправкой на эпоху.

– Осталось выяснить почему оберегаемыми на острове оказались именно мужчины.

– Представь какая-то аномалия снизила активность гена SRY, мальчики рождаются всё реже, можно сказать на пару поколений оказываются в дефиците. Женщины начинают брать в свои руки всё, от оружия до власти.

– Какая еще аномалия?

– Там же есть озеро на солончаке, вроде нашего Мёртвого моря. Помнишь, как погибли Содом и Гоморра в этом регионе?

– Метеорит.

– Именно! Метеорит, осолонение почвы и радиация.

– Ты хочешь сказать, что избирательная радиация на острове повредила пару нуклеотидов в Y-хромосоме и больше ничего не зацепила?

– Может и зацепила, кто теперь знает...

– Ну а потом?

– Потом Кайма. Умная, дальновидная, а главное сумела обернуть экологическую катастрофу в культурный манифест.

– Простите, коллега, но вряд ли наша гипотеза жизнеспособна.

- Ну а вдруг?
- Сомневаюсь.
- В таком случае нам нужен арбитр.
- Кто?
- А вот Стефан идет.
- А вы со Стефаном уже друзья?

– Признаю, я недооценивал его значимость, иметь умного лодыря в команде выгодно они иногда такие удивительные пути прокладывают, такие велосипеды изобретают, лиш бы не работать.

- Понятно – хмыкнул я.

Стефан, тем временем уверенно подошёл к кофейному аппарату, бросил монетку, нажал кнопку и извлек из окошка дымящийся стаканчик. Я даже не удивился, мне иногда кажется, что, если Стефан в родном кибуце когда-нибудь наступит на грабли, они вместе станцуют боссанову.

– Здорово! – Стефан подошел ближе – на Куличках пасхальный седер, поедите со мной?

– Я пас. Родители возвращаются, надо поприсутствовать на семейном ужине.

– А молодой самаритянский коэн прогуляет семейный ужин?

- Легко, самаритянский Песах только через неделю.

– Ладно – сдался я – праздник завтра вечером. Купим подарки и заглянем на часок.

– Значит после лекций на нашем месте – обрадовался Стефан – ой, смотрите, девочки сюда идут.

К нам подошли Линда и Агия.

- Вы чего так разорались?

– Потому что я бакинец. А на Кавказе есть такой обычай, если мимо беседующих мужчин проходит женщина, мужчины должны повысить голос, чтобы она знала, что ей не перебивают кости и прошла с гордо поднятой головой.

- Женщина всегда ходит с гордо поднятой головой, –

вставила Агия – какое ей дело до того, что болтают мужчины.

Менаше нахмурился, но промолчал.

– Делайте, что хотите – как всегда недовольно сказала Линда – Менаше, это, кажется твоё? – она протянула ему черную кожаную папку, с золотым тиснением *באז א״ב* – не теряй.

– Спасибо!

Линда во время разговора вожделенно поглядывала на Менаше, Менаше на Агию, Агия на Стефана. Весна была в самом разгаре.

– Ты один? – спросил Менаше.

– Фрейр Снорри работает, – отвечал Луним – просил не беспокоить.

– А остальные?

– У доктора прием, у Гастона сессия, Павла в Хайфе шопится, Виктор в аэропорту, встречает свою Питангу, они решили пожить здесь немного. Утром умял три местных фирменных кексика, как будто прощался с ними и отчалил.

Мы засмеялись.

– А пан Лойзо уехал в Тель Авив по очень важному делу – продолжал Луним, я тут сегодня, можно сказать, на хозяйстве.

– Ой не могу, на хозяйстве он – внезапно послышался ехидный голосок – пустили Локи в Асгард.

– Здорово, бестия! – живо приветствовал Луним вездесущую белку – с чем пожаловала?

– Тебе письмо от папочки. Сейчас найду – Рататоск, сидя на подоконнике, листала блокнот – сейчас, сейчас, кажется, он сказал: «И кто этого фармазона в лаборанты принял?». Ну вот, почти угадала...

И добавила что-то по каймски.

– Рататоск пошутила – пояснил Луним – папа сказал: «Я очень рад, что тебе хорошо».

– Еще неизвестно, что он при этом подумал.

– Молодец, Рататоск – похвалил Стефан – оперативно сработала.

– Ну я же профи – белка наигранно потупила глазки – я изучила вопрос.

И запрыгнув повыше крикнула:

– Я профи, а вы дармоеды.

– Рататоск, ты становишься предсказуемой – крикнул ей в след Луним.

– Ой, да некогда мне с вами – отозвалась белка откуда-то сверху – после пасхального седера тут такие дела начнутся. Готовится надо красивые приглашения распечатывать надо. А то обидятся еще все эти пентюхи.

– Какие еще дела?

– Так я вам и скажу – расхохоталась Рататоск – раскатали губу – и исчезла.

– Это она про саммит – пояснил Луним – очередной саммит Чудесной консолидации, только и всего.

– Ничего себе «только и всего». А ты сам то чем занят?

На столе у Лунима стояли две прозрачные полусферы, под которыми копошились маленькие человечки

– Пан Лойзо дал мне набор ушебти, они функционируют только под таким куполом. Павла запрограммировала купол на лингвистическую диффузию. А пан Лойзо сказал: «Играй, малый, za jazykom aj do Ríma zájdeš».

– Ух ты! – обрадовался Стефан – у меня в детстве такие же были.

– И что они делали?

– Рубились. А твои что делают?

– Эти – сахар. Я установил карибский климат и посадил карликовый тростник, семена мне Крампус раздобыл за старую симку. У половины солдат родной язык случайный африканский, а у другой половины – французский. Жду, что из этого получится.

– Они что, все вместе работают?

– Они друзья.

– Молодец, лишил человечество фильмов про зомби.

– Культурную диффузию я тоже предусмотрел. Видишь вон в стороне маленький домик? Это музей Вуду. А рядом лаборатория друидов. Все как надо.

– Все пытаешься очеловечить Зеркальный мир? – догадался Стефан – только зря, неблагодарное это дело.

– Почему это неблагодарное?

– Потому что так уж устроено человечество, что все обрушивающиеся на него войны и катастрофы становятся катализаторами прогресса.

– Зато какой у нас получился потрясающий сахар, – не сдавался Луним – ну чисто мёд. Десять унций за неделю, очень достойный результат для таки малявок.

– Ну ладно, ладно – примирительно сказал Менаше – африканские трудовые мигранты с полным соц. пакетом на Гаити восемнадцатого века не худшая альт история.

– И дивиденд в виде сахара имеется – поддакнул Стефан – а другой отряд что делает?

– А здесь носители словацкого, албанского, немецкого, португальского, греческого, норвежского и ретороманского, всех по паре, строят башню. Мне стало интересно, лингва франка, которая у нас сложится больше будет напоминать эсперанто или реконструкцию праиндоевропейского. Зафиксирую результат и подселю к ним носителей армянского, санскрита и пушту для нового эксперимента.

– А тут чего – Стефан кивнул на открытый планшет на столе

– Это я читаю. Иэдда и Эддарэ. То есть Старшая и младшая Эдда.

– Чудные какие у тебя слова.

Это два старых слова, которые перешли из солнечной эпохи в матриархальную уже как интегральные части. Ну, например, лата свет, илата Солнце, латарэ звезда, сита вода, исита паводок, ситарэ засуха. Выражение «от и до рэ»

значит «от начала до конца, ничего не упуская», а еще «наизусть». А «из и в рэ» из крайности в крайность.

Стефана все это время мучала какая-то мысль, что редко с ним случалось.

– Значит так, братцы – сказал он, наконец – предстоящий саммит, кажется, созван в нашу честь.

– Что!?

– Ну конкретно в честь Лунима.

– Меня? – переспросил крайне удивленный Луним – с чего ты это взял?

– Это я и пытаюсь выяснить. Шкала чудес сама выбирает кто ей в заданный отрезок времени нужен, а наше авизо её транслятор. Я слышал на днях, как дедушка рассказывал кому то, что цирк так долго пытался притянуть Виктора, но авизо всё это время хотело кого-то другого. А как только появился ты и Виктор сразу прибыл без проволочек.

– Нас все равно не пустят на форум, – вздохнул Луним – туда от Куличек идут только директор цирка, пан Лойзо и Павла.

– И не надо – пожал Стефан плечами – Мы можем просто случайно что-то раскопать. Неужели тебе самому не интересно, появляешься ты и сразу же экстренный саммит.

Виктора мы встретили сразу, как только вышли от Лунима. Рядом с ним шагала высокая девушка индианка крупного сложения, но очень грациозная в светлых джинсах, майке тай-дай и сережках из пестрых перышек. У неё были две тугие черные косы. Кожаный рюкзак с яркими значками и большая клетка с попугаем в руках.

– Моя невеста, Питанга Арара Сантос Кошта.

– Можно просто Питти – представилась девушка.

Мы поздоровались.

– Вик всегда так церемонно меня представляет – продолжала Питанга, явно любительница поболтать – а сам при знакомстве сказал: «Во Франции вас звали бы Сериз, а я как раз прямо из Парижа». Надо сказать мне это понравилось.

Дело было на берегу океана, в лагере капоэйристов, такая романтическая обстановка, помнишь, Вик? Я была в чирлидерской команде, а он писал репортаж для молодежной газеты. А однажды даже написал мне стихи.

– Потрясающе – кивнул Стефан – как долетели?

– Да отлично – весело сказала девушка – как говорится *Quem tem boca vai a Roma*.

– Это точно – согласился Виктор – пойдем, Питти, покажу тебе наш караван.

Я распрощался с друзьями. Передать садовую фигурку в форме сфинкса, купленную в подарок пану Лойзо и пани Михле и коробку мацовых коржиков для Илюхи я делегировал Рататоску, рассчитавшись за услугу, естественно орехами.

– На Хануку что-нибудь греческое привези-поддела белка.

– Обязательно – кивнул я и вышел к высокому кактусу, где вскоре появился обычный эгедский автобус номер одиннадцать и отправился домой.

Глава двадцать пятая

Неофиты

Я знаю, что гордиться своим происхождением глупо, что рандомная детерминанта не самый надежный индикатор моральных качеств и что так делают только неразумные и недалёковидные люди. Поэтому я взял другой курс, своим происхождением я не горжусь, я им удивляю, всех, от Менаше до морского конька с его фильдеперсовым нейдроппингом. И у меня получается. В таком уж городе я родился; еще задолго до появления слова мультикультурализм, он сделал это явление своим кредо, даже своей философией. Но обо всем по порядку, интересную историю как известно должно венчать какое-нибудь эпичное событие или свадьба или как сказала бы Рататоск еще какой-нибудь локальный рагнарёк. А вот где начинать интересную историю точно каждый рассказчик размышляет решает самостоятельно. А коль скоро рассказчиком в этой истории быть мне значит начну я её на этот раз не в Баку где обычно начинается всё самое лучшее а в царской России в 1864 году, когда Александр II растерял самый свет польской шляхты, сослав лучших её представителей на Кавказ.

Спустя несколько десятилетий после изгнания евреев из Испании Сулейман Великолепный назвал короля Альфонсо глупцом, разорившим Испанию и обогатившим Османскую Империю. Забавно, что через много лет после нефтяного бума, заметную лепту в который внесли и польские инженеры подобные слова в адрес Александра II мог бы сказать не кто иной, как сам Гейдар Алиев.

Удивительно должна быть некому вечному разумному существу наблюдать со стороны, как во все эти исторические вихри втягиваются обычные человеческие судьбы, как будто слой за слоем древних папоротников тысячелетиями превращаются в угольный пласт. Вот первые солнечные лучи опускаются на Исфахан, озаряют синагогу, школу,

красильню шёлка; в воздухе ароматы весны и свежей выпечки, в еврейский квартал приходит Пурим, главный праздник еврейской общины Персии... А вот морозный, торжественный Люблин. Смеркается. Семьи с нарядными детьми идут в костёл на Пастерку. То тут, то там шныряют молчаливые имперские жандармы, следят, чтоб не было беспорядков, а поляки все идут и идут. А вот новый виток спирали и мальчишки из Красной Слободы гоняют тряпичный мяч, обтянутый старым сапогом; а когда он наконец рвётся, садятся на траву, и пытаются наскоро его залатать, попутно споря, кто виноват.

А несколькими градусами южнее в это же время польская девочка плетёт венок из гиацинтов на прохладном озере Гёйгёль. А вот уже они, повзрослев отправляются за лучшей жизнью в Баку, работают растят детей, может быть, даже встречаются на рынке у лотка с зеленью или в Старом городе может быть даже обмениваются парой фраз. И вот наконец, девятнадцатилетняя мама роняет шелковый шарф гуляя по Торговой, а поднявший его папа бежит следом аж до самого памятника Низами, чтобы уже никогда не разлучаться. И вот нас уже трое, мама преподаёт экономическую географию в колледже и забавно наблюдать как мой добрейший папа возмущённо говорит в телефонную трубку:

– Никакой Екатерины Вячеславовны здесь нет, молодой человек, а Катажина Вацлавовна ждёт вас на пересдачу во вторник. И имейте в виду это будет ваша последняя попытка. – по джигитский беря под защиту не только до свою даму а и её красивое необычное имя.

А мама реагирует в своей привычной снисходительной манере:

– Лео, брось, это же студенты, они все в этом возрасте троше розтшепаны.

И вот нас уже четверо в Хайфе, на земле первого внеафриканского человека, в пешеой доступности от пещеры пророка Элиягу, который так же и пророк Ильяс и Илья пророк,

где и должны оседать всё разлетевшееся по миру в такие исторические вихри, где и солнце над Исфаханом и снег над Люблином и тряпичный мяч и гиацинтовый венок все способно сплестись в новый яркий узор.

С детства у меня было два комплекта праздников, еврейский и католический и ни одного ритуального запрета. Мама с папой можно сказать ввели свою синкретическую детокс-табу философию, в центре которой стояли всего два незыблемых постулата – мир и взаимопонимание.

– Эволюция бывает не только биологической, но и культурной. Более прогрессивный для своего времени монотеизм пришел когда-то на смену обскурантным языческим культам, спору нет – говорил папа – настала пора расширяться и ему, зачем в конце концов мы будем попираť закон Хаббла?

– Леонид, ты гневишь Бога – возмущались наши многочисленные тетушки – он за такие слова карает.

И слышали в ответ:

– Сильнее всего Бога гnevят те, кто выставляет его заносчивым невращтенником без чувства юмора.

Гуршумовский пасхальный вечер был в самом разгаре, когда мама спросила:

– Как вы тут, не скучали?

– Ну разве что немного – церемонно проворковала Рачка – к нам ребята в гости приходили

– Менаше приходил – быстро сказал я – и ещё один наш друг вы его не знаете, он новенький. Недавно приехал с одного из африканских островов.

Мама сразу же проявила профессиональный интерес:

– Что за остров?

– Кайма.

– Кайма – протянула мама – нет, не могу вспомнить. Это наверно, какое-то эндоэтноним? А какое официальное название?

– Кайма. Точнее Соединенное королевство Северной и

Южной Каймы. Дуалистическая монархия, языческие культы и матриархат.

– Лео, ты что-нибудь понимаешь?

– Касенька, ты же знаешь, сын у нас завзятый фантазёр, – рассудительно ответил папа, разламывая мацу – раньше в кубиках по ночам кто-то свет включал, теперь вот, пожалуйста, соединенное королевство. Держу пари, он подарил этот остров сестре на восьмое марта.

– Ну правда, есть такой – упрямо повторил я.

Мама только скептически помотала головой:

– Ты же знаешь Африку в своё время европейцы делили с особым азартом.

– Кто же этого не знает. С 15 века португальцы стали покорять океан. Потом к ним присоединились англичане, испанцы, а потом и все, кому не лень. Африка к 1884 году стала почти полностью разделена между Европой. Там даже какой-то саммит был по этой делёжке.

– Берлинская конференция – кивнула мама – на тот момент независимость удалось сохранить только несколькими внутриматериковым государствам.

– И острову Кайма.

– Европейцы, колонизируя Африку обосновывались по периметру, в основном строили порты. А ближе к центру устанавливали местное правительство из африканской знати. В центре пустыни, комары, тропические болезни, к которым нет иммунитета. Поэтому острова были для них лакомым кусочком. И ты пытаешься меня убедить, что какой-то небольшой остров между французским Мадагаскаром и английскими Сейшелами сохранил не только независимость, но и неприкосновенность?

– Сам в шоке, но так и есть – я пожал плечами – ну что, незачет?

– Ну что вы, Гуршумов, по истории ставлю пять, по драматургии нарратива тоже. Но студентам про вашу Кайму я рассказывать не буду, договорились?

– Годится, Катажина Вацлавовна – согласился я и задумался.

– Мамуля, а отгадай из чего десерт – проворковала Райка, дождавшись наконец своей порции внимания.

Из чего десерт я прекрасно знал, он был из вареных яичных белков, потому что шесть желтков еще утром были скормлены мне почти насильно. А вот очередные сюрпризы Каймы уже не уходили у меня из головы, мама совершенно права, остров между французским Мадагаскаром и английскими Сейшелами на который не ступала нога колонизатора безусловно все это время находился под чьей-то чудесной защитой.

Глава двадцать шестая

Суэта суэт

Эй парень, посиди с нами, у нас тут весело – позвала самая юная лакримо́за с густой копной светлых волос.

– Не могу, сиятельные – вежливо ответил Луним, спешащий со склада с большим свертком, где были два новых флага, сине-белый государственный и яркий куличинский – в моей стране матриархат, я не привык к вниманию стольких красавиц разом.

– Да брось – продолжала златовласка, позвякивая сапфировыми сережками – твоя страна далеко и твоей репутации сейчас ничего не угрожает.

Все лакримо́зы тотчас же расхохотались. Новичком Луним бы, конечно, смутился, но он уже знал, что эти барышни всегда себя так ведут. Лакримо́зы в разноцветных платьях сидели в своей уютной беседке и занимались любимым делом – веселились. Луниму наконец удалось рассмотреть их поближе. Лакримо́зы были блондинками, брюнетками, шатенками, высокими и не очень, но всех объединяла невероятная пролактиновая женственность, тонкие талии, полная грудь, покатые бёдра, узкие запястья, гладкая загорелая кожа, не тронутые ни тревогой, ни усталостью прекрасные лица и заразительный смех. Они казались совершенными. Луним невольно залюбовался ими, но тут что-то рыжее и пушистое прыгнуло с высоты прямо на чайный столик между ним и девушками и громко крикнуло:

– Эгегей, девчонки, слушайте хохму, встретились как-то исландец, словак и критянин и давай выяснять кто из них круче.

– А где они встретились – громко поинтересовалась любознательная златовласка.

– Да какая разница, Лалейка, ну, допустим в Куршевели, там все богачи тусуются. А все богачи малость того, ма-

лость завитушечные.

– Ой ой, завитушечные... – хохотали лакримозы.

– А Куршевель это птица такая? – не унималась Лалейка.

– Да какая птица – рассердилась Рататоск – слушай дальше... дело, значит было так... тикай, лаборант, для тебя стараюсь.

Дважды белке повторять не пришлось, Луним прибавил шагу и перевел дух только когда позади стихли вопросы Лалейки и смех её сестриц.

Пан Лойзо ждал его у входа в цирк.

– Принес?

Луним кивнул и протянул шеф инженеру сверток.

– Вот и отлично – пан Лойзо развернул его и обновлял флаговую композицию у цирка – эти уже порядком поизносились, а к прибытию гостей все должно быть идеально.

– Пан Лойзо – спросил Луним – а почему на нашем флаге кулик с эвкалиптовой веточкой в клюве, это что, отсылка ко всемирному потопу?

– Ты разве еще не читал про осушение болот в Звулунской долине?

– Нет, пан Лойзо – смутился Луним. Он был очень чувствителен ко всему, что касалось образования, – но я обязательно...

– Высадка эвкалиптов сыграла одну из ключевых ролей в осушении болот. Несколькоми годами позже шкала чудес здесь очень крепко установилась, она любит малообитаемые места. Кажется, в Новейшей чудесной истории Папахроноса об этом есть целый параграф – подметил пан Лойзо – почитай, это любопытно. А пока пойдем, я покажу тебе главный зал – предложил пан Лойзо и направился ко входу в цирковой шатер. Луним поспешил следом. Он уже знал, что внутри шатёр был намного просторнее, чем выглядел снаружи, но к тому, что перед ним чудесным образом вырастет лестница на второй этаж снова оказался не готов.

готов. Наверно этот шатер будет подкидывать что-то новенькое каждый раз, когда он будет заходить внутрь.

Они быстро поднялись по лестнице и оказались в ничем не примечательной на первый взгляд переговорной комнате, почти такой же как у матушки во дворце, где они втайне от всех занимались английским. На карнизе сидел Крампус и цеплял к стене за шторой одно за другим прослушивающие устройства, которые тотчас же превращались в жуков и бабочек и разлетались кто куда.

– Ježíši Kriste! – воскликнул пан Лойзо – ты что вытворяешь? Опять желание проиграл?

– Проиграл – Крампус даже оправдываться не стал – связался черт с белкой.

– Ладно – шеф инженер был настроен благодушно – спускайся, поможешь нам.

Крампус живо спрыгнул на стол, почесал ухо и деловито осведомился:

– Чё делать надо?

Луним смотрел, как вокруг ноги Крампуса ползает изумрудно зеленый жук-бронзовка.

– Он настоящий? – спросил он пана Лойзо.

Тот быстро выхватил из воздуха очередную прослушку и жук моментально исчез.

– Крампус, Крампус – вздохнул пан Лойзо, закидывая прослушку куда-то прочь.

– Ой, да ладно – махнул рукой чертик – все равно бы не проканал. Не такие вы тут все простачки.

– Последний раз мы принимали саммит лет пять назад, верно?

– Именно – поддакнул Крампус – в ноябре.

– И все это время зал пустовал?

– А как же – кивнул Крампус и почему-то потупился.

Пан Лойзо взял с идеально чистого без пылинки стола сине белую чашку с кобальтовой росписью.

– Фарфор из Цзиндэчжэнь – оценил он – мастер Ли на

этот раз окажется доволен. Ведь один из самых прогрессивных учёных чудесной консолидации, а пить чай, из чего бы то-то ни было, кроме фарфоровых чашек, как это было заведено в Поднебесной, считает святотатством.

Шеф инженер подкинул чашку на ладони. “Some people feel the rain. Other just get wet” – мечтательно пропела она и разлетелась радужными каплями. Крампус бросился их ловить и визжа от восторга жонглировал, пока одна не ударилась о стену. Стена обмякла, скрутилась в высокую волну, а высунувшаяся из неё дельфинья мордочка громко сказала:

– Aqua profunda est queta!

Пан Лойзо щелкнул пальцами и у него в руке снова оказалась целая чашка. Он уложил ее в большую коробку и скормандовал:

– Вот так нужно обследовать каждый предмет. Здесь скопилось слишком много чудесной пыли. А гости начнут прибывать уже завтра после полудня.

Такого весёлого задания Луним не получал еще никогда, они с Крампусом успели уменьшиться и прокатиться на колесе карт, как на американских горках, увидеть в чудесный бинокль живьем пустоши Канзаса, пастбища Новой Зелландии и Эйфелеву башню одновременно и сделать полный круг над кибуцем на вьетнамском зонтике, прежде чем пан Лойзо вычислил и упвковал все бесконтрольные чудеса в свою коробку.

– Рататоск помрёт от зависти, когда я расскажу, как мы здесь отжигали – ликовал Крампус.

– Прежде чем бежать хвастаться – охладил его пан Лойзо – забрось всё это в реактор.

– Не вопрос – сказал Крампус и шмыгнув носом подхватил коробку.

– А это – шеф инженер указал на отложенные в сторону костяной гребень, четки и увеличительное стекло – в мастерскую к Бен Симану, на них какие-то знаки, пусть изучит.

Крампус кивнул и был таков.

Луним возвращался к себе в общежитие в отличном настроении. У входа, чуть в стороне, за кустами, он заметил Раду. Тот сидел на скамейке, склонившись вперёд, и задумчиво держал сигарету.

– Привет! – сказал Луним.

Раду вздрогнул, обернулся – и сразу выдохнул:

– А, это ты. Здорово.

– Вот ты умный мальчик, Раду Шапиру, – Луним подошёл ближе – задачи сложные решаешь, на олимпиады ездешь, а ведёшься на этот тысячелетний мейнстрим.

Раду усмехнулся:

– Ты что, с Луны свалился?

– Угадал, – кивнул Луним. – Моё имя приблизительно так и переводится. Но курить всё равно вредно. И противно впридачу.

Раду посмотрел на сигарету, будто впервые её увидел, затушил о и повертел в пальцах фильтр.

– Чудной ты, Луним. Слушай, а придёшь на дискотеку?

Луним никогда не был на дискотеке, он только помнил, что рассказывал наложник его сестрицы, наблюдавший её с крыши отеля. Громкая музыка и толпа прыгающего народа не казалась ему каким-то заоблачным весельем, но обижать соседа по общежитию не хотелось.

– Когда?

– В последний день саммита, после всей этого официоза. Будет весело, мы играть будем.

– Ты тоже будешь?

– Ну да. Я же в группе, барабанщик. В общем, люди нужны, чтобы не совсем в пустоту играть. Ну что, придёшь?

– Приду – кивнул Луним и неожиданно догадался:

– А ты значит для этого тут курил? Чтобы казаться более крутым, как все музыканты?

Раду только усмехнулся в ответ.

Глава двадцать седьмая

Саванна

Вернувшись в свою комнату в общежитии, уставший Луним скинул обувь и блаженно растянулся на кровати не в силах пошевелиться. Но отдохнуть как следует ему так и не удалось. Почти сразу же раздался требовательный стук в окно и очень знакомый писк:

– Эй, лаборант, выходи!

– Здорово, бестия – приветствовал Луним неугомонный белку – чем на этот раз обязан.

– Выходи, говорю! – повторила Рататоск – устрою тебе приключение, поинтереснее аквапарка в китайской чашке.

– А может завтра? – робко предположил Луним.

– Завтра будет не до этого. Идём скорее отождем повзрослому, пока саммит и все открыто.

Луниму ничего не оставалось, кроме того, как поспешно обуться, и чтобы не тратить время выпрыгнуть в окно и поспешить за белкой, резво прыгавшей с ветки на ветку.

– Рататоск – позвал он наконец – куда мы идём?

– Как куда, в цирк, конечно! Давай, лаборант, не отставай!

Цирковое авизо в виде Александрийского маяка, которое обычно находилось в вестибюле цирка сейчас стояло напротив шатра и почти вдвое превосходило его по размеру.

– Я и не знал, что оно такое большое – удивился Луним.

Белка только плечами пожала

– Оно всегда такое.

– Внутри шатра оно было не больше табуретки, а сейчас это настоящий маяк в полную величину. Ну почти.

– В шатре освещение другое.

– И только то?

– Не только, основная причина – это пространственно-временная сингулярность, удерживаемая постоянным при-

сутствием шкалы чудес в пределах шатра, а также якобиан авизо вне сингулярности. Так понятнее?

– Послушай, Рататоск, ты меня зачем сюда привела, лекции читать?

– Да нет конечно, ты все равно ничего не поймешь – белка махнула лапой и решительно распахнула дверь маяка – хватит болтать, заходи.

Он ещё никогда не был внутри. Маяк оказался обитаем, на стене висела большая интерактивная карта с яркими огоньками, как почти сразу догадался Луним филиалами чудесной консолидации. Включая Кулички их было ровно одиннадцать. На полу из центра маяка вели одиннадцать лучей, десять из них были на равном расстоянии друг от друга, а между первым и последним мог бы поместиться ещё один, но его не было. А в конце первого луча находилась небольшая круглая площадка, от которой широкая спиральная рампа вела вверх под самый под купол. А в темноте купола блестели яркие звёзды.

– Видишь ли, лаборант – неожиданно серьёзно заговорила белка – авизо – это на самом деле межконсолидационный портал, мы все так общаемся уже очень много лет. И все это время филиалов было одиннадцать, наш, как точка отправления и десять прямых дорог к филиалам. Но на чудесном круге, как будто хранилось место ещё для одной. Мы думали, что шкала чудес ещё не определила, где завершить этот цикл. Но недавно я обнаружила здесь новый, одиннадцатый маршрут.

– Поздравляю – Луним зевнул – и ты решила похвастаться именно мне и именно сейчас?

– Шеф инженер давно в курсе, если что. Но, что не говори, я обнаружила одиннадцатый маршрут с твоей лёгкой руки.

– Как это – не понял Луним

– Правильнее спросить не как, а когда. Так вот после твоего заказа я пришла сюда, найти на карте остров Кайма,

на обычной – то карте его нет. А все оказалось куда как проще, эта рампа сама привела меня к адресату. Она на этот раз не закончилась, где обычно, продолжилась ещё на тридцать градусов, ам, где и должен быть последний филиал, понимаешь?

– Нет

– Вот малахольный. Ваш остров это и есть последний филиал чудесной консолидации, но все это время никто его не замечал.

– Не может быть.

– Сейчас сам все увидишь.

Маяк зажёгся и загудел, как крейсер Гримма. Лучи чудесного круга переливались всеми цветами радуги, а на подростке у рампы сама по себе появилась дрезина. Луним от удивления чертыхнулся и на долю секунды почувствовал себя в невесомости Белка ловко ухватила его за толстовку.

– Да осторожнее, лаборант, ты же на карте. Если свалишься в Хайфу, то добираться обратно придется на автобусах. Садись, лаборант, прогуляемся в саванну.

И они полетели по рампе с небывалой скоростью, перед глазами Лунима замелькали тифлиссские купальни, инуитские иглу, пагоды Поднебесной, пока они действительно не миновали рампу и не выехали в субэкваториальную саванну.

– Слезай – скомандовала белка – у меня здесь припрятан более надёжный транспорт.

Она шмыгнула в расщелину старого баобаба и выехала обратно за рулём выдавшего виды колонизаторского джипа.

– Где ты его нашла? – удивился Луним.

– Ну я же профи – важно ответила Рататоск – когда передо мной поставлена задача я не отступаю. Поехали.

И они снова устремились вперёд, на этот раз по более знакомой Луниму местности.

– Опять она – неожиданно насторожилась белка, указывая на золотистую гиену, неподвижно сидевшую на пути.

– Не бойся – успокоил её Луним – она не нападет. Их

сейчас здесь много, эвкалиптовый лунный в саванне самый удачный месяц для охоты, высокая трава больше не скрывает добычу, антилопы становятся заметнее, молодняк уже подрос, но еще не опытный.

– Ну да, ну да – рассеянно проговорила Рататоск, занятая похоже уже совсем другими мыслями.

Луним хотел добавить ещё что-то про золотистых гиен, но в этот момент джип ударился о невидимую стену, за которой внезапно появилась комната. Комната была настоящей, Луним и Рататоск как будто смотрели на нее сквозь прозрачную стену. Мужская комната очень знатного наложника, это Луним определил сразу. Мед тем обитатель комнаты, равнодушно наблюдавший за стеной, тоже их увидел. Он накинул покрывало и сдержанно, но очень обрадовано спросил:

– Это снова вы, сударыня белка?

– Нет – фыркнула Рататоск – это тень отца Гамлета. Принимай гостя.

– Папа – воскликнул Луним.

Больше всего он хотел броситься на шею Лампа, но проклятая стена была слишком крепкой.

– Пап, я так рад тебя видеть! – тараторил он – Ты не поверишь, я теперь работаю лаборантом у шеф-инженера чудес. Это так весело. Я столькому научился. Я так скучал по тебе...

Глаза Даира предательски блеснули, но он сдержался, наклонился ближе к стеклу и заговорил:

– Луним, а вот и ты. Я знал, что ты однажды появишься.

– Папа, – а где ты? Ты же вроде не во дворце? – сообразил вдруг Луним.

– Это летняя резиденция твоей матушки в Солёной долине. Госпожа взяла меня с собой на объект.

– Это хорошо, что матушка о тебе подумала – кивнул Луним и потупился.

Дамир остался совсем один, а он хвалится новой прекрасной жизнью...

– А знаешь, у нас тут тоже настоящие чудеса происходят – снова заговорил Даир – никогда бы не поверил, что такое возможно, но местный кузнец, Эри... по-моему, ему больше двух тысяч лет. Он такие штуки умеет делать, что никакие чудеса с ним не сравнятся.

– Две тысячи? – переспросил Луним.

Даир огляделся и понизил голос

– И он помнит язык Эшуара. Настоящий, древний, мы вместе читаем его книгу.

Луним застыл.

– Подожди... Это же...

– Да, – кивнул Даир. – Ту самую книгу, которую ты потерял в кузнице.

– Значит, она всё-таки нашлась.

– Не просто нашлась, – ответил Даир. – Похоже, она очень долго ждала своего часа. И вот наконец, дождалась.

– Дождалась – эхом повторил Луним и с плохо скрываемым любопытством спросил:

– О чем она?

– Это история, вроде той, что про твоего капитана Блада, только не выдумка, а правда, поэтому немного скучнее. Эшуар плыл из какой-то Адриатики за звездой Рэлата и попал на остров, только и всего. Он ещё как-то чудно её называл, Южный глаз.

Они могли бы ещё очень долго говорить, но Рататоск всё время сидевшая в кабине джипа и деликатно помалкивавшая взглянула на часы и позвала:

– Пора возвращаться, лаборант.

Глава двадцать восьмая

Кодекс Каймы

Хотя принцесса Ния решительно отказала заказчице и не сомневалась в своём решении гнетущее чувство её не оставляло и проснувшись утром она снова прокручивал вчерашний разговор в памяти.

– Если все упирается в цену, то я заплачу больше – твердила самоуверенная северянка, не принимая никаких разумных доводов.

– Палата землепользования в любом случае не даст разрешение на такой сомнительный проект. Атолл совершенно не годится для высотного здания – терпеливо отвечала Ния – деньги не помогут превратить коралловые рифы в устойчивый грунт. Да и чем вам не нравятся идея бунгало?

– Бунгало я и дома могу поставить – не унималась северянка – если дело только в грунте, то что вам стоит предложить мне инженерный проект, а с палатой я сама договарюсь.

– Дело в том, что ваша затея небезопасна и я не хочу в этом участвовать.

– Но я слышала, что есть такой плавающий фундамент – начала северянка – и возможно...

– А про эффект Даннинга Крюгера вы ничего не слышали? – устало спросила потерявшая терпение Ния – мне пора. Всего хорошего.

Северянка обиженно поджала губы и не прощаясь отошла от лодки, позволив принцессе отчалить от берега.

Ния тряхнула головой, стараясь отогнать неприятные мысли и стала думать о предстоящем благотворительный бале в честь Кайминого дня, ради которого и вернулась во дворец. А, выглянув в окно увидела, что во дворе был поднят государственный флаг, а значит дворец встречал дорогую гостью. Наскоро приведя себя в порядок, она поспешила в гостиную и попала прямо в объятия младшей

сестры. Принцесса Мая, высокая, статная, в струящиеся пёстрой юбке в пол и элегантном кремовом пиджаке по детски радовалась встрече с родными.

– Все пользуешься кератином – засмеялась она – по зеркальному? Даже белые у нас плетут брейды, а моя сестрица как обычно главная неформалка острова.

Её дочь Льюта, дождавшись, когда на неё обратят внимание, как положено юной принцессе церемонно протянула ручку и проворковала:

– Как поживаете, тетушка Ния?

– Какая же ты красавица, Льюта. Лиманский типаж.

– Что есть, то есть – согласилась принцесса Мая – у мыса каждая вторая каймочка достойна появления на обложке журнала. Матушка купила там не только папочку, но и счастливый билет генетической лотереи для потомства.

– Закон гиен невозможно не признавать.

– Если только не так радикально, как некоторые.

В вазе на столе уже стояли «каймины бусы», конфеты из винно красного изомальта в несколько слоёв в виде вишнёвых косточек, в некоторых из которых прятались монетки в пять или десять солёных. Дворец всю готовился к празднику.

– Бал ещё через три дня – напомнила Ния – а у тебя дела в столице или просто решила сменить обстановку?

– Не успела приехать и уже надоела старшей сестрице – засмеялась Мая – кстати, та девушка, имевшая виды на твоего сына, не соблазнится ли на моего? Кажется она дочь первой дворцовой советницы. Дашь мне её координаты? Если удастся договориться, то сразу заключим сделку, я привезла мальчика с собой.

– Конечно дорогая, должен же кто-то в королевской семье соблюдать династические браки, если мать и сестра предпочитают закон гиен.

Мая тем временем блаженно растянулась на диване в гостиной и продолжала:

– С детства ничего не изменилось. А я у себя уже раза три сделала перестановку. Однообразие вгоняет меня в тоску.

– Я тоже против стагнации – ядовито сказала Ния.

– Да брось – Мая беспечно махнула рукой, хотя замечание сестры ей пришлось не по нраву.

– Значит вы хороший архитектор, тетушка – неожиданно подметила Льюта.

– Дипломат подрастает – смягчилась Ния – сыграем в каймины бусы?

Они как в детстве взяли из вазы по конфете и стукнулись ими. Монет не было.

– В детстве ты всегда выигрывала – вспомнила Ния, проглотив конфетку.

– вообще везучая – беспечно сказала Мая – а что с настроением-то, кто испортил?

– Заказчица. Не бери в голову. Видимо я не очень хороший архитектор.

– А подробнее?

– Какая-то северная компания решила возвести резорт на одном из атоллов у мыса.

– На атолле не твой уровень – Мая пожала плечами – я бы на твоём месте даже ввязываться в такую ерунду не стала... Постой ка, а что вообще забыли северянки в южной автономии?

– Это просто долгосрочная аренда кораллового острова у мыса – равнодушно отозвалась Ния – ничего необычного, если бы не их нелепый заказ на высотное здание отеля. Я ей говорю, что это не реально, даже с плавающим фундаментом, а она не слушает. Нормы безопасности не для Севера писаны. Ума не приложу, что делать с этой взбалмошной дамочкой.

Мая неожиданно посерьёзнела.

– Мне это не нравится.

– Еще бы. Успокаивает только то, что палата землепользования никогда не даст на это добро.

– Даст, не даст, какая разница. Знаешь, сколько таких атоллов у мыса?

– Сколько?

– Шестнадцать – не задумываясь ответила младшая принцесса – когда-то там жили рыбачки, но давно перебрались в города. И то, что Север проявляет к этим островам интерес плохой знак.

– Почему? – искренне удивилась Ния – если бы заказчицы не упрямились обустроили остров, по-моему, проекту, не менее двадцати процентов рабочих мест на резорте принадлежало бы лиманкам. А по окончании аренды через девяносто лет...

– Никто не знает, что будет через девяносто лет, – обрывала её Мая – ни палата землепользования, ни матресса, ни даже я.

– Хорошо. Что ты предлагаешь?

– Так – протянула Мая – а ты хорошо помнишь кодекс Каймы?

– Не контактировать с Зеркальным миром без необходимости. Хронизм...

– Ничего, этот запрет ты уже удачно провалила. Дальше.

– Трон передается по женской линии в строгом порядке первородства.

– Ну ну... Двенадцатую главу помнишь?

– Не помню – честно призналась Ния

– Не строй ничего выше пальмы – назидательно сказала сестрица – В северной столице, где-то на проспекте Бдительности растет самая высокая пальма острова по ней и равняются все постройки. Ты была на Севере?

– Кайма упаси.

– Большинство домов на Севере четырёхэтажные.

Как пальма удерживается при любом солнечном гневе, Так и добротный маленький дом удержится.

По крайней мере, так писали древние книги. Ещё до всех твоих плавающих фундаментов.

– Осталось только надеяться, что северянки не контактировали с Зеркальным миром в Колумбии и не видели, как высоки бывают колумбийские пальмы.

– Северянки ничего дальше своих наследных устоев не видят – уверенно сказала принцесса Мая – и если твоя заказчица будет продолжать тебя терроризировать, можешь смело отказать по несоответствию двенадцатой главы Кодекса Каймы, тогда уж ей точно нечем будет крыть.

– Это просто соломоново решение.

– Это ещё кто? Опять кто-то из твоих зеркальных коллег?

– До некоторой степени именно коллег – засмеялась Ния – Мая, да ты моя спасительница.

– И не впервые.

– Я ценю.

– Матушка – нарушила идиллию вошедшая принцесса Иния – можно я отмечу праздник с девочками?

– Ты должна присутствовать на балу – спокойно ответила Ния – если хочешь пригласить двух-трех подруг, пожалуйста.

– Дураков мало – хмыкнула Иния

– У тебя впереди будет десять дней каникул. Можешь ходить на вечеринки хоть ежедневно.

– Ну попытаться все же стоило – негромко произнесла девушка и заметила, наконец гостей.

– Тетушка Мая – церемонно пропела она мгновенно изменившимся голосом – очень рада! Привет, Льюта! Сыграем в каймины бусы?

Девушки ударились конфетами, Льюта подобрала блестящую монетку и спрятала в бисерную сумочку.

– Сумка огонь – отреагировала Иния – это новая коллекция дома Кьям?

– Нет, я сама сделала – ответила Льюта – и вам с сест-

рицей тоже. Кстати, а где она?

– Ниярэ? На чердачке, наверно своём. Все рассматривает звёзды.

– Это захватывающее хобби – как всегда дипломатично реагировала принцесса Льюта.

За обедом все ещё возбуждённая неожиданной новостью принцесса Мая спросила напрямик:

– Матушка, что же творится? Я случайно узнаю, что острова нашей автономии разбазариваются направо и налево. Вы же понимаете, что это очень опасная тенденция.

– Я бы не стала так драматизировать – спокойно ответила королева – это не более чем гостиничный бизнес. Почему бы мысу не заработать на пустующих островах?

– Я не настолько оптимистично смотрю на ситуацию – не сдавалась Мая – для меня это уже не гостиничный бизнес, это фактически присутствие Севера в наших территориальных водах.

– Насколько мне известно, северная компания строит на атолле резорт?

Принцесса Ния неохотно кивнула

– Сегодня резорт, завтра верфь, а послезавтра что? Военная база? – потеряв терпение выкрикнула принцесса Мая – и таким рано или поздно это приведёт к ползучей экспансии автономии. Этого нельзя допустить.

– Север подомнет под себя самобытность мыса – наконец-то подала голос Ния.

– И займет значительную часть южной гавани – добавила её младшая сестра.

– Нельзя забывать, что очень много южанок – заговорила, наконец, королева – совершают паломничество к Храму мудрости, который как известно, находится под контролем Севера. И с тех пор, как был заключён Пакт свободного пути, ни одна южная паломница не сталкивалась с препятствиями на дороге к Храму. При малейшем волнении ситуация изменится и в ближайший день Нии мудрой может

случиться неожиданная трагедия.

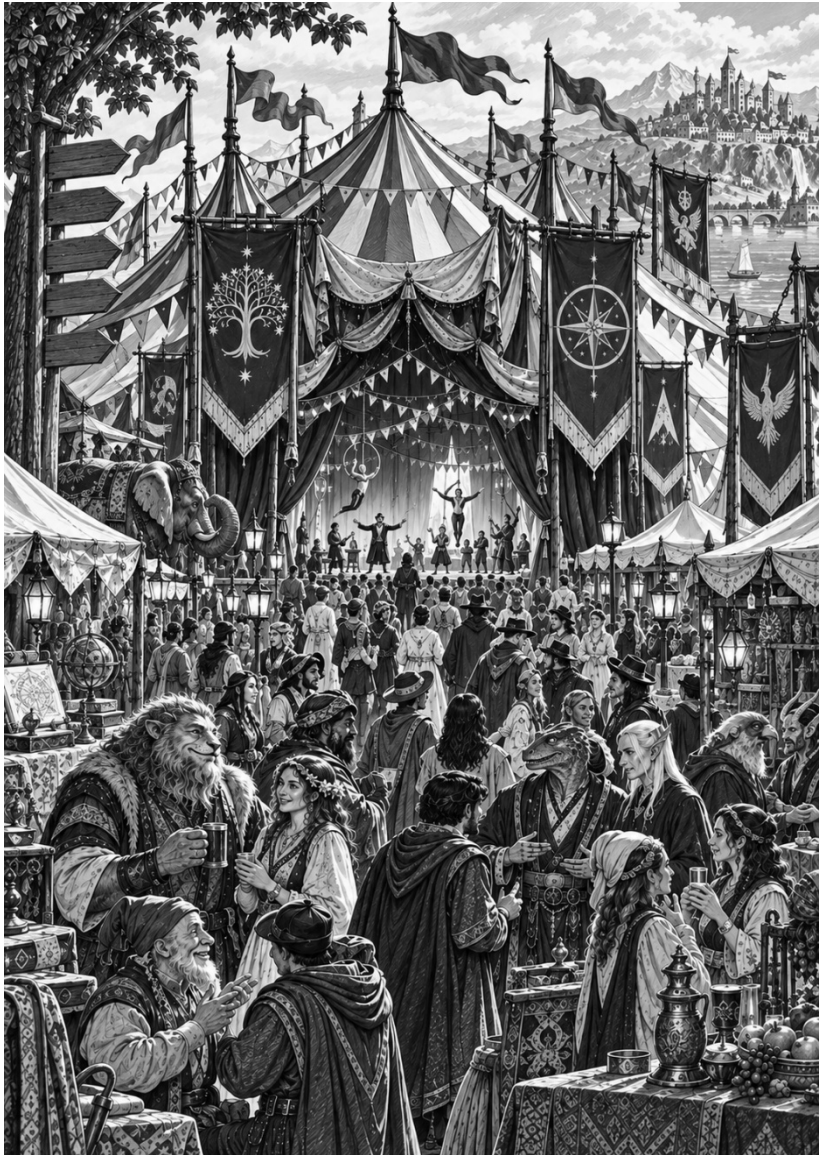
– Лично я не отмечаю ниин день с тех пор, как покинула дворец – Мая пожала плечами – я светский человек.

– Дело твоё, а тридцать два процента южанок считают себя религиозными и их права должны соблюдаться.

– Но Южная Кайма светское государство и не должно потакать манипуляциям страны религиозного диктата.

– Если один маленький атолл избавил нас от выбора между эскалацией конфликта и ущемлением прав верующих, то мы им пожертвует без трагизма – резюмировала королева – и больше к этой теме попрошу не возвращаться. На ужин я пригласила первую советницу с дочерьми, обсудите сделку, я думаю, они будут очень рады породниться.

– Выходит, попали между и и рэ? – задумчиво сказала Мая – ещё и парламент уходит на каникулы. Но будьте уверены, после праздников я сразу же поеду к матрессе и поставлю вопрос ребром.

Глава двадцать девятая

Саммит чудесной консолидации

Кибуц Кулички и в обычное время сложно было назвать годным для достижения дзена местечком, но сегодня суета достигла просто вселенских масштабов. Над Куличками даже кипарисы шелестели по-праздничному, и кузнечики стрекотали самый весёлый марш. Местные обитатели в приподнятом настроении собирались у цирковой палатки.

– Осторожнее! – неожиданно раздался возмущённый писк.

– Ой, извините уважаемый пожалуйста – ответил голос Виктора.

– Извините – сердито передразнил его Си Бемоль – если я маленький это еще не значит, что со мной можно толкаться

Пан Лоизо стоящий у флаговой композиции поднял конька и усадил себе на плечо. Мелькнувший в толпе Крампус увидев это, показал большой палец куда-то вверх, я машинально поднял голову и разглядел Рататоск на крыше шатра. Белка сделала вид что её это всё не касается и отвернулась.

Цирковое авизо в форме Александрийского маяка стояло напротив шатра в центре кибуца, а вокруг активно подтягивались местные обитатели всех мастей в приподнятом настроении. Я огляделся по сторонам. Нарядный Илюха задумчиво грыз яблоко и наблюдал за происходящим с видом человека, который уже давно перестал удивляться чему бы то ни было, Павла что-то быстро печатала в планшете, еле заметно шевеля губами – Успели – радовался Менаше – как удачно последнюю лекцию отменили. И одиннадцатый вовремя пришёл.

– Конечно удачно, Стефан же с нами – кивнул я.

Илюха меж тем достал из кармана десятишекелевую монетку, две двушки и спросил:

– Папа, тут хватит Полтергейсту на домик?

– Конечно, – сказал доктор Арик. – После всей этой метушни поедem в Хайфу в зоомагазин и выберем Полтергейсту самый лучший домик.

– Зачем Полтергейсту домик? – Павла подняла глаза от планшета – Ему и на диване неплохо живётся.

– Чтобы прятаться, если гроза, – сказал Илюха.

– Или эмоциональное выгорание, – добавил доктор Арик. – Всем иногда нужно место для уединения, даже коту.

– Ну как знаете – согласилась Павла – как я выгляжу?

Оба её мужчины не сговариваясь подняли вверх большие пальцы:

– Во!

– Круче, чем Лалейка – сказал Илюха.

– И Сальма Хайек – добавил доктор.

– Ума у вас одинаково – вздохнула Павла.

– Да, – серьёзно согласился Илюха. – У папы тоже много.

– Вот так-то – победно закончил доктор Арик.

Спорить было некогда и Павла бросив на обоих многозначительный взгляд поспешила встречать гостей. – Мама волнуется, – шепнул доктор Арик.

Он поднял Илюху на руки, чтобы тому было лучше видно. Маяк вдруг зажёгся, дверь распахнулась, пан Лойзо гостеприимно улыбался, Павла что-то быстро сверяла в своем планшете. Из маяка вышла молодая женщина-воспоминание в длинной ярко красной юбке из плотной ткани и белоснежной блузке с красным платком, перекинутым через левое плечо. За ней шагали два инженера с флагами. Женщина взяла правую руку директора цирка и приложила к своему лбу, подошла к пану Лойзо и сделала то же самое, потом они тепло обнялись с Павлой.

– Махарлика, очень рады!

Как только филиппинская делегация скрылась в шатре маяк зажёгся снова.

– Здравствуйте, мастер Ли! – пан Лойзо уже приветство-

вал нового гостя – Как добрались?

Мастер Ли сложил ладони перед грудью и слегка склонил голову.

– Благодарю. Небо было к нам благосклонно.

– А вы, молодой Фэн?

– Честь сопровождать учителя облегчает любой путь – просто ответил молодой китаец.

Маяк зажёгся в очередной раз, на этот раз вышли трое.

Первым появился высокий худощавый человек похожий на испанца с тонкими усами и цепким взглядом, одет он был с безупречным вкусом, хотя и немного вычурно. Человек сдержанно поздоровался и оглядел присутствующих так, что у меня холодок пробежал по коже. Второй был его полной противоположностью, приветливый, круглолицый господин, он немедленно расплылся в улыбке, направился к представителям Куличек и горячо обнялся с каждым из них.

– Нас ждут, Теодор, – напомнил высокий.

– Да да, к-конечно – быстро произнес круглолицый и поспешил к шатру.

Третьим оказался мужчина помоложе – смуглый, черно-волосый. Он задержался на пороге и негромко спросил, с едва уловимым южным акцентом:

– Простите... возможно ли будет посетить резиденцию Бен Бецалеля?

– Обязательно – пообещала Павла и что-то пометила в своем планшете.

– Это что же, – удивлённо пробормотал я – это же...

– Да – кивнул Стефан – это именно они. Чего так разволновался?

От ответа меня избавил неожиданно появившийся Луним, который как ни в чем не бывало весело сказал:

– Привет! А вот и вы!

– Привет, Луним! Видал какое авизо на самом деле огромное?

– Ну видал, мы ещё вчера катались там с Рататоск на дрезине.

– Прикалываешься?

– Нет. Вечером всё расскажу.

А на Кулички тем временем прибывали все новые гости.

– Инуиты – сказал Луним, – указывая на людей с канадским флагом в длинных шубах на тридцатиградусной жаре – а это баски, у них когда-то тоже был матриархат, но он со временем редуцировался.

– Что-то Аристарх задерживается – задумчиво сказал директор цирка – последний остался.

– Как обычно, – кивнул пан Лойзо – ждать будем до...

Но на маяке уже загорелся свет.

– Праве так, пока мир не родится заново – быстро под- сказала Павла

– Правда, так, пока мир не родится заново.

Дверь открылась, и мы увидели настоящего древнегреческого алхимика. Он носил гиматий из мягкой, плотной ткани перехваченный у плеча бронзовой фибулой, по краю шла тонкая кайма с меандром, вытканным тёмно-синими нитями. На талии алхимик носил узкий кожаный пояс, в который были продеты мешочки с порошками, миниатюрные колбочки и плоский бронзовый ключ от волшебной лаборатории. Алхимик поднял правую руку ладонью вперёд, слегка наклонил голову, и церемонно изрёк:

– Χαῖρε, φίλοι! Радуйтесь, друзья!

– Может ко мне? – предложил Луним, когда все участники саммита скрылись в шатре – торжественная часть только завтра, чего здесь зря топтаться?

Мы согласились.

Под деревом сирийской груши сидели Крампус и Рататоск.

– Эй, лакримозыч, – позвала белка – идите сюда.

Прямо на траве была разложена полевая радиостанция времён британского мандата Wireless Set No. 19 блокнот с

частотами и пустая жестяная кружка. Чуть поодаль стояла брезентовая палатка.

– Откуда у вас все эти приبلуды? – спросили мы почти в унисон.

– Нет такой вещи во Вселенной, которую Крампус бы не смог свистнуть. Из музея подполья. Завтра утром, пока его ещё не хватились, вернём назад. Садись, будем слушать.

– Нет, уж – сказал я – мы в этом не участвуем.

– Ваше ханжеское право – невозмутимо реагировал Крампус – кто мы такие, чтобы предоставить вам возможность узнать все самое интересное?

– Все равно рано или поздно узнаем.

– До греческих календ прождете.

– Ну ладно – примирительно сказал Луним – а палатка-то вам зачем?

– У всех радистов так – зашипела на него белка – ты что, лаборант, правила не уважаешь? Хочешь, чтоб мы окончательно запутались?

– Не кипятись, Рататоск – сказал Менаше – он просто шпионский фильмов никогда не смотрел.

– Да – тихо вы – прикрикнул Крампус, – они начинают.

На саммите обсуждали переработку чудесного материала.

– Ядерный реактор Мартинца на мирациевых нейтронах очень облегчает работу – говорил кто-то из инженеров. Мы в своем филиале установили две чудесные антенны. Большинство чудесных реакций идёт примерно на тридцать процентов быстрее.

– К сожалению антенны установлены пока не в каждом филиале – сказал директор цирка – но мы гарантируем.

– Нет и нет – взорвался алхимик Аристарх – я не допущу засорения критской шкалы чудес вмешательством извне.

– Но так действительно быстрее – горячо запротестовал молодой китаец.

– Старые способы служили нам хорошо, – вмешался мастер Ли, не давая разгореться конфликту – Но, как говорят у нас, задние волны Янцзы толкают передние.

– Но в нашем сообществе прогресс шагает слишком уж резво. Мы венцы творения шкалы чудес никогда не разгадаем ее великий замысел. Однако некоторые из нас позволяют себе непростительные вольности в служении ей. Вот вы, уважаемый, для такой незначительной во вселенском масштабе цели, как открытие цирка сматрицировали трупшу из простых смертных. И все ваши сотрудники туда же. Внук шеф инженера является носителем митохондрий лакримоз, а агент по снабжению Куличек не кто иной, как его же злой дублёр.

– Крампус замечательный снабженец, лучше и быть не может – спокойно ответил пан Лойзо.

Крампус самодовольно шмыгнул носом.

– Г-голубчик, да как вам не с-совестно, – накинулся на критянина Федор Семионович вы же находитесь на н-научном совете, а проповедуете какое-то м-мракобесие.

– Я хочу двигаться от хаоса к космосу, а не наоборот

– Какой мерзкий тип – шепотом сказал Менаше.

– Точно – поддакнул Стефан.

Повисла пауза.

– Господа, по-моему, мы отвлеклись от протокола – заговорила, наконец, Павла

– Ваша правда, дорогая – ответила миловидная филиппинка – так что вы хотели сообщить нам, Алоиз?

– Два момента. Во-первых, на чудесной карте недавно был замечен, ранее никак не проявлявшийся одиннадцатый маршрут.

Кто-то громко ахнул.

– И менее интересный, но тоже очень серьезный сигнал, консолидацию накрыл дефицит бовического изотопа мирации. Наш специалист бовических чудес вынужден заниматься нуклеосинткзом вручную.

– Я даже не удивлен. Этот ваш специалист – снова начал Аристарх.

– Он отлично знает свое дело – голосом, не терпящим возражений, реагировал директор цирка. Продолжайте, Мартинец.

– Конечно – сказал пан Лойзо – а для особо любопытных обитателей Куличек пока прозвучит колыбельная Иоганнеса Брамса, опус сорок девятый, номер четвёртый. Приятного прослушивания.

Зазвучала тихая убаюкивающая музыка.

– Это что ещё за шутки? – Крампус нажимал на все рычаги подряд, но музыка не прекращалась. Хватило его, надо сказать ненадолго.

– Да какая разница что они там болтают, главное, чтобы угощение вовремя подали – с этими словами замечательный снабженец растянулся прямо на траве.

– И орехов побольше – сонно поддакнула Рататоск.

Я хотел сказать друзьям, что пора уходить, но язык перестал меня слушаться, а глаза сами начали слипаться и я погрузился в глубокий сон.

Глава тридцатая

Дискотека лакримоз

На полянке с амфитеатром, известную нам по празднованию Пурима неприкаянно топтались Марик и Раду.

– Вы что тут стоите? – спросил у них Стефан.

– У нас ложек нет – пояснил Марик, кивая на дежурившего у входа Крампуса, – если он хотя бы предупредил заранее – а так и в столовой уже все разобрали, пока мы таскали оборудование.

– Ложки, ложки, показывайте ложки – голосил Крампус – без ложек вход воспрещён.

– Крампус возмутился Стефан – это что ещё за дискриминация?

– Распоряжение мамзель Лалейки – непреклонно ответил чёртик – без ложек не пускать. Где, кстати, ваши ложки? Или показывайте ложки или не задерживайте очередь

– Мы музыканты – начал было Раду – без нас здесь ничего играть не бу...

Рататоск пронеслась мимо, размахивая половником.

– Эй куда с такой бандурой – крикнул Крампус.

– А какие проблемы-то? Это моя самая любимая ложка ей тоже хочется потусить.

– Да она там всё варенье выхлебает, а подумают на меня – озадаченно пробормотал Крампус, но пост не бросил

Стефан хорошенько сосредоточился и выхватил из воздуха новенький столовый набор.

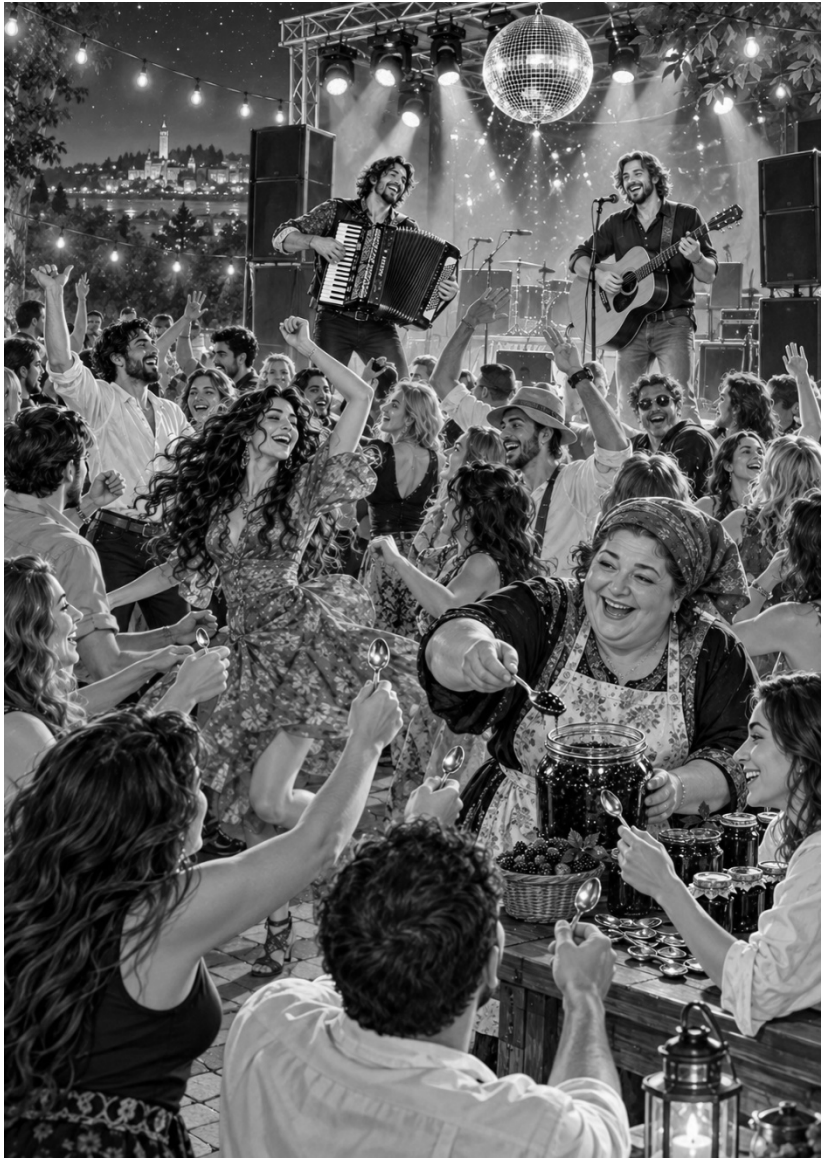
– Успокойся Крампус! – сказал он – Здесь шесть, как и положено, а с господами артистами нас ровно шесть.

– Как чувствовал третьего дня свистнул – смягчился Крампус – ладно уж заходите, но утром вернёшь.

– Само собой – кивнул Стефан.

Луним был уже внутри, он поспешил к нам и облегчённо сказал:

– Уф, а я уже опасался, что вам ложек не хватит.

– Вон за кого надо переживать – усмехнулся Менаше, кивная на несчастный дуэт, наскоро делающий последний саундчек.

– Сейчас начнется – сказал Луним – идёмте поближе.

Раду ловко подкинул барабанную палочку и отбил соло. Марик с гитарой наперевес прыгнул на сцену. Юркий Крампус был уже на месте.

– Лакримозы, леди и джентльмены! – громко крикнул он в микрофон

– И белки.

– Да. И грызуны. Я МС Крампус и я буду краток, начнём веселье! Чур, я первый!

И он затянул частушки на мотив «Десяти негрятят»:

Марик с Молдаванки и Раду из Молдовы

Свистнули на ферме железную подкову.

Семь лакримоз сидели и смеялись,

Одна с подковой смылась, шесть сидеть остались.

Солнце закатилось, сидели, грызли сушки,

В пруду возле беседки заквакали лягушки.

Шесть лакримоз пустились танцевать,

Лалейка сбила каблучок – и их осталось пять.

Пять лакримоз решили стать крутыми,

Как Крампус на Куличках и гладиатор в Риме.

Одна сцепилась с Рататоск на боевом турнире,

Споткнулась о бескрайний хвост –

в финал вошли четыре.

Марик из Одессы и Раду-Одиссей

У ручья на пирсе ловили карасей.

Четыре лакримозы их лодочку украли,

Сели и уплыли – и никого не стало.

Он ещё долго бы кривлялся, но не все оказались к этому готовы.

– Да какой ты МС, иди пиявок паси, – ехидно выкрикнула белка, прыгая на сцену – Выступает неподражаемая Рататоск! Музыку, маэстро.

Раду кивнул, а белка распушила свой необъятный хвост и запела песню из «Титаника».

– Это что же, Рататоск поёт? – удивлялись лакримозы. – Какой у неё, оказывается, красивый голос.

– Особенно когда никого не подкалывает.

Виктор и Питанга виртуозно извиваясь танцевали бразильский звук, очень красивый танец, если уметь его танцевать. Эти двое определено умели. От Питанги все этого и ждали, но и неспортивный на первый взгляд Виктор не отставал.

Праздник явно удался на славу, Рататоск берет самые сложные ноты, Виктор выдает самые сложные кульбиты. И только один из присутствующих как обычно был недоволен.

– Ну кто ещё сегодня собирается горлопанить? Кот Полтергейст? Или может быть попугай новой фитнес тренерши? – возмущался конёк Си Бемоль, уцепившись хвостом за яркую гирлянду – Когда наконец наша песня?

Крампус как будто услышал это едкое замечание и снова завладев микрофоном выкрикнул:

– Кто-нибудь ещё желает бросить вызов рыжехвостым? Что, смельчаков нет? Тогда поехали!

Он запрыгнул за диджейский пульт и положил ладонь на виниловую пластинку. Вертушка завертелась, раздался упругий бит.

Раду поймал ритм и ударил по барабану. Марик тут же подхватил его на гитаре.

– Вот теперь, – довольно сказал Крампус, двигая фейдер, – можно по-настоящему начинать!

Когда публика уже достаточно разогрелась, после очередного трека Раду жестом попросил внимания, встал и взял микрофон.

– Друзья – сказал он – в мире столько прекрасных мест, куда вы сегодня беспрепятственно могли отправиться. Но вы пришли сюда, за что мы с коллегами вам бесконечно благодарны. И у нас есть для вас подарок, премьера нашей песни на стихи лучшего поэта Куличек, конька Си Бемоля. А помочь нам любезно согласились наш горячо любимый МС Крампус, обладательница прекрасного голоса Лалейка Критская и неподражаемая Рататоск, бэк вокал.

Танцпол загудел, а Марик добавил:

– И если что-то пойдёт не так, прошу иметь в виду, мы все очень старались.

Прекрасная лакримоза Лалейка тем временем грациозно скользнула на сцену, взяла микрофон и зазывно промурлыкала:

Эй, привет!

У ангелов и хулиганов есть общий секрет.

Мы открываем вам двери, мы отключаем вам свет.

Привыкайте мечтать и любить,
эта ночь обещает быть длинной.

Эй, привет! –

уже более окрепшим голосом пела Лалейка –

Этот сказочный город из дымных густых пирамид

Выбирает сегодня тебя,

ты ему и Афина Паллада и Заха Хадид.

Отыщи свою музыку в хоре гудящих орбит

И пусти по гончарному кругу из облачной глины.

Вот так!

Мы снова растворяемся в ветрах,

Улицах, районах городах,

Зажигаем с вашими мечтами.

Вот так!

Отгоняйте неуместный страх.

Музыка не держится в руках
И всем сегодня по дороге с нами...

Эй, привет!
Знаешь как под крылом Анаэля сбивались с пути?
А ты в этой пустыне им и Регентруда и Сарасвати.
Не сворачивай с курса и просто бесстрашно свети,
Только так и становятся здесь путеводной принцессой.

Свет!
Ты уже различает сигналы далёких планет.
Ты настолько свободна, что даже сомнения нет
И стирается в сумрачном небе любая завеса.

Осмелевшая Лалейка закинула за плечо золотистую
прядь, уверенно продефилировала по краю сцены и громко
крикнула в микрофон:

– Зажжём танцпол, ребята! Марик и Раду рулят!

Вот так!
Мы снова растворяемся в ветрах,
Улицах, районах городах,
Зажигаем с вашими мечтами

Вот так!
Вітер розійшовся не на жарт!
Nu e gluma – totul e curat!
И всем сегодня по дороге с нами!

Танцпол взорвался аплодисментами, Лалейка раскинула руки, триумфально помахала микрофоном, и я увидел, что на платье у неё была карта звёздного неба с Альдебараном на блестящей пряжке.

– Ну привет, Фомальгаут, давно не виделись – неожиданно сказал стоящий рядом Виктор.

– Где здесь Фомальгаут – спросил я – что-то я не вижу.

– Да вон он, прямо на пряжке у сеньориты Лалейки.

– Это же Альдебаран – сказал я, недоумевая, как Виктора его на редкость широким кругозором умудрился сделать такую смешную ошибку.

Глаза Виктора мгновенно округлились.

– Альдебаран – совсем в другой стороне, дружище. Эй, Питти – позвал он – какая звезда на пряжке у певицы?

– Фомальгаут на пряжке – не задумываясь ответила подошедшая Питанга – и Денёб, там, где должен быть кулончик. Очень креативное решение.

Совершенно сбитый с толку я позвал:

– Ребята, эй, идите сюда. Какую звезду вы видите на пряжке у Лалейки?

– Альдебаран – уверенно ответила подоспевшая Раечка – к северо-западу от Бетельгейзе.

Менаше на секунду задумался и сказал:

– А, по-моему, это Вега, смотрите, как отдает голубишной.

Все повернули головы к Луниму, как будто ждали от него единственно правильного ответа

– Это звезда Нии мудрой – просто ответил он – в Зеркальном мире она, кажется, называется Сириус.

– Сириус значительно севернее – возразил Виктор – его здесь даже не видно. На пряжке Фомальгаут, его мерцание ни с чем не перепутать.

Стефан, танцевавший со всеми лакримозами по очереди подошёл последний

– Что тут у вас за разборки? – спросил он.

– Послушай, Стефан, ты успел разглядеть, какая звезда у Лалейки на пряжке?

– А никакая – засмеялся Стефан – это вы попались на дедушкин фокус, эффект астрономической константности.

– А попроще?

– Заколдовано платье, каждый видит на нём небо своего детства, только и всего. Ладно, пошли к Лалейке, поздравим с премьерой, и она ещё какой-то сюрприз обещала.

Музыка играла уже в динамике и большинство присутствующих потеряли к ней интерес и столпились вокруг Лалейки, Раду и Марика, у которого на плече сидел Си Бемоль. Их поздравляли, уверяли, что песня бомба и у команды большое будущее. И тут я наконец понял для чего Крампус проверял эти разнесчастные ложки. Лалейка поставила перед собой небольшой горшочек с ежевичным вареньем и сказала:

– Давайте начнем. Кто первый?

Первый был Раду, он почерпнул своей ложкой варенье и подал её лакримозе.

– Ну, ничего примечательного, выиграешь ещё парочку олимпиад – сказала та, пробуя лакомство – и, пожалуй, все на ближайшее время.

Марик протянул Лалейке свою ложку и она, съев варенье, отрицательно помотала головой

– Нет, Нетта Барзилай с вами пока выступать не будет. В этом году точно.

Конёк Си Бемоль почерпнул варенье маленькой пластиковой ложечкой для мороженого и сказал:

– А теперь мне погадай, Лалейка.

– Ммм... – протянула она – скоро исполнится твоя мечта.

– Неужели выйдет мой авторский сборник?

– Не сомневайся – уверенно сказала лакримоза – Кто следующий?

– Я – вышла вперёд Раечка.

Она почерпнула варенье, и Лалейка, пробуя его понимающе кивнула:

– Слушай, а это мысль! Думаю, ребята одобряют, нам же ещё YouTube покорять.

Сестрица, сияя отошла.

Когда очередь дошла до Лунима, Лалейка по обыкновению слизнула немного варенья и сразу же проглотила всё разом.

– Дай еще – попросила она – у тебя самая вкусная ложка сегодня. Тебя совсем скоро ждёт что-то большое и удивительное.

Пораженный Луним протянул прекрасной лакримозе ещё одну ложку варенья и отошел.

– Всё правильно – шепнул ему Менаше – ты же будешь поступать на подготовительный курс в этом году.

– Ах вот оно что – успокоился Луним.

Глава тридцать первая

Озарение

Самая унылая вещь во Вселенной это после затянувшегося веселья возвращаться к обыденности. С этой мыслью Луним сидел в библиотеке и изо всех сил делал вид, что размышляет над задачей о двух автомобилях, двигающихся в противоположных направлениях.

– Соберись – терпеливо говорил Гастон – вступительный экзамен уже скоро. Из точки А в точку В...

– Проложили Суэцкий канал – неожиданно выпалил Луним.

– Что?!

– Прости, пожалуйста, Гастон, ты не напомнишь, когда появился Суэцкий канал?

– Примерно в середине позапрошлого века. Но Суэцкий канал тебе на экзамене не поможет.

– А без него, чтобы попасть в Индийский океан мы должны были бы обогнуть Африку?

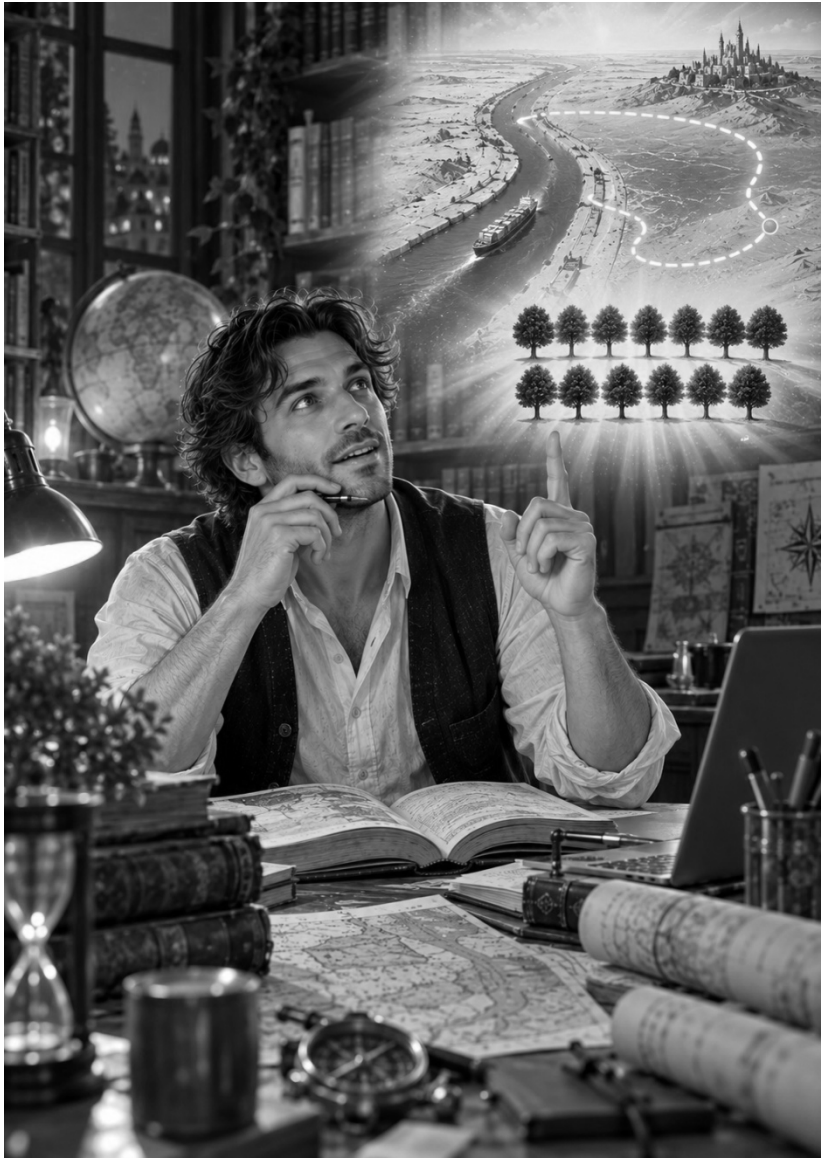
– Именно. Через Гибралтарский пролив. И если тебе так больше нравится, лови новую задачу, когда встретятся два лайнера, один из которых стартовал от мыса Доброй Надежды и с крейсерской скоростью направился к берегам Красного моря, а второй в это же время и с этой же скоростью вышел из Хайфского порта по направлению к Мадагаскару, если о существовании Суэцкого канала капитанам не известно?

Но мысли Лунима были где-то далеко от математики, и он продолжил странные расспросы:

– А если Хайфский лайнер сделает остановку в Бразилии, матросы на собирают ягод, и на остров попадет косточка, сможет вырасти дерево?

– Если чисто гипотетически, то может.

– А чисто гипотетически двенадцать деревьев в кяду?

– Ну ты, конечно, мастер ставить в тупик – покачал головой Гастон – чисто гипотетически такая вероятность намного ниже, но, если дерево несколько лет растет в дикой природе опавшие ягоды, откатившиеся значительно дальше от материнского дерева, могут прорасти и образовать небольшую рощу. А при чем здесь это?

Луним пожал плечами:

– Просто интересно.

– Вот именно. Концептуальности тебе недостает, Луним. Концептуальность состоит в способности отличать важное от интересного.

– Да, ты прав, в Зеркальном мире столько всего необычного, что я увлекся. Какое там условие задачи?

В этот раз Луним был довольно прилежным, и они решили ещё с десятков задач, прежде чем Гастон объявил, что на сегодня хватит. Наскоро поблагодарив своего наставника Луним сел перед монитором и дрожащими от нетерпения руками, набрал Фомальгаут.

Глава тридцать вторая

Путь Эшуара

Самая унылая вещь во Вселенной это после затянувшегося веселья возвращаться к обыденности. С этой мыслью я пил кофе и лениво поглядывал на разбредающих по аудиториям студентов в ожидании Менаше. Летучий самаритянин сегодня был просто вальяжно плывущим и отнюдь не на самой высокой скорости приблизился и сказал:

– Здорово!

Мы пожали руки и уже приготовились идти на лекцию, как подлетел запыхавшийся Стефан.

– Парни, общий сбор. Вечером на Куличках, в нашей беседе.

– Что за спешка – спросил Менаше.

– Луним что-то нащупал – Стефан потряс смартфоном для убедительности.

– А это что-то не потерпит до выходных?

– Кажется нет – помотал головой Стефан – и Лалейка предсказала ему что-то грандиозное. Лично я лакрिमозам верю, не знаю почему, но их варенье никогда не ошибается. Значит после лекций на остановке? Ну я побежал, мне ещё батареек для фонарика надо купить.

Скуку как рукой сняло.

– Договорились – крикнул ему вслед Менаше – общий сбор в нашей беседе.

– Давненько не бывали – добавил я.

– Ну, что у тебя такого срочного приключилось – спрашивали мы Лунима, сидя в беседе.

– Когда пан Лойзо усыпил нас под деревом – начал Луним – я ничего не успел вам рассказать. А потом вся суматоха, банкеты, презентации, дискотека, было не до этого. Все началось с авизо. Накануне саммита Рататоск привела меня внутрь и показала основные направления на карте. Там было двенадцать лучей, один, наш, он указывал на Кулички,

десять вели в разные филиалы консолидации, а одиннадцатый пустовал. Рататоск утверждала, что это дорога на наш остров, он и есть двенадцатой филиал консолидации. Но мы не смогли туда попасть. То есть мы видели моего папу, но общались через прочный прозрачный барьер.

– Вот так история.

– А потом на празднике лакримоз, на пояске у Лалейки каждый увидел самую яркую из звезд, приближенных к зениту неба его детства. Я понял это, когда понаблюдал за Вегой. Менаше назвал именно её, потому что всегда здесь жил.

– Это да – кивнул Менаше – кто всегда здесь жил, так это самаритяне, при евреях, римлянах, византийцах, халифах, крестоносцах, мамлюках, османцах, англичанах и снова евреях.

– Молодцы – кивнул Луним – но дело не в этом. Дело в том, что бразилец Виктор назвал Фомальгаут. Он ещё сказал, что эта звезда южнее Сириуса и её мерцание ни с чем не перепутать.

– И что?

– Я узнал эту звезду. Виктор называет ее Фомальгаут, а у нас на острове она называется Рэлата, дальне-близкая звезда. Во времена Каймы Великой пират по имени Эшуар хотел захватить наш остров, но потерпел поражение. Во время нашей последней встречи папа рассказал, что именно за этой звездой Эшуар из Адриатического моря приплыл на остров. Он писал об этом в своем бортовом журнале. Островитянки ее не любят, считают, что разглядывать Рэлату на небе дурной знак, а вот сословие кузнецов, а это и есть потомки Эшуара поклоняются ей.

– Сколько же этот Эшуар провел в пути – задумался Менаше – должно быть несколько лет.

– Вот именно, ведь во времена пиратов Адриатики Суэцкого канала ещё не было, ему, по всей вероятности, пришлось обогнуть Африканский континент. И если он следовал за Рэлатой, то есть за Фомальгаутом, значит однажды он

привел корабль к берегам Бразилии.

– Не исключено.

– Да точно. Это была эпическая война за остров и естественно за много лет она обросла кучей сомнительных легенд, но есть одна, самая любимая на острове на месте последнего боя Каймы и Эшуара проросло двенадцать деревьев кайминой вишни, которые и венчали ее победу. И все бы ничего, но каймина вишня – это та самая ягода, которую в Бразилии называют питангой. Эшуар или кто-то из его экипажа ел эти ягоды и потерял косточку на острове.

– Что логично предположить – кивнул Менаше – а дальше то что?

– Да то, что мы с Рататоск все перепутали. В маяке под куполом была карта звёздного неба и если бы мы поехали не по направлению двенадцатого луча, а взяли бы курс на Фомальгаут, мы бы попали на остров.

– Луним – осторожно сказал я – только не говори, что ты предлагаешь это проверить.

– А что – обрадовался Стефан – пойдем, когда стемнеет, фонарик у меня есть. Ави́зо, кажется ещё не убрали обратно в шатёр, поэтому надо поторопиться, иначе до греческих календ будем ждать такой возможности.

– Любопытное местечко – Менаше оглядывался в маяке.

– А вон Рэлата – Луним поклонился и прошептал что-то по каймски. – Ну а что, папа всегда так делает.

Мы только плечами пожали, мол свободу вероисповеданий никто не отменял.

– Давай, показывай, как тут все работает? – нетерпеливо сказал Стефан.

– Надо просто встать на площадку у края рампы и подождать пару секунд. Только осторожнее, падать с нее опасно.

Лампочки маяка загорелись, все детали этого удивительного механизма активно включились в работу. Под нескончаемый гул у края рампы появилась небольшая дрезина.

– Как мы здесь поместимся вчетвером?

– Надо как-то постараться.

Но когда мы наконец с грандиозными усилиями разместились на никак не рассчитанном на четверых транспортном средстве, дрезина устремилась по рампе с такой скоростью, что мы, цепляясь друг за друга в первую же секунду своего чудесного путешествия полетели вниз в самую глубину неизвестность.

Приземление оказалось на удивление мягким. Я открыл глаза и увидел каменные стены узкого коридора, расписанные бесконечным меандром.

– Ребята – позвал я – вы тут?

Из-за стены вышли Менаше и Стефан, с другой стороны, подбежал Луним.

– Где это мы? – спросил он

– Кажется на Крите.

– Вот невезуха, – сказал Менаше – из всех филиалов консолидации угодили в самый запутанный. Неудивительно, что Аристарх прибыл на саммит последним. Как он вообще находит отсюда выход?

– Меня, честно говоря, сейчас больше занимает, как мы найдем отсюда выход.

– Найдем, Стефан же с нами. Главное не стоять на месте.

– Давай, Стефан, веди.

И этот момент над лабиринтом разразился могучий бычий рёв.

– Менаше – спросил я, собирая воедино остатки самообладания – напомни, как на латыни будет семейство порогах.

– Bovidae. Смотрю, ты тоже догадался куда пропадает весь бовический изотоп мирация?

– И почему фрейр Снорри никак не может создать Аудумлу.

– Даже после того, как пан Лойзо привез ему из Тель Авива коллайдер – напомнил Луним.

– А что толку в коллайдере, сырьё то нет.

– Не паникуем – сказал Менаше упавшим голосом – как вы думаете, это чудо.

Стефан кивнул.

– Наверно Аристарх когда-то по неопытности создал его, а теперь здесь ото всех прячет. Вот и антенны наши поэтому не стал устанавливать.

– И скармливает ему мираций, чтобы задобрить.

– Зачем же от тогда нёс всю эту околесицу о чистоте чудесной шкалы на саммите, – спросил Луним – если у самого рыльце в пуху?

– А Зевс его знает – пожал Стефан плечами – хотя странно, что дефицит мирация стал замечен только недавно?

– Чудо разрастается и мирация требуется все больше и больше, – продолжал Менаше, – Стефан, ты же говорил, что любое чудо, это гидрид мирация?

– Ну да.

– А большинство гидридов устойчивы только в определенной температуре – Менаше вытащил зажигалку – его просто надо нагреть дело с концом.

– Этим что ли? – недоверчиво спросил Стефан – да проще отобрать электрон у фтора. Устойчивое чудо даже промышленные печи не берут. Силы взаимодействия там такие, что нужна температура раза в полтора выше солнечной, а для такого...

– Твой план? – перебил его Менаше.

Где-то рядом послышались исполинские шаги.

– Он идёт к нам.

Менаше сделал шаг вперёд, на всякий случай держа наготове зажигалку. Остальные просто потрясённо молчали. И вот в проёме появилось волшебное чудовище, это было огромное существо с телом человека и головой быка,

против которого наша зажигалка выглядела травинкой против слона. Самую долгую секунду своей жизни мы смотрели на новоприбывшего, а потом случилось невероятное, почти из-под самого горизонта критского неба вырвался мощнейший луч и ударил прямо в цель. По рогам чудовища побежали тонкие светящиеся трещины. Оно попыталось сделать шаг, но ноги его подломились и на каменный пол посыпались мелкие серые обломки. В лабиринте стояла адская жара, а у нас под ногами медленно таял мираций.

– Это Рэлата – догадался Луним.

Он ещё раз поклонился и по каймски поблагодарил путеводную звезду далёкого предка. А там, где только что было повержено чудовище уже стояла золотистая гиена. Она призывно махнула хвостом, развернулась и запетляла по лабиринту.

– Я понял – скомандовал Луним – идем за ней.

– Кто это?

– Гиена Каймы Великой. Смотрите, у нее старинная тиа-ара.

– Тиара у гиены? Хотя это не самая странная вещь за сегодня.

– Кайма любила золотистых гиен.

– А как её зовут?

– Понятия не имею.

– Наверно Ариадна.

– Я думаю она стала воспоминанием тогда же, когда и кузнец, о котором рассказывал папа и в чудесном мире занималась тем, чему её научили при жизни, от всех охраняла остров, даже от самой консолидации.

– Тогда почему мы сейчас должны ей верить? – спросил Менаше.

– Потому что по мужской линии я прямой потомок Эшуара, а по женской Каймы. Я всегда считал, что это ко многому обязывает, но сегодня получил двойное преимущество. Виталий, ты ведь меня понимаешь?

– Как никто другой.

Гиена победно шагнула из лабиринта и скрылась в темноте. Мы вышли следом и огляделись. Каменных стен уже не было, по одну сторону улицы стояли обычные небольшие домики, напротив начиналась огромная соляная пустыня. Мы были на острове Кайма.

– У нас мало времени, – сказал Луним – мы должны до рассвета найти того кузнеца.

– Почему именно до рассвета?

– Потому что при свете дня непокрытых мужчин сразу же арестуют.

– Ну и порядка тут у вас.

– Караул! – неожиданно раздался истошный визг – вот стыдобе то!

– Бежим – скомандовал Луним.

– Куда?

– Не знаю. Прямо.

Но громкий резкий голос нас неизбежно нагонял.

– Что я говорила, пан Лойзо – кричала Рататоск – лаборант дрезину свистнул и катает дружков.

Рядом с нами остановился потрёпанный колонизаторский джип, за рулём которого сидела белка, а на пассажирском пан Лойзо в клетчатой зелёной пижаме.

– Попались, хулиганье!

– Подожди, Рататоск! – остановил поток возмущения шеф инженер – а вы четверо быстро назад. Едем домой, достаточно на сегодня приключений.

– Пан Лойзо – я как мог подбирал слова, наблюдая, как Карлос уносит авизо в шатёр – кажется мы злоупотребили вашим доверием.

– Ничуть – весело отозвался шеф инженер – во-первых вы сегодня стали первопроходцами одиннадцатого маршрута, что дорогого стоит, во-вторых, вы освободили пару сотен килограмм отборного мирация, в-третьих, вы избавили талантливого ученого от огромной обузы. Если бы этот

гордец попросил помощи вовремя, это, конечно, многое решило бы, но имеем, что имеем. И наконец, вы вылитые я в двадцать лет. И не то, чтобы я верил в карму, это просто будет честно по отношению к моим наставникам, которые были удивительно снисходительными, когда я всюду совал нос. И я надеюсь, однажды вы будете столь же снисходительными к своим последователям. А пока отправляйтесь в тринадцатый караван и выспитесь там как следует.

– Виталий, – позвал вдруг Луним, когда я уже закрыл глаза – мне кажется я разгадал твою загадку.

– Какую ещё загадку?

– Почему слова eleven и twelve выбиваются из общего порядка. Двенадцать самое универсальное число, двенадцать месяцев, двенадцать часов на циферблате, двенадцать лучей чудесной консолидации, двенадцать деревьев кайминой вишни и много чего ещё. Наверно эти два слова использовались когда-то чаще остальных и стали неправильными, как большинство самых используемых английских глаголов. Так ведь?

– Угу – пробормотал я – молодец. Спи.

Глава тридцать третья

Решето дней

Темнота окутала тринадцатый караван, кибуц Кулички и посёлок на берегу Амазонки. В окно миссионерского домика стучал индеец, должно быть, очень статусный индеец, потому что на нём был высокий головной убор из перьев и бусы из зубов хищников.

– Доктор Альвареш! – позвал индеец.

В окне показался португалец средних лет в очках.

– Да никак это Кириши, – воскликнул он, – что случилось, мой друг?

– Наши дети болеют, доктор Альвареш. Что-то странное, уже пятый случай.

Доктор закрыл окно и почти сразу появился на улице, перекидывая через плечо сумку. Он был невысокого роста и по сравнению с индейцем казался совсем крошечным, но очень решительным.

– Идём. Нельзя терять время.

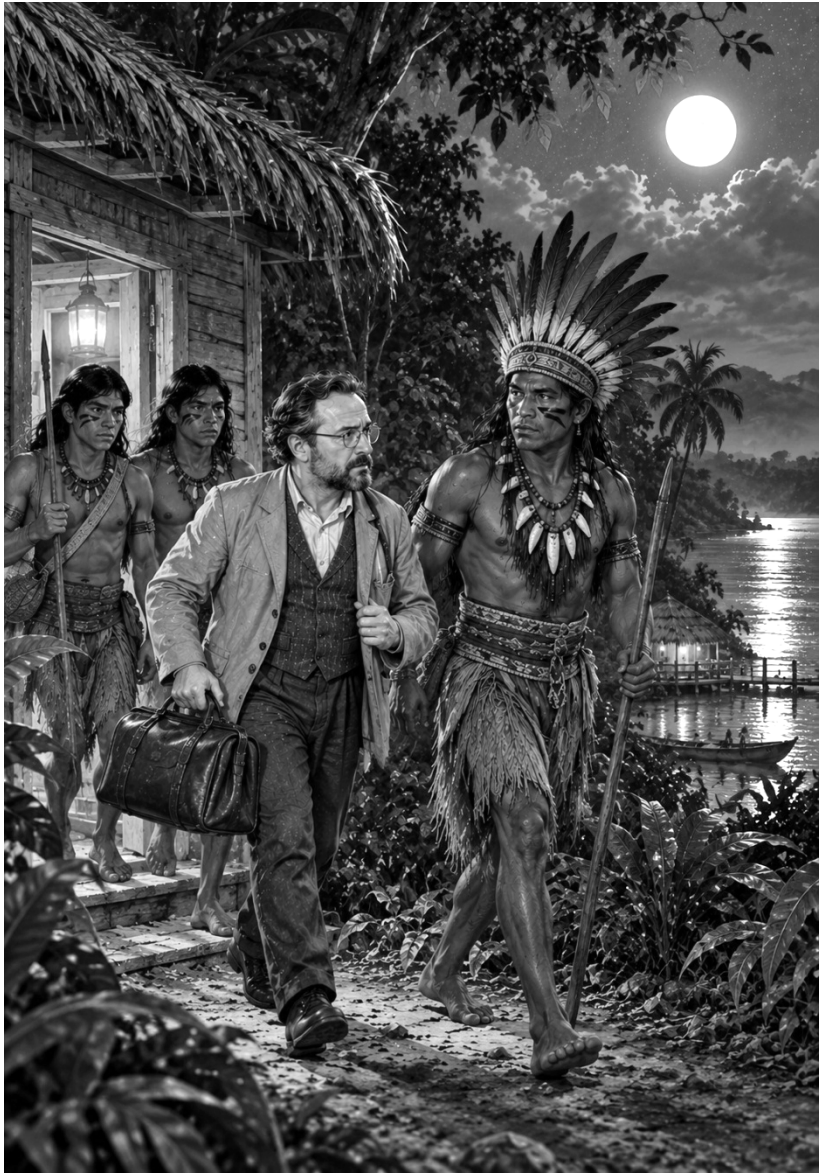
– Хорошо. Два моих старших сына пришли со мной. Мы будем провожать вас мимо недружелюбных.

Когда рассвело, из этого же домика выскочил симпатичный толстый мальчишка лет десяти и со всех ног пустился вниз по реке, бережно прижимая к себе свёрток.

– Эй, Альвареш, – вырос перед ним, как из-под земли, крепкий парень на две головы выше, – что, к индейцам намылился?

– Подожди, Карлос, я тороплюсь, – миролюбиво сказал мальчик, ещё сильнее обхватывая свой драгоценный груз. – Вот вернусь, и мы обязательно поиграем вместе.

– С тобой что ли? – расхохотался крепыш, – и не мечтай. Белых друзей у тебя никогда не будет, бегай по своим индейцам, пока принимают. Ну-ка, что ты тут им несёшь? – он потянулся к свёртку, но мальчишка молниеносно увернулся и пустился наутёк.

Карлос побежал было следом, но споткнулся, упал и злобно крикнул вдогонку:

– Ну погоди, Альвареш! Попадётся мне ещё раз, я тебя так отделаю, что и твой папаша-доктор не поможет.

Я открыл глаза. Тринадцатый караван снова играл со мной в свои загадки. Заснув снова, я оказался в том же поселке на несколько лет позднее

По улице медленно катилась нарядная повозка. Высокий господин в светлом костюме и широкополой шляпе недовольно поглядывал на дорогу, пока лошади, разбрызгивая грязь, упрямо тянули тяжёлый экипаж вверх по скользкому склону.

Вдруг колёса забуксовали и почти по ступицу увязли в размокшей земле.

– Чёрт возьми! – выругался кучер.

Несколько человек из толпы сбежавшихся на шоу попытались помочь, толкая повозку сзади, но она даже не шелохнулась.

Карлос, до этого стоявший в стороне, подошёл поближе.

– Дайте-ка.

Он упёрся плечом в заднюю стенку повозки, присел и толкнул.

Повозка неожиданно легко выскочила из грязи.

Плантатор удивлённо посмотрел на Карлоса.

– Это ты сделал?

– А кто же ещё?

– А что они все столпились?

– Восхищаются вашей смекалкой, сеньор. В марте такие дожди, что никто из местных не стал бы здесь вот так кататься.

Господин поправил шляпу и оглядел крепкого парня с ног до головы.

– Такая сила не должна пропадать зря. Где ты работаешь?

Карлос пожал плечами.

– Да где придется, сеньор. Грузчиком в основном.

– Поезжай со мной в Манаус. На плантации такие, как ты, нужны. Заработаешь хорошие деньги. А знаешь какой у нас оперный театр?

– На плантациях?

Городской господин громко рассмеялся, вытащил из кармана карточку и протянул Карлосу:

– Вот адрес. Если надумаешь – приезжай.

Карлос покосился на повозку, потом на плантатора.

– Подумаю – хитро прищурившись ответил он.

Дома его встретил отец. Он был пьян и уже ждал у двери.

– Ну? – протянул он. – Где выручка?

Карлос молча выложил на стол несколько монет.

– И это всё? Ты где целый день шлялся?

Карлос ничего не ответил.

Он посмотрел на отца, потом на деньги на столе и вдруг понял, что больше так не может.

Утром он отправился в Манаус.

– А ты чего такой добренький? – отчитывал Виктора надсмотрщик с плантации. – С этими серингейру жёстче надо, а то совсем обленятся. Каучук сам себя не соберёт.

– Да он просто новенький. Сейчас привыкнет – покруче тебя станет.

– А мне пока за двоих вкалывать?

– Мой отец был очень жестоким человеком, – заговорил Карлос. – Он был потомком дегредадос, чем почему-то гордился. В детстве я хотел стать похожим на него, а сейчас понимаю: жестокость – это путь в тупик.

– Нет, вы только послушайте этого дурака! – хохотали остальные. – Путь в тупик... Да мы почти все здесь потомки дегредадос, и что? Такова жизнь.

– Просто, к слову, пришлось.

Они сидели в тени и наблюдали за работой. И вдруг на плантацию ворвалась толпа вооружённых серингейру.

– Кончай работу! – крикнул тот, что был впереди – Хана вашему хозяину пришла, ребята, индейцы его подкараулили. И поделом ненасытному! Молодчики вроде вас с другой плантации принуждали их собирать каучук, полдеревни порешили. А сейчас и вам хана придёт. Молитесь, безбожники, пока есть время.

– Не убивайте Карлоса! – крикнул кто-то. – Пусть катится куда глаза глядят.

– Отпустите Карлоса! – поддержали несколько голосов. – Он пальцем никого не тронул.

– А мне помог, когда я руку повредил.

– Беги, Карлос, спасайся!

– Кто из вас Карлос? – спросил командир повстанцев и выстрелил в воздух – у тебя две минуты!

И Карлос побежал...

Когда я снова закрыл глаза двадцатипятилетний Виктор Альвареш шёл по берегу океана в Рио-де-Жанейро с фотоаппаратом наперевес, как большинство представителей прессы начала прошлого века. Ему, скорее всего, наскучили заказные статейки, и он решил пройтись по оживлённым местам в поисках интересного сюжета.

Неожиданно его внимание привлекла расписная кибитка и толпа ликующего народа. Виктор подошёл поближе и увидел, что на арене молодой силач удерживал над головой огромную штангу, пока двое его товарищей взбирались ему на плечи.

– Купите газету, сеньор? – подлетел к нему бойкий мальчишка. – Всего сто рейсов.

– Ты часто здесь торгуешь? – спросил Виктор, протягивая двести.

– Каждый день, щедрый сеньор, – ответил мальчишка, пряча монету в карман.

– А этот силач давно здесь выступает?

– Ну, порядочно.

– А как зовут его, не знаешь?

– Карлос.

– Карлос, значит... Карлос Алмейда. Вот ведь где встретиться пришлось.

Он бросил мальчику ещё монетку и уверенно зашагал прочь.

А на завтра все газеты напечатали:

Силач дал слабину

бывший надзиратель каучуковых плантаций притворяется скромным артистом

Карлоса уже нигде не было видно, но в толпе листающих газеты горожан мелькнул наш директор цирка с таким же фотоаппаратом, как у Виктора.

– Подленько, – подумал, проснувшись, мистер хороший парень. – Стоило просто поговорить по душам. Земляки всё-таки.

– Из-за этого проклятого каучука индейцы гибли целыми деревнями, – возразил я сам себе. – Виктор не знал всей правды, а, учитывая детские реплики Карлоса, ни на что хорошее он не рассчитывал.

– Он журналист. Его задача – докапываться до истины, а не сводить счёты.

– Скучно, – раздался капризный голосок. – Я думала, будет что-то новенькое.

На журнальном столике сидела Рукият с виноградной гроздью в руке и срывала одну за другой сочные ягоды.

– Это снова вы, Рукият-ханум?

– Я этот сон не так давно здесь уже видела, – сказала Гурия и с аппетитом раскусила виноградину. – Детские обиды так сложно выветрить, даже я не всегда справляюсь.

– И что мне теперь с этим делать?

– Я, конечно, не обязана помогать живым, но тебе, так уж и быть, сделаю исключение. Иди в цирк, там тебе всё расскажут.

Гурия, по обыкновению, не попрощавшись, раствори-

лась в воздухе. А я, стараясь никого не разбудить, быстро собрался и отправился в цирк.

Войдя в шатёр, я сразу же увидел Анну. И почему-то понял, что это правильно, что именно к ней я и пришёл. Эквилибристика, творящая чудеса под куполом цирка, буднично сметала яркой метёлочкой пыль с разноцветных афиш и снимков, развешанных по стенам.

– Виталий, – радостно поприветствовала она, – доброе утро! Я ждала тебя.

– Доброе утро, Анна! – ответил я и вдруг среди прочих увидел фотографию, на которую раньше не обращал внимания.

Фотография была чёрно-белой. Две девушки сидели на траве возле университетского корпуса. Обе в лёгких летних платьях из ситца и соломенных шляпках с лентами, какие сейчас разве что в старых фильмах увидишь. Анна улыбалась прямо в объектив, чуть щурясь от солнца. Малгожата сидела вполоборота и придерживала шляпку рукой, будто ветер вот-вот сорвёт её.

– Здесь мы только что закончили первый курс, – сказала Анна. – Смотри, Виталий, какая Гося была красавица.

– Да, – кивнул я, немного пристыженно, как будто Анна однажды прочитала мои мысли. – Вы обе очень красивые.

– Ты запомнил её не в самое лучшее время. Тогда она потеряла всех: и семью, и Марика.

Наверно, правила этикета обязывали меня что-то ответить, какое-то банальное «Мне очень жаль», но я молчал, не спуская глаз с портрета счастливых молодых студенток, и не мог представить, что через год-полтора всё закончится так трагически.

– Когда малыш Лойзо привёз меня сюда, окружил теплом и заботой, я всё равно очень долго чувствовала огромную пустоту внутри. И почему-то больше всего меня тяготило то, что я никогда не узнаю, какой у Гози и Марика мог бы родиться сын.

Я неожиданно догадался:

– Такой, как я?

– Наверно, очень похожий.

Тогда, на представлении на неё всё смотрели с нескрываемым восхищением её лёгкостью и грацией. А сейчас я увидел другую Анну, ту, что обладала редким даром принимать и разделять чужую боль так глубоко, насколько это возможно, даже когда ей самой было не сладко.

– Значит, всё оказалось не зря?

– Значит, не зря.

– Вы молодец, вы замечательная девушка, Анна.

На маяке-авизо, скромно стоящем в углу, горела надпись, которую я только что разглядел:

Особый гость Виталий Гуршумов, Баку.

Анна улыбнулась, взяла со стола дымящийся кофейник, дотронулась до него ладонью и сказала:

– Не боюсь.

А потом разлила его содержимое по стаканчикам и подала мне картонный держатель.

– Это последний бурбон сантос из той партии. Лучший кофе, который когда-либо подавали на Куличках. Для Виктора устроили целое представление, а ты возьми хотя бы кофе.

– А Виктор, значит...

– Весь в прадеда. И тоже журналист.

Я поблагодарил добрую эквилибристку и вышел из шатра. Виктор сидел у пруда с блокнотом и задумчиво смотрел вдаль.

– Привет! – Я протянул ему один стаканчик. – Планшет сломался?

– Всегда пишу стихи по старинке, – пояснил Виктор. – Из сердца в ручку, из ручки на бумагу, а уже потом с холодной головой в планшет. Так искреннее получается.

Я кивнул и всё же не удержался от соблазна спросить:

– Виктор, а о чём вы тогда говорили с Карлосом?

– А, с тем парнем из цирка? Он хочет заняться капоэйрой и просто замучал меня расспросами, как правильно делать жингу и как вести себя на батизаду.

Он отпил кофе и лукаво улыбнулся.

– Лучше расскажи о ваших приключениях. Сегодня весь кибуц только о них и говорит. Вы теперь местные знаменитости.

– Не может быть...

– Еще как может. Вы же проложили новый чудесный маршрут. На каком-то маленьком острове в Индийском океане будет новый филиал консолидации. На следующей неделе экстренный саммит по этому поводу на Крите. Даже немножко завидно.

– Решено – пообещал я – следующий раз, когда мы во что-нибудь влипнем, обязательно позовём тебя с собой.

Конец первой книги

Слово издателя

Работа над этой книгой стала для меня настоящим путешествием в удивительный мир, созданный Марией Евдаевой. Мир необычный, порой совершенно непредсказуемый, в котором фантастическое удивительно естественно соседствует с хорошо знакомой нам реальностью.

Наверное, поэтому особенно заметной для меня стала одна черта авторской манеры. Здесь сравнительно мало пространных описаний и очень много диалогов и действия. Герои постоянно разговаривают, спорят, куда-то идут, что-то выясняют, а события быстро сменяют друг друга. В какой-то момент я поймал себя на мысли, что передо мной не только роман, но и почти готовый сценарий. Многие его сцены словно сами просятся на экран.

Особенно близкой мне, человеку, родившемуся и выросшему в Баку, оказалась азербайджанская линия романа. Было приятно встречать знакомые места и детали, а ещё приятнее обнаружить почти незаметный авторский штрих: читателю очень деликатно дают понять, что один из героев, Гуршумов, – горский еврей. Это не подчёркивается специально и не становится отдельной темой, но именно такие маленькие детали делают литературный мир живым и узнаваемым.

За пятнадцать лет издательской деятельности Центра “Sholumi” мне довелось работать над самыми разными книгами. Каждая из них по-своему находила дорогу к читателю. Хочется верить, что и «Одиннадцатый маршрут» Марии Евдаевой найдёт своего читателя, а созданный ею удивительный мир останется с ним и после того, как будет перевёрнута его последняя страница.

Шауль Симан-Тов,
руководитель Центра “Sholumi”.

ОБ АВТОРЕ

Мария Евдаева родилась в 1979 году в посёлке Красная Слобода Губинского района Азербайджана. Когда ей ещё не исполнилось пяти лет, семья переехала в Россию. В 2000 году Мария репатрировалась в Израиль.

После службы в Армии обороны Израиля, где она была механиком танков, Мария решила продолжить образование. Её целью был Хайфский Технион, однако поступить туда с первого раза не удалось. Год она проучилась в Университете Бар-Илан, после чего перевелась в Технион на факультет биологии. Впоследствии

работала лаборантом, в том числе в медицинском центре «Бней Цион» в Хайфе.

Литература всегда занимала особое место в жизни Марии Евдаевой. В 2014 году вышла её книга «Обратная сторона радуги» – семейная сага, в которой переплелись судьбы нескольких поколений, любовные коллизии, политические события и отголоски трагедии Холокоста.

В 2017 году в рамках проекта «Аудиобиблиотека горско-еврейской литературы», созданного на сайте Международного благотворительного фонда СТМЭГИ, была осуществлена аудиозапись романа «Обратная сторона радуги», а также нескольких стихотворений Марии Евдаевой. Произведения прозвучали в исполнении известного чтеца Олега Исаева.

В том же году на основе этих записей Центр “Sholumi” выпустил две аудиокнижки Марии Евдаевой – поэтический сборник «Через 1000 лет в чайном домике из фольги» и израильскую сагу «Обратная сторона радуги».

Роман «Одиннадцатый маршрут» стал новой большой прозаической работой Марии Евдаевой. В нём автор соединяет фантастику и приключенческий сюжет с узнаваемыми реалиями современной жизни, историческими и культурными аллюзиями, создавая собственный необычный мир, в котором реальность порой оказывается не менее удивительной, чем вымысел.

Мария Евдаева – член Союза русскоязычных писателей Израиля (СРПИ).

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Глава первая</i>	
От лестницы до лифта	3
<i>Глава вторая</i>	
Возмутитель спокойствия	12
<i>Глава третья</i>	
Солнечное эхо	21
<i>Глава четвёртая</i>	
Летучий самаритянин	30
<i>Глава пятая</i>	
Любовь к искусству	41
<i>Глава шестая</i>	
Августейшие причуды	53
<i>Глава седьмая</i>	
Away from here	64
<i>Глава восьмая</i>	
Эшуар проснулся!	71
<i>Глава девятая</i>	
На борту	82
<i>Глава десятая</i>	
Зеркальный мир	97
<i>Глава одиннадцатая</i>	
Жизнь кипит	105
<i>Глава двенадцатая</i>	
Везунчик Стефан	113
<i>Глава тринадцатая</i>	
Кибуц Кулички	119
<i>Глава четырнадцатая</i>	
Deus ex machina	130
<i>Глава пятнадцатая</i>	
Прогульщик	141
<i>Глава шестнадцатая</i>	
Директор цирка	148

<i>Глава семнадцатая</i>	
Особый гость	162
<i>Глава восемнадцатая</i>	
Кузнец-психоаналитик	172
<i>Глава девятнадцатая</i>	
Представление	185
<i>Глава двадцатая</i>	
Обсерватория Гипатии Александрийской	193
<i>Глава двадцать первая</i>	
Орехи творят чудеса	202
<i>Глава двадцать вторая</i>	
Странные сны	212
<i>Глава двадцать третья</i>	
Дорога жизни	220
<i>Глава двадцать четвёртая</i>	
Язык до Рима доведёт	231
<i>Глава двадцать пятая</i>	
Неофиты	240
<i>Глава двадцать шестая</i>	
Суэта сует	246
<i>Глава двадцать седьмая</i>	
Саванна	252
<i>Глава двадцать восьмая</i>	
Кодекс Каймы	258
<i>Глава двадцать девятая</i>	
Саммит чудесной консолидации	267
<i>Глава тридцатая</i>	
Дискотека лакримоз	274
<i>Глава тридцать первая</i>	
Озарение	283
<i>Глава тридцать вторая</i>	
Путь Эшуара	286
<i>Глава тридцать третья</i>	
Решето дней	295

Мария Евдаева
Одиннадцатый маршрут
Книга первая
Возмутитель спокойствия

Дизайн и графика:
Кямран Абушев

Руководитель издательского проекта:
Шауль Симан-Тов

Книга подготовлена к печати и выпущена
Центром “Sholumi”
при содействии
Международного Фонда СТМЭГИ

ISBN: 978-965-7783-47-4
© “Sholumi” Center
Израиль, 2026